

Я СНОВИДЕНИЯ
НАБОВОА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАН А ДИМБАХА

INSOMNIAC DREAMS

EXPERIMENTS WITH TIME
BY VLADIMIR NABOKOV

PRINCETON UNIVERSITY PRESS
PRINCETON & OXFORD

Я СНОВИДЕНИЯ НАБОКОВА

*Составление, публикация и комментарии
Геннадия Барабтарло*

Перевод Геннадия и Аллы Барабтарло

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2021

ББК 84(7США)6-4-021*83.3
83.3(2=411.2)6-8Набоков

УДК 821.111(73)-3«19»=161.1=03.111
821.161.1«19»Набоков.06

Я 11

Я 11 [Набоков В. В.] Я/сновидения Набокова / Сост., публ. и коммент. Геннадия Барабтарло; Пер. с англ. Геннадия и Аллы Барабтарло. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. — 232 с.: ил.

ISBN 978-5-89059-403-7

Впервые опубликованный дневник сновидений Набокова с комментариями и статьей одного из крупнейших исследователей творчества писателя.

14 октября 1964 года Владимир Набоков начал любопытный эксперимент. В течение восьмидесяти дней он записывал свои сны, следуя инструкциям британского философа Джона У. Данна. Цель состояла в том, чтобы проверить теорию: более позднее по времени событие находит отражение в более раннем сне. В результате возник этот уникальный дневник, в котором Набоков записал шестьдесят четыре сна (и последующие дневные эпизоды) на 118 карточках. Раскрывая неизвестный аспект увлечения Набокова природой времени, они показывают его удивительную открытость новым путям мышления.

Текст печатается с сохранением особенностей правописания автора.

*Цитаты из опубликованных произведений Набокова
приводятся по современным изданиям.*

*Издательство благодарит Андрея Бабикова
за помощь в редактировании книги.*

Все иллюстрации, за исключением авантитула, — из Коллекции английской и американской литературы Генри и Альберта Бергов, хранящейся в Нью-Йоркской публичной библиотеке Astor, Lenox and Tilden Foundations. Печатаются с разрешения The Wylie Agency и издательства Принстонского университета.

*На авантитуле: Владимир Набоков пишет в постели
дома в Итаке, штат Нью-Йорк, 1958.*

Фото Карла Мидамса / Time Life Pictures / Getty Images.

© 2018, The Estate of Dmitri Nabokov.
Compilation, preface,
parts 1 and 5, notes and other
editorial material copyright
© Princeton University Press.
All rights reserved

© Г. А. Барабтарло (наследники), 2021
© А. А. Бабиков, перевод фрагментов
из произведений В. В. Набокова
(Взгляни на арлекинов!;
Лолита. Сценарий), 2021
© Н. А. Теплов, оформление, 2021
© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

Памяти Дмитрия Набокова

*Что такое время? Если никто меня не спрашивает,
я знаю, что такое время; если бы я захотел
объяснить спрашивающему, — нет, не знаю.*
Блаженный Августин. Исповедь. Книга XI, 14*

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Предисловие</i>	9
1	ПРОТИВ ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ	13
	Данн и его теория	18
	Эксперимент Набокова	32
2	ДНЕВНИК СНОВИДЦА	45
3	ДРУГИЕ СНЫ	111
	До эксперимента	113
	После эксперимента	120
	В письмах к жене	123
	Из «Других берегов»	125
4	ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ	129
	Профессиональные сны	138
	Судьбоносные («роковые»)	139
	Дневные впечатления	152
	Воспоминания далекого прошлого	154
	[Обратно]-провиденциальные сны	154
	Эротические	160
	Телескопические сны	167
	Жизнь есть сон	170
	Реализм сновидений	171
	Отец	178
	Безсонница	183

5.	ВОЗВРАТНЫЙ ВЕТЕР	185
	1. Три времени глагола	185
	2. Две главные тайны	190
	3. Прозрачная арлекинада	193
	4. Бумеранг времени	198
	5. Ясновидение	200
	Заключение	217
	<i>Источники рукописей</i>	223
	<i>Библиография</i>	224
	<i>Указатель имен</i>	227

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга родилась от соединения двух поначалу раздельных предприятий: доклада под названием «Ясность видения», прочитанного на конференции в Оклендском университете в Новой Зеландии, и моими занятиями в архиве Набокова в Нью-Йоркской публичной библиотеке, где между прочими хранятся записи его снов, увиденных в ходе эксперимента 1964 года. Архивная читальня (подыскивая удобное место, я чуть было не сел за стол Диккенса), с ее холодной стерильной тишиной, согреваемой услужливостью персонала, была полной противоположностью гаме и суете большой университетской аудитории.

Конференция называлась «Набоков вниз головой» (дело, повторяю, было в Новой Зеландии), и мой доклад был назначен на последний день — последний день 2011 года по старому стилю. Я давно заметил, что разсуждение о Набокове на конференциях сообщает слушателям какое-то неосознанное ощущение противоречия, в результате чего почти каждый прочитанный доклад содержит — и сообщает слушателям — большую, чем положено, дозу довольно кустарного юмора, словно притянутого для того, чтобы замаскировать неловкость, которую этот неудобный гений вызывает в сознании наших современников. Мой доклад, однако, был прямолинейно безьюморным. Его предметом было сопоставление немислимого вероятия с логически невероятной альтернативой ему. Конференция происходила в чрезвычайно современном здании, где ради экономии электроэнергии в комнатах автоматически гас свет, если в них не было никакого движения в продолжение получаса; если помахать руками, то свет снова зажигался. Я решил в последнюю минуту воспользоваться этой метафорой, если

бы меня спросили, какой вывод я делаю из моих наблюдений, надеясь, что это не будет принято за остроумие. Но мой доклад был предпоследним, для вопросов оставалось мало времени, и никто не поднял руки.

Никто из весьма солидных английских и американских рецензентов книги не понял толком, о чем она. Отчасти этому способствовало ее английское название: «*Insomniac dreams*» («Сны страдающего бессонницей»), смещающее акцент в сторону сновидений Набокова, тогда как главная тема книги — гипотеза о возвратности времени. В снах Набокова выделяли провидческий характер, как будто есть что-то новое в том, что иные сны (как будто) предсказывают будущее. Между тем оригинальность и ценность этой гипотезы состоят прямо в обратном: в текущих событиях, предсказывающих прошлое в той зоне, которую можно назвать вслед за Флоренским соприкосновением мира видимого и невидимого, — в зоне сновидений. В сущности, «Предсказание прошлого» могло бы быть удачным названием этой книги. Я предпочел настоящее двусмысленное название, ибо оно послужило толчком для всего замысла.

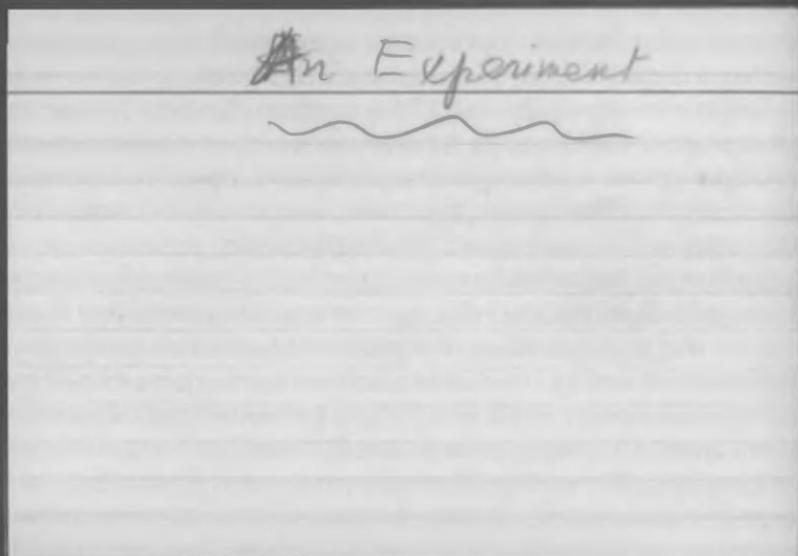
Книга состоит из пяти частей. Первая ставит главную психофилософскую задачу о функции и направлении памяти в мире сновидений; излагает теорию Джона Данна о серийном Времени, сопоставляя его с современным, но тогда еще не опубликованным исследованием Павла Флоренского, и описывает эксперимент Набокова, основанный на предпосылке и указаниях, взятых им из книги Данна. Вторая часть содержит публикуемую впервые аннотированную транскрипцию снов Набокова (и его жены) осенью 1964 года. В третьей части приводится описание снов в американских и швейцарских дневниках и письмах Набокова, как до эксперимента 1964 года, так и после, что позволяет мне применить заключения, полученные в ходе эксперимента, к более общему сновидческому опыту и его месту в художественных сочинениях Набокова. Для этой последней цели в четвертой части собраны вымышленные сны из книг Набокова, как русских, так и английских, под категориями, которые он определяет в эксперименте, с прибавлениями

по необходимости новых рубрик: персонажи Набокова видят сны в более широком диапазоне, чем их создатель. Последняя часть касается главной темы книги — трактовки Времени Набоковым как основного условия существования и более конкретно: как сложного сотрудничества памяти и воображения с часто непредсказуемым исходом, когда провиденциальное граничит с пророческим.

Выражения благодарности всегда недостаточны в таких случаях; вот неполный список лиц, которым я в разной степени обязан осуществлением этого проекта. Благодарю д-ра Исаака Гевирца, тогдашнего куратора коллекции Бергов Нью-Йоркской публичной библиотеки и библиотекарей Джошуа Маккеуна и Линдси Барнс за их профессиональную помощь в моих исследованиях; литературное агентство Эндрю Вайли, представлявшее наследников Набокова, за позволение опубликовать мои находки; и Ученый совет Миссурийского университета за грант, оплативший некоторую часть моих дорожных расходов. Я погрешил бы против справедливости, если бы не выразил глубокой признательности профессору Брайану Бойду, предложившему идею третьей части книги, и не могу отказать себе в удовольствии благодарить мою жену за превосходный совет включить часть четвертую, без которой книга много потеряла бы в содержании и сюжете. Русский вариант отличается от оригинального английского — в нем сделано большое количество изъятий и прибавлений — и эти перемены тоже обязаны участию моей жены.

Сорок лет тому назад в аналогичном предисловии Набоков благодарил издательство Принстонского университета, выпустившее пересмотренное издание его монументального перевода и истолкования «Евгения Онегина». Я тоже обязан благодарностью этому отличному издательству, равно как и нынешнему — Ивана Лимбаха, и его главному редактору Ирине Кравцовой за ее энтузиазм, большое число полезных предложений и кропотливый редакторский труд.

Геннадий Барабтарло

Илл. 1. Заглавная карточка лабоковского эксперимента по записыванию снов, который он начал в октябре 1964 года.

ПРОТИВ ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ

Время — это... — но об этом эта книга.

Дж. У. Данн. «Эксперимент со временем»

14 октября 1964 года в швейцарском отеле «Монтрё Палас», где Набоков жил последние три года, он начинает частный эксперимент, продолжавшийся до 3 января следующего года, и заканчивает его накануне дня рождения жены (которую он вовлек в этот опыт). Каждое утро, сразу по пробуждении, он записывал все, что мог вспомнить из своих снов. В продолжение следующего дня или двух он внимательно наблюдал за всем, что могло бы напомнить ему записанный сон. Сто восемнадцать так называемых оксфордских карточек, хранящихся в Коллекции Бергов в Нью-Йоркской публичной библиотеке, содержат шестьдесят четыре записи, многие из которых сопровождаются соответствующими эпизодами случившегося наяву.

Целью эксперимента было испытать теорию, согласно которой сны могут быть как провиденциальными, так и относящимися к прошлому. Теория эта основана на том положении, что образы в наших сновидениях — не калейдоскопические осколки, перемешанные и перепутанные фрагменты прошлых впечатлений; они могут быть также предуведомлением будущего события — что, между прочим, дает удовлетворительное объяснение известному феномену *déjà vu*.

Сновидения могут быть сложным конволютом прошлых и будущих событий. Это возможно потому, что, согласно этому предположению, время движется не только поступательно, в одном направлении, но и в обратном: причина, по которой мы не замечаем этого возвратного движения та, что мы не обращаем на него внимания. Мир снов — наилучшее испытательное поле.

Тринадцать лет перед тем, 25 января 1951 года, в щемящем сне Набокову приснился отец за роялем в их петербургском доме, неуверенно берущий одной рукой несколько нот сонаты Моцарта, понурый, не понимающий литературную шутку сына: Тургенев где-то называет сорокапятилетнего человека стариком, в то время как ему, Владимиру Набокову, уже пятьдесят два. Проснувшись и записав это в своем дневнике, Набоков перед словами «пятьдесят два» вставляет «почти» и прибавляет, что отец его был убит в пятьдесят два года. Совпадение в самом деле поразительное: когда Набокову приснился этот сон, он был в возрасте своего отца в день его смерти с точностью до двух дней.

Вслед за тем он набрасывает в дневнике план продолжения книги мемуаров, которая вот-вот должна была выйти:

Другая вещь, которую я должен написать, подчеркнув особенно неряшливую постановку снов (в дело идет любая старая декорация и т. д.)

1. Три времени глагола
2. Сны
3. О среднеевропейском профессоре в поисках службы¹.

---

¹ Здесь и далее в цитатах сохранена пунктуация В. В. Набокова. *Ред.*

Первое из перечисленных — остов рассказа о прошлых, настоящих и будущих историях одного человека, который он набросал в той же записной книжке за день перед тем. Под третьим номером мы слышим впервые сердцебиение третьего его американского романа «Пнин», второй пункт указывает на его постоянное желание приготовить сновидения к публикации, чего он так и не сделал, хотя варианты снов появляются во множестве его сочинений (см. Часть четвертую этой книги).

14 февраля 1951 года вышли мемуары Набокова «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство» — того, что он существует, как объясняется в Предисловии к окончательному изданию 1966 года, переименованному в «Speak, Memoir»). Четыре дня спустя Набоков делает записи для будущего продолжения, смело позволяя памяти и воображению сотрудничать в списке глав:

Я ясно вижу теперь другую книгу, «дополнительное доказательство», — что-то вроде «Американские главы»²

1. Критика и дополнения к «Убедительному доказательству»
2. Три времени глагола
3. Сны
4. Музей Сравнительной Зоологии и бабочки (с переходом назад в Россию)³
5. Школа Св. Марка (со всеми подробностями)⁴

---

² Набоков написал несколько глав для книги, которую условно назвал «Speak On, Memoir» («Продолжай говорить, память»), о жизни в Америке, но оставил этот проект.

³ В 1940-е годы Набоков служил куратором Отдела чешуекрылых в гарвардском Музее сравнительной зоологии.

⁴ Сын Набокова Дмитрий учился в этой привилегированной школе в Массачусетсе; она послужила моделью для школы Святого Варфоломея в «Пнине». В заметках 1958 года Вера Набокова вспоминает, что

February 18

to see quite clearly now another book
"Conclusive Evidence" — something like that —
"American" part

1. Introduction and addenda of "Conclusive Evidence"
2. Three Fences
3. Dreams
4. M.C.2 and collecting (merge back into Russian)
5. St Mark's (with full details)
6. Story I am doing now
7. Double Take (enlarged)
8. Edmund W.
9. Revised program who was never found out
(Cross, Fairbanks)
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.
- 14.
15. Certain and addenda to this"

Илл. 2. В дневнике 1951 года Набоков набросал план предполагаемого продолжения мемуаров «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство»). Третьим номером в списке значится «Сны».

6. Рассказ, который я теперь пишу¹
7. Двойной разговор (дополненный)⁶
8. Эдмунд В.⁷
9. *Ассистент профессора*, которого так никогда и не разоблачили (Кросс, Фэрбанкс)⁸
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.
- 14.
15. Критика и прибавления

Вполне возможно, что Набоков имел в виду придать своему эксперименту литературную форму, быть может включив выдержки из записей снов в неосуществленную вторую книгу автобиографии.

школа их «очень разочаровала, плохие учителя, директор — вульгарный хам, и все то, что было достигнуто [в Декстере, предыдущей школе], было уничтожено недобросовестным до глупости отношением».

⁵ «Сестры Вэйн».

⁶ Рассказ «Double Talk», позднее переименованный в «Жанровую картину, 1945 г.».

⁷ Эдмунд Вильсон (1895–1972) — писатель и критик, в то время добрый друг Набокова.

⁸ Набоков весьма критически отзывался о преподавании русского языка в Америке вообще и в Корнелле в особенности; отголоски этого отношения можно видеть в «Пнине». Профессор Сэмюэль Хаззард Кросс (1891–1946) — гарвардский славист, «знающий только середину русских слов и совершенно игнорируя приставки и окончания» (из письма к Роману Гринбергу от 25 декабря 1943 г.). Доцент Гордон Фэрбанкс, еще хуже владевший русским языком, однако руководил в Корнелле преподаванием русского языка, что сильно раздражало Набокова.

1.

В основе эксперимента Набокова лежит гипотеза Джона В. Данна, британского аэроавта начала XX века, первооткрывателя, инженера, эксцентрического писателя и оригинального мыслителя. Между 1901 и 1914 годом Данн изобрел и построил десять вариантов летательного аппарата «тяжелее воздуха» для военной разведки, как монопланы, так и бипланы, от модели D1 до D10. Их фюзеляж напоминал наконечник стрелы с крыльями, отброшенными назад наподобие современных дельтапланов, и не имел хвоста, что, как это ни странно, придавало его машинам поразительную устойчивость. Данн мог управлять аэропланом, прижимая ногой акселератор, в то время как руки его могли вести записи в полете.

Предвоенная аэроавтика довольно резко пошла в другом направлении, и, вследствие врожденной болезни сердца, Данн оставил авиацию. После некоторого времени, посвященного изобретению новых улучшенных способов рыбной ловли на приманку (в 1924 году он опубликовал популярную книгу о том, как делать искусственные мушки «прозрачными», чтобы рыба могла видеть настоящих мух сквозь солнечный свет), он обратился к исследованию, позволившему удовлетворительно объяснить странную серию сновидений, которые он видел с юности и которые, как он обнаружил, видели и другие. Он изучил современные теории времени, от Ч. Х. Хинтона («Что такое четвертое измерение?», 1887) до Бергсона и Фрейда, с одной стороны, и до Планка и Эйнштейна, с другой. По совету Герберта Уэллса, его старого приятеля, он разработал подробную общую теорию, которую опубликовал в 1927 году как «Эксперимент со временем» (по любопытному совпадению, в том же году Хайдеггер напечатал «Бытие и Время», быть может,

самое свое глубокое сочинение). Книга Данна выдержала множество изданий, лучшее из которых было третье, пересмотренное, напечатанное в 1934 году и много раз перепечатанное. У Набокова было одно из этих изданий. Книга наделала довольно много шума в научных философских кругах и имела влияние на многих современных британских писателей, особенно на Олдоса Хаксли и Дж. Б. Пристли и, может быть, менее явно на Джойса, Вальтера де ла Мара и Элиота⁹.

Данн развивал и шлифовал свою теорию серийного времени в нескольких последующих книгах, названия которых могли бы привлечь внимание Набокова, хотя нет доказательств того, что он их читал: «Новое бессмертие» (1938) и, особенно, «Ничто не умирает», вышедшей в 1940 году, когда Набоков с женой и сыном эмигрировал в Америку из Европы, где смерть стала столь же обыкновенной и предсказуемой, как дурная погода.

2.

«Эксперимент со временем» Данна — книга со всех сторон необычная, совершенно оригинальны и ее предпосылка, и композиция, и стиль; последний — вследствие того, что автор не профессиональный писатель, связанный условностями. Он пускает свою гипотезу в дело, прежде чем излагает ее. Он пересыпает повествование риторическими вопросами вроде: «Можем ли мы быть уверены, что [такое-то] правда?» и тут же твердо отвечает: «Да, можем», без обычных в таких случаях оговорок. Он пользуется курсивом с раздражающей частотой,

---

⁹ Эжен Жоля (также Юджин Джолас; John George Eugene Jolas; 1894–1952) — писатель, переводчик, литературный критик, вспоминал, что после одной из операций на глазах, перенесенных Джойсом, он читал ему в Париже «блестящий „Эксперимент со временем“, книгу, которую Джойс ценил очень высоко».

словно всегда подозревал, что читатель клюет носом, и то и дело дергает его за рукав («этот довод *основан* на гипотезе»; «трехразмерный *наблюдатель*»). Он отвергает схожие теории, в которых у него нет надобности, — то есть почти все. Тем не менее эта небольшая книжка не просто увлекательна, но и глубока.

Предисловие к ней без сомнения одно из самых престранных введений, когда-либо написанных. «Читатель увидит, что книга не требует от него специальных сведений в науке, математике, философии или психологии, — пишет Данн. — Ее гораздо легче понять, чем, скажем, правила контрактного бриджа. Исключение составляет продолжение этого предисловия».

Для этого читателя, однако, исключение составляет вторая, теоретическая часть книги, заполненная загадочными цифровыми выкладками и графиками, иные из которых различаются лишь прибавлением стрелочки к тому, что было только штрихом на предыдущей диаграмме.

Данн занимает довольно неудобную позицию, свободную и от физики и от метафизики. О первой он говорит проницательно: «Физика — наука, предназначенная специально изучать не вселенную, но то, что осталось бы во вселенной, если бы мы изъяли из нее всякий след чисто чувственного характера». Иными словами, физическая наука принципиально игнорирует субъективного наблюдателя, слово, которое Данн любит подчеркивать¹⁰. Физика не интересуется чувственным восприятием, в том числе и *чувством* времени, поэтому наблюдателя следует изъять, ибо он «постоянное препятствие на пути поиска внешней действительности». Для Данна наблюдатель — основной элемент всей системы.

---

¹⁰ Позднее физика вынуждена была считаться с тем, что акт наблюдения влияет на наблюдаемое в измерениях квантовой демолиции.

С другой стороны, Данн уверяет, что его теория решительно свободна от мистицизма, ясновидения или пророчеств; что ее нельзя принимать за «книгу об „окультизме“ и так называемом „психоанализе“ », после чего он как бы мимоходом объявляет, что «книга эта, между прочим, — первое научное обоснование бессмертия человека. Это, надо заметить, совершенно неожиданный вывод». И то сказать!

Эта философская неопределенность окрашивает все изложение, что немало не беспокоит Данна. Он разворачивает длинную серию снов, поражающую точным предвидением будущего события или положения, а затем показывает в математических терминах, что чудо это универсально и совершенно логично. В самих его объяснениях есть что-то от сновидений. Он признает, что приводимые им «случаи в совершенстве имитируют многие классические примеры „ясновидения“, „лунатизма, „посланий от покойников“». Это последнее могло бы привлечь внимание Набокова, так как гораздо более тонкая версия вмешательства духов в жизнь живых была предметом многих его метафизических сюжетов. В самом начале Данн говорит, что «идея души должна была возникнуть в сознании первобытного человека оттого, что он видел сны. Как бы невежественен он ни был, он не мог не прийти к заключению, что во сне он оставляет спящее тело в одном мире и переходит в другой».

Можно предположить, что Набоков перелистывал вторую, теоретическую часть книги быстрее первой. Главы, которые следуют за описанием странных снов Данна и предлагают подробные инструкции для эксперимента, написаны своеобразным твердым, но оживленным, даже бодрым слогом, правда, ко второй половине эта интригующая, почти детективная история обращается в комплекс прикладных алгебраических формул, использующих почти весь латинский алфавит и иллюстрированных

кустарными диаграммами. Вот хороший пример: предложение по длине – Прустово, по беспорядочной серьезности – Кэрроллово:

Итак, если *G'G''* представляет собою состояние мозга, где сначала (во Времени 1) становится довольно развитым, чтобы позволить последнему наблюдателю ощутить психологические эффекты, и если *H'H''* представляет собою место, где (во Времени 1) этот мозг прекращает свою полезную деятельность и разрушается, то мы можем сказать, что наблюдатель 2 может наблюдать *всю* свою обычную жизнь наяву во Времени 1, от рождения до смерти, но что по причине, которую предстоит установить, он позволяет своему *вниманию* следовать за наблюдателем 1 в его странствии слева направо (от рождения до смерти) вдоль поля 2.

Даже самый усердный читатель на половине этого серпантинного предложения может почувствовать: его «мозг прекращает полезную деятельность и разрушается» – что весьма отличается от впечатления от предыдущего повествования, особенно от ясного и убедительного описания странных снов Данна.

3.

Первый свой необычный сон Данн видел в Сассекском отеле в половине четвертого утра 1899 года. Трудно себе представить, чтобы Набоков, родившийся в том же году, удержался от улыбки при этом совпадении. Замечательно, что этот самый первый сон имел отношение ко времени: ему приснилось, что его часы остановились, а когда он проснулся, то обнаружил, что хронометр его, лежавший на полке в бельевом шкафу, остановился в то же

самое время с точностью до минуты, что и часы в его сновидении. Второй эпизод произошел в Сорренто, когда в полусонном состоянии он видел мысленную проекцию циферблата, которого не мог видеть физически и который показывал точное время, в чем он убедился по пробуждении. Есть интересная аналогия этих двух эпизодов в рассказе Набокова «Облако, озеро, башня» (1937), где герой «плохо спал накануне отбытия. Почему? Не только потому, что утром надо вставать непривычно рано и, таким образом, брать с собой в сон личико часов, тикавших рядом на столике <...>».

За этими двумя следуют три еще более поразительных и необъяснимых случая предсказательных снов, вследствие чего Данн заподозрил, что у него так называемая *идентификационная парамнезия*: произвольная подгонка предыдущего сна к последующему событию наяву. Начиная с пятого эпизода, в 1904 году, — в котором он в малейших подробностях видел, как страшный пожар уничтожает здание, а потом прочитал в вечерней газете о чудовищном пожаре на резиновой фабрике под Парижем в тех же самых ужасных подробностях, что и в его сновидении, — он начал записывать такие сны тотчас по пробуждении, и это сделалось главным условием его эксперимента, чтобы исключить возможность всякой «идентификационной парамнезии».

Шестой озадачивший его сон случился в том же 1904 году в австрийской гостинице с курьезным названием «Схоластика». (Любопытно, что большинство этих снов посещает Данна в гостиничных постелях; во время *своего* эксперимента и до конца жизни Набоков жил в отеле в Монтрё.) К этому времени Данн понял, что в этих сновидениях не было бы «ничего в малейшей степени необычного», если бы они случались ночью «*после соответствующих <им наяву> событий*», но они случились в предшествующую ночь (курсив Данна). Таким образом,

он приходит к пониманию, что события, которые он видит во сне, смещены во времени.

Седьмой случай относится к крушению неподалеку от Оксфорда в 1912 году моноплана, в котором погиб его друг; тем же утром, в то же самое время в Париже Данн видел во сне, как этот человек выжил после падения аэроплана. Он думал, что это новое поразительное свидетельство можно было бы при желании принять за «послание» из «мира духов» или за «фантазм умирающего», но потому, как он ставит кавычки вокруг этих понятий, можно думать, что он сам не верит в такие возможности — в отличие от Набокова, который скорее всего пометил эти фразы на полях своего экземпляра.

Последний из записанных в этой серии случаев произошел осенью 1913 года, когда Данн видел во сне крушение поезда, опять в точных подробностях. Через полгода, 14 апреля 1914 года, почтовый поезд «Летучий шотландец» сошел с рельсов таким точно образом, каким Данн видел это во сне.

Все описания снов досконально подробны, методичны, трезвы; они представляются достоверными, хотя там и сям появляются некоторые странности. Неясно, например, почему первые сновидения он «запомнил подробно», а не записал тотчас. Вместо точных дат Данн обычно дает месяц, время года или просто год, что несколько противоречит общей точности изложения.

Данн довольно рано понял, что он, возможно, открыл совершенно новый аспект структуры времени. Сами по себе его сны не являлись чем-то экстраординарным, но он видел, что «большие части вполне обычного человеческого опыта смещены со своих нормальных позиций во времени». Удивительно здесь то, что следствие предшествует причине: лучший из известных примеров реверсивной этиологии.

Сам эксперимент методически излагается в третьей части книги Данна. Он ищет доказательств того, что его предсказательные сны не ненормальны и не свойственны ему одному. Но указывает на незамеченный прежде аспект времени, общий для всех людей, а именно что время способно двигаться вспять. Он также замечает, что людям свойственно забывать свои сны по пробуждении или «не замечать связи с последующим, относящимся ко сну явлением». Иногда в памяти всплывают отрывки старых снов: они могут скрывать правдоподобное объяснение феномена *déjà vu*, цепочки явлений, виденных во сне, но начисто забытых, покуда они не происходят в действительности, иногда годы спустя.

Поэтому Данн приходит к выводу, что сны вообще состоят из «образов прошлого опыта, смешанных с опытом будущего опыта приблизительно в равных пропорциях». Его главный довод тот, что мир протяжён во времени и у нас о нем до странного искаженное представление, «при котором „будущее“ необъяснимо отсутствует, отрезано от растущего „прошлого“ подвижным „настоящим моментом“» — привычное заблуждение, вызванное «чисто мысленным барьером, ощущаемым, только когда мы живем наяву». Иными словами, мы сознательно отсекаем свое будущее — уже произошедшее в наших снах.

Вот тут-то Данн и придумал уникальный эксперимент, чтобы убедиться, что его опыт не идиосинкратичен, но вполне зауряден. Он уговорил еще троих проделать то же самое, следуя его точнейшим указаниям, — с результатами, превзошедшими его собственные.

Он разработал техническую сторону, с тем чтобы преодолеть два главных препятствия, не позволяющих нам следить за временем более чем в одном направлении: трудность запомнить сновидения в точных деталях, и еще большую трудность — отнести этот сон к последующему

событию и сделать правдоподобной связь между событиями, какими они представились во сне и наяву. Большинство людей помнят некоторые свои сны, иные записывают их, однако «за все предыдущие века ни один из тысячи *не заметил*, что он видит во сне будущее» (курсив, разумеется, Данна).

Набоков, вероятно, читал эти инструкции со вниманием, ибо он следует им дословно, по крайней мере, в начале своего эксперимента. Данн говорит, что «крайне важно следовать всем его указаниям. Более того, можно с уверенностью сказать, что если читатель не следует им в каждой подробности, то шансы получить результат сводятся почти к нулю». В третьем издании Данн прибавляет несколько страниц разъяснений и дополнительных инструкций, отвечая на недоуменные вопросы читателей первых двух изданий.

5.

До XX века в научном сознании явление, которое описывает Данн, находилось бы в прямом противоречии с принятым взглядом на время, узаконенным неоспоримыми физическими понятиями. «При таких обстоятельствах, — говорит Данн, — наш гипотетический сновидец должен был бы искать прибежище в мистицизме. Он должен был бы согласиться с существованием двух разрозненных миров: одним — рациональным, другим — иррациональным». Но что, если эти два мира не разъединены? В некотором смысле Набоков был мистик, и идея метафизического проникновения и даже вмешательства в жизнь человека потустороннего мира была близка ему и служила полупрозрачным фоном многих его произведений.

Ни Набоков, ни Данн не могли знать, что в то самое время, когда Данн проводил свой эксперимент, Павел Флоренский предпринял глубокое и совершенно оригинальное исследование этой темы в обширной работе

«Иконостас» (1919–1922), впервые напечатанной по-смертно, как и большинство его работ. Флоренский (1882–1937), священник, глубокий богослов и гениальный философ, начинает свой ставший знаменитым труд о теологии иконы рассмотрением динамики времени во сне. Отправной пункт Флоренского тот же, что и Данна: сновидения происходят в той области, где может лежать ключ к основной загадке мира, в котором мы живем, и к его главному структурному условию и измерению — времени. Он приводит несколько классических опытов изучения сновидений, но его предпосылка и заключения отличаются от таковых у Данна. «По первым словам летописи бытия, Бог „сотворил небо и землю“ (Быт 1.1), и это деление всего сотворенного надвое всегда признавалось основным. Так и в исповедании веры мы именуем Бога „Творцом видимых и невидимых“ <...> Но эти два мира — мир видимый и мир невидимый — соприкасаются. Однако их взаимное различие так велико, что не может не встать вопрос о *границе* их соприкосновения. Она их разделяет, но она же их и соединяет. Как же понимать ее?» Флоренский продолжает: «Сон — вот первая и простейшая, т. е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом. Пусть эта ступень есть низшая, по крайней мере чаще всего бывает низшей; но и сон, даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, — восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью. И мы знаем: на пороге сна и бодрствования, при прохождении промежуточной между ними области, этой границы их соприкосновения, душа наша обступает сновидениями»¹¹.

И Данн и Флоренский пользуются математическими методами для описания тайны течения времени во сне вообще и в сновидениях предсказательных в особенности.

¹¹ Флоренский П. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 419.

В отличие от современных физиков, оба понимали важность перцепции и психологии человеческого наблюдателя в физических исследованиях. Глубокое философское различие между ними в том, что Данн пытается объяснить загадочное явление предсказательных сновидений в границах естественной науки, в то время как мысль Флоренского эти границы преодолевает, исследуя возможности метафизические. Мир, недоступный нашим пяти чувствам, не только реален — быть может, он более реален, чем чувственно воспринимаемый, но два этих мира соприкосновенны, и сны суть некая промежуточная зона этого соприкосновения.

Рабочая гипотеза Данна заключается в том, что время следует воспринимать как серию новых измерений или слоев, непрерывно разворачивающихся перед сознанием наблюдателя в мысленно удаляющейся перспективе: время, измеряющее время прохождения времени до бесконечности. Это напоминает принцип матрешки: каждое конкретное время заключено в большем времени, которое хронометрирует его поступательное движение. Старое понятие о времени как о четвертом измерении Вселенной, которое Эйнштейн и другие релятивисты разработали в теорию гибкого пространства-времени, приобретает здесь «сенсорный центр» наблюдения, как его называет Данн, и количество измерений умножается безмерно — научное направление, на которое физическая и математическая мысль обратила внимание гораздо позднее. Его теория сновидений располагается где-то между двумя современными ему крайними позициями: Данн отвергает утверждение Фрейда — небрежно, скорее с презрением, которое было у Набокова, — что сны суть отражения бессознательных движений и подсознательных образов. С другой стороны, он не достигает духовной сферы теории Флоренского о том, что сны возникают в зоне соприкосновения видимого и невидимого. По мнению Данна, сны доставляют разумное

доказательство регрессии времени. Таким образом, его рациональные доводы располагаются над подсознательным Фрейда и под сверхсознательным Флоренского: находясь на диаметрально противоположных позициях, каждый из них возражает Данну по-своему. То, что для Данна составляет противоречие, для Флоренского есть антиномия: одно означает «неверный путь», другое предупреждает о том, что надо идти с большой осторожностью или не идти вовсе.

О том, что область сна есть область соприкосновения двух миров, видимого и мнимого, догадывались некоторые современники Флоренского. Так, Де ла Мар, один из любимых английских поэтов молодого Набокова, был хорошо знаком с работой Данна и почти наверное не подозревал о существовании Флоренского, однако он ближе к последнему, когда называет зону сновидений «пограничной»¹².

Принято считать, что образы сновидений возникают во время быстрого прохождения из одной области в другую, перед пробуждением. Переход длится исчезающее мгновение. И когда мы оказываемся на другой стороне, мы вставляем воспоминание о сновидении в условия времени нашего чувственного мира так, чтобы оно вошло в привычный ход времени. Набоков, страдавший хронической бессонницей, усугубившейся к концу жизни, и оттого много раз просыпавшийся в течение ночи, должен был проходить зону так называемого «быстрого движения глаз» (время сновидений) чаще и дольше, чем большинство людей, и его сны могли быть ярче и памятней.

Этиология Флоренского с ее поразительным выводом дополняет и разъясняет теорию Данна, лежащую в основе эксперимента Набокова. Изложим ее здесь кратко. Все мы знаем, что даже в самом коротком сне мы можем

---

¹² *De la Mare W. Behold, This Dreamer!* New York: Alfred A. Knopf, 1939. P. 5–6.

прожить часы, месяцы, даже годы: у сновидца иное чувство времени. Помимо принципа его относительности, постулирующего, что время может двигаться с разной скоростью в разных замкнутых системах (явление, которое Набоков нашел в «Анне Карениной» и описал в своих корнелльских лекциях и в «Пнине»), существует теория, что время может двигаться с *бесконечной* скоростью, как бы выворачиваясь через себя, и по переходе через бесконечную скорость получать *обратный* смысл своего течения. Другими словами, время может идти от будущего к прошлому, от следствий к причинам.

Нередко мы просыпаемся от какой-нибудь внешней причины, от прикосновения или шума, но мало кто обращает внимание на *композицию* сюжета сновидения, который эта внешняя причина привела в действие. Сон кончается событием **X**, которое происходит оттого, что предыдущее событие **T** произошло потому, что еще раньше имело место событие **S**, в свою очередь предваренное событием **R**, и так далее. Сновидец признает такую этиологию правдоподобной; ее можно проследить до первичного события *альфа*, быть может самому по себе незначительному, но давшему начало всей цепи. Мы знаем, что действительной причиной всего сновидения было обстоятельство (звук, запах, упавшее одеяло), не имеющее отношения к замкнутой системе, в которой находится сновидец. Флоренский обозначает это «пробуждающее» событие как *омега*. Эта *омега* является и причиной сна и «будильником». Таким образом, **X** есть перевод внешней причины *омега* на образный язык мира сновидений.

Но событие *альфа*, с которого начинается этиологическая цепочка внутри сновидения, не имеет ничего общего с *омегой*! Другими словами, если в конце сна мы видим клумбу с душистыми цветами (последнее событие **X**), в то время как в бодрствующем мире кто-то поднесет к нашему носу ватку, смоченную духами, то как можем мы объяснить последовательность событий,

начавшихся с причины *альфа*, и приведшей нас к этой клумбе? Эта *альфа* никоим образом не следует из *омеги*. И, однако, без этой *альфы* не было бы *X*, то есть не было бы вообще этого сновидения, то есть мы не были бы разбужены внешней причиной *омега*.

Флоренский дает несколько классических примеров, два из которых имеют особенное значение для эксперимента Данна со временем. В одном из них сновидец оказывается в деревне. Он видит, как местные жители идут в церковь. Воскресная служба должна вот-вот начаться, он тоже хочет идти, но задерживается на погосте. Он читает надгробные надписи и замечает, что звонарь поднимается на колокольню. Он видит, что колокол вот-вот начнет звонить к обеду. Скоро малый колокол начинает раскачиваться, и он слышит громкий пронзительный звон, столь громкий, что просыпается. Причиной пробуждения был звон будильника.

Гораздо более сложный пример того, как во сне причина и следствие меняются местами, приводится Флоренским в описании знаменитого сновидения, которое, как казалось сныщему, длилось целый год. Он видел начало Французской революции, участвовал в разного рода приключениях, был свидетелем террора и казни короля, был арестован, допрошен, приведен под трибунал, осужден и приговорен к смертной казни; поднялся на эшафот и, когда топор гильотины ударил ему в шею, проснулся в ужасе оттого, что изголовье его железной кровати упало и ударило его. От начала революции (*альфа*) до гильотины (*X*) вся логическая цепь верна. Упавшее изголовье кровати (разбудившее его событие *омега*) и гильотина (разбудившее его событие *X*) суть одна и та же причина пробуждения, истолкованная по-разному двумя состояниями сознания, принадлежащими к двум разным планам бытия. Другими словами, согласно логике бодрствования, событие *X* ведет к *альфе*, то есть является его первопричиной, а не наоборот, как в мнимом мире снов.

*...Небольшой толчок, и вклиз по белому циферблату времени без стрелок — легко-легко — вдоль беззвучного времени и безжизненного пространства легонько мы скользнем*¹³.

1.

Каковы бы ни были философские достоинства идеи Данна о «серийном времени» — времени, которое как бы бесконечно умножается на самое себя, — она как будто находит применение в сочинениях Набокова. Эксперимент Набокова начинается последнюю группу его романов, написанную в Монтрё. Вполне вероятно, что этот эксперимент дал толчок следующему роману «Ада» (1969), заводной механизм которого находится в его четвертой части «Ткани времени». Примерно через год после окончания эксперимента Набоков записал в дневнике, что роман «потёк». В последней части «Ады» Набоков касается вопроса о векторе времени во сне, походя задевая плоский символизм Фрейда.

Позднее Набоков иногда записывал свои сны по пробуждении, даже если просыпался в середине ночи, более или менее следуя инструкциям Данна.

Читая записи, которые Набоков делал в ходе своего эксперимента, видишь, что в начале он прилежно следовал правилам, воздерживаясь от толкования сна, что, вероятно, импонировало ему, презиравшему грубую онейрологию Фрейда. Вместо того он следовал совету Данна сосредоточиться на событиях следующего дня или двух, пытаясь распознать следы предыдущего сна. Это самое трудное дело, предупреждает Данн, потому что «бодрствующее сознание начисто отказывается видеть связь между сновидением и последующим событием».

¹³ Из дневника Набокова, 3 марта 1952 г.

Другая трудность — вспомнить и удержать виденный сон — разрешается сравнительно просто: «Нужно держать записную книжку и карандаш под подушкой, и немедленно по пробуждении, даже прежде, чем вы откроете глаза, попытайтесь вспомнить быстро исчезающий сон», — наставляет Данн. Набоков записывал свои сны так же, как свои романы, — на маленьких разлинованных карточках, стопку которых перетягивал резинкой; а потому маловероятно, что он держал эти стопки под подушкой. В некоторых случаях он следует полезному совету Данна не пытаться вспомнить весь сон или даже больший его отрывок, но, скорее, сосредоточиться на одном эпизоде, зато со всеми возможными подробностями, или даже на одной детали, и тогда другие смежные части сна послушно встанут на место.

Данн пишет, что нужно обращать пристальное внимание на мелочи, которые наяву кажутся особенно странными. Он призывает читателей ни о чем не думать, пока сон не записан. В конце каждого дня следует перечитать все записи с начала эксперимента. Ясно, что эти правила (а их гораздо больше перечисленного) требуют даже от экспериментатора-энтузиаста немалого усердия. Не удивительно поэтому, что первоначальный импульс Набокова в ходе эксперимента постепенно слабеет и количество дат «без снов» увеличивается. К середине ноября он как будто теряет интерес и главную цель эксперимента: он продолжает по инерции записывать сны, часто не замечая связи с предыдущими или последующими событиями. Несколько дней в декабре пропущены, и к концу 1964 года эксперимент сам собою сходит на нет.

2.

Что может читатель Набокова извлечь из этих записей спустя полвека? Редактор одного из лучших англоязычных литературных обозрений, по собственному

признанию, «хороший фрейдист», прочитав книгу, заметил, что был разочарован — очевидно, вследствие недостаточности материала, пригодного для стандартного психо-истолкования, что Набоков не преминул бы жирно подчеркнуть, если бы опубликовал свои сны сам (имеются довольно убедительные указания на то, что он, по крайней мере, обдумывал такую возможность). Так как на каждого хорошего фрейдиста приходится сотня дурных, то без сомнения будут найдены там и сям лакомые крошки, препарированные и подвергнутые аналитической дешифровке, несмотря на то — а может быть, именно потому — что Набоков опрыскивал предисловия к своим английским книгам антифрейдистской морилкой.

Наиболее интересные аспекты эксперимента Набокова — не столько в доказательстве правоты теории Данна (в этом отношении он не вполне убедителен), сколько в связующих нитях, которые привычный глаз может обнаружить, но которые парадоксально остались не замечены самим сновидцем, иногда оттого, что он не мог распознать события в прошлом, а иной раз оттого, что он не мог различить будущего события. В отличие от тех, кто по просьбе Данна и следуя его точным инструкциям участвовал в этом эксперименте — например, его сестра, — тут был человек с колоссальной, прекрасно тренированной памятью, человек, который мог через пятьдесят лет вспомнить оттенок цвета тени яблока на белой скатерти, художник, обладавший немислимой остротой восприятия, несравненный собиратель подробностей, одаренный редчайшей способностью словесно выражать запомненное в ярких и ясных образах. Данн — а он подчеркивает, что «краткая запись, полная подробностей, ценнее длинной, но неточной», — не мог бы желать лучшего экспериментатора, чем Набоков, записи снов которого компактны, но кропотливо точны и полны поразительно свежих деталей.

Но самое замечательное то, что даже Набоков часто не может увидеть связи между довольно очевидным для читателя сходством виденного во сне с событием из его прошлой жизни или сочинения, не говоря о будущем.

Быть может, самый удивительный случай произошел уже на второй день эксперимента. Набоков видит во сне русскую женщину, которая спрашивает его «как ему нравится здесь, в Сен-Мартэне?». Он поправляет ее «не Мартэн, а Ментон» и, проснувшись, записывает, что Ментон был во сне «подменой Монтрё», где он жил с 1961 года. И вспоминает потом, что они жили в Ментоне в конце 1930-х годов и что тогда он по ошибке называл близлежащий Кап Мартэн «Сен-Мартэн». Тут особенно интересно наличие двух разнонаправленных векторов времени. С одной стороны, Набокова подводит память, и он смешивает Мон-Сен-Мишель, который находится за полторы тысячи верст в Нормандии, с базиликой Сен-Мишель в Ментоне. С другой, поправляя во сне незнакомую женщину, он не знает, что спустя столько-то лет его тело будет кремировано в похоронном заведении Сен-Мартэн, в Вевэ. В одном сне две оговорки с задним (прошлым) и дальним (будущим) значением. Через два дня он отмечает свой «первый бесспорный успех в эксперименте Данна», потому что у него «абсолютно ясное ощущение», что фильм, который он смотрел по телевидению, был *причиной* другого его сна за три дня до того — «если бы последний [т. е. сон] следовал за первым [фильмом]», спешит прибавить Набоков. Он не замечает того, что его сон близко следует двум эпизодам его рассказа 1939 года «Посещение музея»: повествователь сидит в кабинете директора музея, точно во сне, а странные экспонаты в местном музее выглядят как сферические образцы почвы из сна в эксперименте Набокова.

Оба сна взаимосвязаны. Музей в рассказе, очевидно, муниципальный музей в Ментоне, который Набоков

посетил за двадцать пять лет до своего сна, а через двенадцать лет тело Набокова будет кремировано в St.-Martin Centre funéraire в Вевэ, над русской церковью Святой Варвары.

«Его оговорки пророческие», — говорит о Пнине его американский коллега. Как уже сказано, Данн дает день или два, чтобы событие наяву связать с предшествующим сном (отчасти для того, чтобы избежать возражения, основанного на теории вероятности). Позднее он допускает возможность «удлинить этот период в пропорции к необычности или странности случая». Он приводит свой сон 1916 года, на целый год предшествовавший бомбардировке Лоустофта¹⁴, и другой сновидческий образ, без всякого сомнения относившийся к событию, случившемуся спустя двадцать лет: двенадцатилетним мальчиком Данн видел сон, навеянный книгой Жюль Верна «Заоблачный клиппер»¹⁵. В этом сне у летательного аппарата не было крыльев, а только маленькие пропеллеры. Он вспомнил этот сон в 1910 году, когда пилотировал свой аэроплан, похожий на наконечник стрелы, — аэроплан «обладал совершенной структурной устойчивостью». Он уверенно взлетел над аэродромом, но через три минуты мотор заглох, что часто случалось в то время. Данн остался невредим.

Но если теория серийного времени Данна допускает, что сон может сбыться даже через несколько лет, то она, конечно, не рассматривает посмертные возможности, которые Набокова занимали чрезвычайно. Сновидцу крайне трудно соединить сон, пусть и записанный,

---

¹⁴ 24 апреля 1916 года немецкая боевая эскадра подвергла бомбардировке порт Лоустофт (Lowestoft; Набоков транслитерирует иначе) на восточном побережье Англии, нанеся противнику значительный урон. *Ред.*

¹⁵ В английском переводе — «Clipper of the Clouds», в русском — «Робур-Завоеватель». *Ред.*

с последующим событием наяву, но понятно, что направить указку сна за пределы жизни невозможно. Набоков мог смутно припомнить свой «экспериментальный» сон (см. Сон 33 в третьей части книги) и потом свериться со своей записью через восемь лет, когда Анна Фейгина, двоюродная сестра жены и близкий друг, умерла и была кремирована в похоронном заведении Сен-Мартэн. Ему могла прийти в голову мысль, что собственное его тело проследует когда-нибудь туда же. В его дневнике нет никаких помет на этот счет, — и вообще мало письменных свидетельств, что Набоков возвращался к эксперименту в поздние годы, — хотя в одном случае он вернулся к этим записям через несколько лет и прибавил комментарий (см. Сон 2). Однако трудно понять, почему Набоков не мог увидеть связи, иногда прямой, со своей *прошлой* жизнью и писаниями. Об одном из снов до эксперимента (11 января 1951 года) он пишет, что не может объяснить ни места (Румыния), ни обстоятельств (революция), ни действующего лица (королевы), престранным образом забывая, что его бабушка эмигрировала в Бухарест по личному приглашению королевы Румынии.

3.

В эксперименте, проводимом на себе самом, делаешься одновременно его объектом и субъектом: становишься персонажем, видящим сны, и автором, эти сны записывающим и переводящим на язык яви. Набоков пытается сделать нечто подобное в своем последнем и неоконченном романе «Лаура и ее оригинал», где профессор психологии проводит эксперимент, в котором мысленным усилием постепенно стирает себя, как резинкой, записывая по ходу все ступени опыта. В этом смысле эксперимент Данна, по крайней мере в одном философском аспекте, оказался весьма сходным с началами, лежащими

в основании сочинений Набокова. На малом пространстве романа ставится эксперимент действительной жизни, где экспериментатор становится *persona dramatis*, для которого чрезвычайно трудно, а то и невозможно вернуться и перечитать свою прошлую жизнь, не говоря о будущем. И как читатель его романа может найти в раннем эпизоде критический поворот в жизни героя, перелистав взад и вперед дюжину или сотню страниц, точно так же читатель записей снов Набокова может легко передвигаться взад и вперед во времени без ограничений, вспоминая то или другое событие в его предыдущей или будущей жизни или книге. Именно такие отношения между автором и читателем, с одной стороны, и персонажами, с другой, Набоков изобрел и культивировал¹⁶. Эксперимент этого рода позволяет сделать поучительную аналогию вышесказанному, иногда давая читателю привилегированную возможность увидеть больше, чем даже сновидец, обладающий изумительной памятью Набокова и его феноменальным воображением.

Набоков безусловно верил в предсказательные сны и до своего эксперимента и оставил записи таких снов в дневниках и письмах. Обыкновенно они имели отношение к близким. Родители, особенно отец, были привычными гостями его снов, и читатель его «экспериментального» Сна 38 и более раннего (см. Сон 2) вспомнит сны похожей тональности и настроения, виденные героем «Дара», где ему является его отец, во многих отношениях двойник Набокова-старшего, исследующий глубочайшие тайны мироздания с сачком в руке.

Набоков не мог избежать перевода своих смутно провиденциальных снов на сверхобъективный язык жизни

---

¹⁶ Подробнее об этой важнейшей особенности художественной прозы Набокова см.: *Барабтарло Г. Сочинение Набокова*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. С. 253, 310.

наяву. Иные записи кажутся чудесами, наиболее поразительное из которых — в двух частях, разделенных десятилетиями; Дани с радостью напечатал бы новое издание своего «Эксперимента» только для того, чтобы включить этот невероятный пример. В 1916 году семнадцатилетний Набоков видел во сне своего только что умершего дядю, который оставил ему большое состояние, через год исчезнувшее в революционном водовороте. Дядя Василий пробормотал нечто, имевшее смысл во сне, но бессмысленное наяву: «Я вернусь к тебе как Гарри и Кувыркин». Через сорок два года эта сонная белиберда высветилась смыслом, когда кинематографическая фирма Гарриса и Кубрика предложила Набокову купить у него права на постановку фильма по «Лолите» за весьма крупную сумму, восстановив отчасти состояние, утраченное за полвека перед тем на другом конце света. Этот уму непостижимый пример можно назвать, воспользовавшись смелым предложением Флоренского, обратной перспективой пространства-времени, где причинность перевернута так, что сон Набокова был не причиной, но *следствием* более «позднего» события с Кубриком, в полном согласии с сериализмом Данна¹⁷.

В 1939 году Набоков пишет жене из Лондона в Париж, что видел очень яркий сон, в котором его друг Илья Фондаминский сообщает, что его только что известили по телефону о смерти Ходасевича. Это было написано 9 июня; Ходасевич умер 14-го, и хотя он находился в больнице с половины мая, ничто как будто не предвещало столь скорого конца до операции, сделанной через четыре дня после того как Набоков видел его во сне за сотни миль от Парижа.

8 декабря 1945 года он пишет Марку Алданову о своем брате Сергее: «...накануне получения известия о его

---

¹⁷ См. *Boyd B. American years*. Princeton University Press, 1991. P. 366.

гибели я в ужасном сне видел его лежащим на нарах и хватающим воздух в смертных содроганиях»¹⁸. Через двадцать лет Набоков обдумывает волнующую возможность самовыворачивания времени наизнанку — а именно что письмо его сестры от октября 1945 года, из которого он узнал о смерти брата, вызвало сон, *предшествовавший* этому известию; более заурядное объяснение было бы то, что его сон предварил это известие.

4.

Эксперимент Набокова осложнялся обстоятельством, которого Данн не предвидел. Вся свою жизнь он боролся с бессонницей, что предполагало, особенно в последний его период в Монре, ежевечернее употребление сильных снотворных. Его швейцарские доктора прописывали все более действенные пилюли, и страницы карманных дневников Набокова этого времени заполнены названиями, дозами и даже формой и цветом этих пилюль. Как известно, сновидения происходят в фазе «быстрого движения глаз» при переходе от глубокого сна к легкому и поверхностному (так называемый «парадоксальный сон»). Обыкновенно Набоков вспоминает сны, виденные на развете, сразу по пробуждении после беспокойной ночи, во время которой он часто вставал. Если субъект эксперимента со сном — пожилой человек, страдающий бессонницей, с увеличенной предстательной железой (через десять лет ее пришлось удалить), много раз просыпающийся в течение ночи и тем самым часто прерывающий нормальный ход сна, то как это отражается на характере его сновидений?

---

¹⁸ Глушанок Г. Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым // Владимир Набоков: *pro et contra*. Антология. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 112.

И как сильное химическое вмешательство влияло на его сны? И главное, как эти факторы отразились на основной цели эксперимента Данна: доказать, что время, как и другие измерения мироздания, не обязано двигаться только вперед? 21 ноября 1972 года Набоков набросал в записной книжке стишок, где под слабой улыбкой легко увидеть боль:

Вставал, ложился опять.

Заря какъ смерть приближалась.

Если дальше не буду спать,

я пожалуюсь.

Записи о бессонных ночах и перечисления все меньше помогающих снотворных в последние пять лет жизни вытесняют большинство других записей в его маленьких карманных ежегодниках.

20 апреля [1973]. В первый раз *за годы* (с 1955? 1960?): спал шесть часов без перерыва (12–6). Обычно продолжительность моего сна (не считая периодических бессонных ночей), даже под действием более или менее мощных пилюль (по крайней мере, трижды в день), такова: 3 часа + 2 + 1, или, в лучшем случае, 4 часа + 2 + 2, а в нередком худшем случае — 2 часа + 1 + 1 + 2 + 1, с промежутками (+) отчаяния и нервного мочеиспускания. Этой ночью я принял невинный «Могадон»¹⁹.

Он крайне редко вставал один раз за ночь, и то, только приняв сильное снотворное:

---

¹⁹ Известный также как «Инсомин» — довольно сильное снотворное.

11 сентября [1974] Мотолон как будто действует²⁰.
12 сентября. 9-12, 1-9, 1 WC. Лучшая ночь в моей жизни.

Как только он привыкал к одному снотворному, приходилось искать новое. «Хроническое нарушение сна» едва ли описывает его недуг. Через год он делает такую запись:

21 августа [1975]:

Пример «хорошей» ночи. Заснул около восьми сорока пяти вечера, спал до восьми сорока пяти утра со следующими сортирными перерывами:

10:05

11:05

12:35

1:40

2:20

3:45

5:35

6:20

8:45

Через десять дней:

1 сентября [1975] Первая действительно хорошая ночь. Заснул в 9 вечера, WC – 11, 12. Потом спал.
4:45 – WC. Встал в 7.

Странно сравнивать эти мучения с ранними его годами, когда бессонница могла принимать поэтические

---

²⁰ Так Набоков называет метаквалон (methaqualone), употреблявшийся прежде как успокоительное снотворное средство, но потом признанное отнюдь не безвредным наркотиком.

формы: «...какъ прекрасно, какъ лучезарно порой прерывается міровое однообразіе книгой гения, кометой, преступленіемъ, или даже просто одной ночью безъ сна» («Венеціанка», 1924).

Положение осложнялось еще и тем, что Набоков старался не разбудить жену в смежной спальне, — но иногда его одолевал страх «подползающей смерти». 24 апреля 1976 года, на следующий день после своего семидесяти-семилетия, он «проснулся в час ночи в панике» от того, что он называл «вот оно», то есть приближение конца, и «закричал тихонько, чтобы не разбудить ее, и в то же время разбудить».

Восьмидесятинощный эксперимент Набокова осенью 1964 года был настойчивой попыткой исследовать его фрагментарные, трудно описуемые сновидения под дневным освещением предположения, что время обратимо. Это предположение лежит в основе ряда его художественных сочинений, включая мемуары, — что может быть вовсе не странно. Эта идея доведена до края в его последнем романе «Взгляни на арлекинов!», герой которого полагает, что его неспособность мысленно соединить пространство и время есть род безумия.

В известном смысле каждую ночь Набоков ставит опыт со временем, причем в условиях, в которых термин «хроническое» возвращает себе первоначальное значение и вводит время в область философскую, и далее — в потусторонность, которую Набоков изучал и в жизни, и в своих сочинениях, днем и ночью, — мир, где «времени больше не будет».

to Dunne

As Experiment

Oct. 14, 1924

The following ^{clearly} ~~series~~ of direct events was
understandable. The principle of "recurrence
meaning" the ~~duration~~ ^{repetition} ~~is~~ ^{of} ~~the~~ ^{events}
with the dream event does not
become the latter is a prophecy but
because this could be the word of dream
that one might expect to have after
the event of the succession of dream
and waking, and even ~~dream~~

Approximations are marked by underlined
dates in red and indubitable repetitions thus ○

Илл. 3. Запись первого дня эксперимента.

ДНЕВНИК СНОВИДЦА

*Покамест я это писал, мне казалось, что выходит
очень умно и ловко, — так иногда бывает
со снами, — во сне великолепно, с блеском говоришь, —
а проснешься, вспоминаешь: вялая чепуха.*

«Отчаяние»

14 октября 1964

Эксперимент

Нижеследующие записи событий, виденных во сне, сделаны для того, чтобы иллюстрировать принцип «обратной памяти». Событие, происшедшее наяву, напоминает событие в сновидении или совпадает с ним не оттого, что последнее является предсказанием первого, а потому, что это такого рода сон, который можно ожидать увидеть *после* данного события. Если события во сне и наяву меняются местами, то приблизительные совпадения помечены подчеркнутыми красным датами, а несомненные повторения крестиком в кружочке: ⊕²¹.

---

²¹ Набоков недолго следует этой системе, вскоре путается и просто ставит несколько дат в кружочках, а потом оставляет эту схему. Подчеркивания Набоковым дат сохранены, вместо кружочков — курсив. Мои комментарии под записями тоже даны курсивом. *Здесь и далее примечания переводчиков. Ред.*

1. Профессиональные и писательские (в моем случае: литература, преподавание и бабочки).
2. Зловеще пророческие сны (в моем случае — кошмары с фатальными предзнаменованиями: таламические катаклизмы, угрожающие последовательности и загадки).
3. Очевидные влияния непосредственных занятий и впечатлений (олимпийские игры и т. д.).
4. Воспоминания далекого прошлого (детство, жизнь в эмиграции, школа, родители).
5. «Предсказательные».
6. Эротическая нега и душераздирающее очарование.

Любопытные особенности моих сновидений:

---

1. Я точно знаю, который час, но смутно ощущаю ход времени.
2. Много незнакомцев — иные почти в каждом сне.
3. Словесные подробности.
4. Довольно продолжительный, довольно ясный, довольно логический (в известных границах) мыслительный процесс.
5. Необыкновенно трудно вспомнить сон полностью, даже в общих чертах.
6. Повторяющиеся типы и темы.

Связано с книгой Данна.

---

²² Запись на двух сторонах недатированной карточки, вставленной в имеющуюся пачку ближе к концу эксперимента, между записями от 6 и 7 декабря, по-видимому, как подведение итога постфактум.

Оба бежим по асфальту (улицы), В.²³ позади. Вот-вот обгоним (легко) карету. Я спрашиваю себя и ее (но она уже не позади) по какой стороне бегун обгоняет карету? Неизвестный в таксомоторе (круглое лицо, пожилой), спрашивает меня по-русски (или по-немецки?) богат ли я? Критикует мою одежду (ту, которая сегодня на мне). Объясняю, что пятна на моих штанах (которые несколько коричневей, чем те, которые я ношу) оттого, что я попал ногой в лужу. Не могу найти одну площадь в Берлине и не помню ее названия <на обороте>, где В. (теперь вероятно где-то впереди меня) хочет посетить музей²⁴. (За несколько дней перед тем мы были на выставке современной живописи в Лозанне на площади Больё, но атмосфера моего сна другая.)

В течение дня я вспомнил это «впереди-позади» моего сна, когда мы шли с В., она впереди, я позади, по очень узкому тротуару, вдоль которого, очень близко, нас обгоняли автомобили на большой скорости. Но ведь уличное движение досаждало нам ежедневно.

⊕ Четверг, 15 октября, 8 утра. Деталь сна

5.

Незнакомая русская говорит по телефону в стеклянной кабине. Потом обменялись несколькими словами. Немолода, вызывающе накрашена, грубые славянские черты. Спрашивает, как я узнал, что она русская. Отвечаю по логике сновидений, что только русские женщины так громко говорят по телефону. Спрашивает, нравится ли

²³ Вера Набокова, урожденная Слоним (1902-1991).

²⁴ «Посещение музея» (1939) — один из самых значительных рассказов Набокова. Эта тема появляется и в других снах, например в следующем.

(+)

(3)

(4)

Thursday, Oct 15, 8:00 AM

Detail of dream

Russian woman, stranger, speaking in glass telephone booth. Afterwards a few words exchanged. No longer young, ambitious male, coarse Slavic features. Wonder how I knew she was Russian. I assumed dream logically that only Russian women speak so loud on the phone. Asks / I like + here, in St. Martin. I correct her: Montreal (a dream & substitute for Montreal). Black, yellowish, half part for V. & I have lived in Montreal twice, 1987-8, and for a shorter period five years ago. During the first winter I used to miscall Cap Martin, near Montreal, "Cap St. Martin" - by association with Mont St Michel, in Montreal.

Илл. 4. Значок ⊕ (крестик в круге) указывает, что Набоков считал этот сон, увиденный уже на второй день эксперимента, сном «предсказательного» типа, вызванным, как это и было, последующими событиями. См. с. 35-36 для интересного и неожиданного подтверждения.

мне здесь, в Сен-Мартэне. Я поправляю ее: в Ментоне (подмена Монтрё во сне). Желтоватые часы, половина одиннадцатого²⁵.

Мы с В. жили в Ментоне дважды, в 1937–<193>8, и более короткое время пять лет тому назад. В первую зиму там я неправильно называл Кап-Мартэн около Ментоны «Кап-Сен-Мартэн» — по ассоциации с Мон-Сен-Мишель в Ментоне²⁶.

<НА ОБОРОТЕ> ⊕ 11.45 утра в тот же день

Читая «Эксперимент со временем» Данна, дошел до пассажи в конце с. 100 (третье издание): «...первый образ, который я увидел и записал, были часы, показывающие половину одиннадцатого» (на этом держится сюжет криминального романа*, которым он воспользовался для эксперимента — напуская обрывки разных образов в сознание, думая при этом о названии какой-нибудь книги (или об имени персонажа), *прежде* чем прочитать ее <>).

Доказательство «обратной памяти»?

* «Дом стрелы» Мэйсона [Это мило! Начисто забыл об этом когда придумывал Ардис. 4 марта 1968]²⁷

---

²⁵ См. сноску 25.

²⁶ В «Истинной жизни Севастьяна Найта» Найт думает (ошибочно), что его мать умерла в Рокбрюн-Кап-Мартен. Мон-Сен-Мишель находится в Нормандии, на другом конце Франции, за многие сотни верст от Ментоны.

²⁷ «Дом стрелы» — роман А. Е. В. Мэйсона (1924). Вот цитата из книги Данна: «Не знаю, знаком ли мой читатель с этой книгой, и если нет, не хочу портить ему удовольствия от чтения первоклассного детектива даже в интересах науки. Скажу только, что главный узел всего клубка — то, на чем держится весь сюжет, — часы, показывающие половину одиннадцатого. Это обстоятельство, однако, обнаруживается только во второй половине книги. Персонаж, которого я выбрал с первых страниц как ассоциативного посредника, сопровождает

(X)

11.45 same day

(9)

Tues

Reading, ^{the evidence in 11.45} Zennaro came to the passage at the bottom of p.100 (Third edition) - the first image I saw and noted ^{was} a clove pointing to half-past ten (on which hangs the plan of a mystery story ^{he was using for an experiment} - letting odd and ends of images come into the mind while thinking of the title (or "name in") a look before reading it. Evidence of "revere memory"?

© Mason's House of the Arrow

This is nice!
Had quite forgotten
this when
I wrote about
Mason's Arrow
March 4, 1968

Илл. 5. Следующая карточка, в горах подряд помеченная крестиком в круге как доказывающая предположение Даша. Пометка 1968 года красным внизу показывает, что Набоков перечитывал свои записи слов, когда писал «Аду». Ardis по-гречески означает наконецный стрелы, откуда и восклицательный знак.

Танцую с В. На ней открытое платье, летнее, в странных блестях. Какой-то мужчина, проходя, целует ее. Я хватаю его за волосы и колочу его лицо об стену с такой страшной силой, что штыри на стене (блестящий металл, как на корабле) чуть не протыкают его, словно мясную тушу. Высвобождается с окровавленным лицом и уходит, шатаясь.

В четверг вечером по ТВ упоминали о том, как участников заговора против Гитлера жестоко мучили и повесили.

17 октября 1964, 8.30 утра (см. 20 октября)

4.

Сижу за круглым столом в кабинете директора маленького провинциального музея. Он (незнакомец, безцветный администратор, неприметные черты, стрижен бо-бриком) объясняет что-то о музейных коллекциях. Вдруг я понимаю, что пока он говорил, я рассеянно ел эк-спонаты на столе — рассыпчатые кирпичики, которые

сыщика в продолжение всего расследования. Сосредоточив внима-ние на этом персонаже, первое, что я увидел и записал, были *часы, показывающие половине одиннадцатого* (курсив Данна). Упомянутый персонаж — Джим Фробишер, молодой лондонский стряпчий. Роман этот действительно первоклассный образец литературы, самое любопытное в котором то, что главный сыщик, мсье Ано, как и некото-рые повороты сюжета, словно взяты из «Преступления и наказания» (разве что дедуктивный сюжет заменен здесь детективным); иные эпизоды кажутся почти цитатами из психокриминального романа Достоевского (например, реконструкция убийства Жана Кладеля в главе 17). Неизвестно, читал ли Набоков Мэйсона, но см. приме-чания к предыдущему сну.

Главные события романа «Ада» (1969) разворачиваются в усадьбе Ардис, что по-гречески значит «наконечник стрелы». Эти Примеча-ния Набокова («это мило!» и т. д.) доказывают, что он перечитывал свои записи позже, может быть имея в виду готовить их к публика-ции, о чем давно думал.

я, вероятно, принял за какие-то пыльные пресные печенья, но которые на самом деле были образцами редких почв в ячейках (большинство их теперь пусты) на какой-то деревянной штуковине, похожей на поднос, где <на обороте> хранят геологические образцы. Хотя директор указывал на поднос, пока говорил, он ничего необычного не заметил. Теперь меня занимает не столько то, как на меня действуют эти (слегка сладковатые) образцы почв, сколько каким образом можно их восстановить и что они собственно такое – может быть, они очень ценные, труднонаходимые, давно хранящиеся в музее (этикетки на пустых ячейках плохо различимы, но глядят с упреком). Директора зовут к телефону и <новая карточка> он поспешно выходит из комнаты. Теперь говорю с его ассистентом (немец, в очках, довольно молод), который очень бранит врача, пользовавшего меня до того, как я обратился в эту клинику (бывший музей). В сущности, лечение этого доктора (а не экспонаты, которые я только что съел – что, конечно, должно ухудшить мое состояние) привело к возможному «отравлению железом». Он говорит, что эта опасность будет существовать по крайней мере в течение целого года, что я буду «жить под *тепасе* [угрозой]». <на обороте> Это слово он произносит неправильно, как «mans», и с виноватым и впросительным видом поворачивается к директору клиники (который теперь вернулся на свое место за столом). Директор, родной язык которого английский, кивает и говорит: «Да, будет mans». Я поправляю его: *тепасе* и понимаю, что задел его.

(Совсем недавно – позавчера – я читал о съедобных грибах, сушеные образцы которых предлагались посетителям выставки, их можно было потрогать и понюхать. А в прошлом году мы были крайне недовольны одним из докторов Д.²⁸)

---

²⁸ Дмитрий Набоков (1934–2012) – сын Набокова.

■ Набоков называет этот второй день «первым неопровержимым успехом в эксперименте по Данну», потому что у него было «абсолютно ясное ощущение», что телевизионный фильм, который он смотрел за три дня до того, был причиной этого сна — «если бы сон следовал за фильмом», — спешит он пояснить (см. Сон 7, 20 октября 9.45). Чего он не вспомнил, так это то, что его сон ясно и близко воспроизводит два эпизода в рассказе 1939 года «Посещение музея», а именно построенный по логике сновидений визит повествователя к директору музея и странные экспонаты, выглядящие как образчики почвы, «чаврики». См. также примечания к Сну 1.

18 октября 1964, 8.30 утра

5•

Несколько снов вытесняют один другой, когда я пытаюсь вспомнить их; мог восстановить только несколько обломков. Узорчатый лоскут похожих на плющ листьев или светотень, отпечатавшаяся в подсознании и повисшая около меня, былазнана мной как судьбоносный знак неизбежного конца, чувства «вот оно!», которое меня часто посещает. Другой сон, тоже частый, был род кошмара, когда я охочусь за интересными бабочками без сачка и вынужден ловить и портить пальцами редкостные экземпляры: в этом случае — испанское насекомое, выцветшую голубянку.

■ Голубянки были специальностью Набокова, крупного ученого-энтомолога. См. примеч. 52.

18 октября 1964, вечером

По ТВ: Олимпийские игры: бегуны (и скороходы) шлепают по лужам, забрызганные грязью, и В. спрашивает, как они умудряются обогнать один другого, когда они бегут так плотно. Ср. сон 14 октября. Связь между ними?

6. 19 октября 1964, 8.45 утра

Запор в сновидениях продолжается. Могу вспомнить только один образ, уже на грани пробуждения — едва ли самый сон, разрозненные незначительности, рудименты или осадок — а именно: мутно-белая штуковина, похожая на пропеллер, на стуле в тенистой аллее; и в другом отрывке сна слова «Карс» (или «Канс») и «Этан».

Словарь Вебстера говорит, что «Этана» это вавилонский астронавт, «который, пытаясь забраться на небо на орле, испугался, упал и разбился насмерть».

7. 20 октября 1964, 7 утра

Сон о путешествии. Только что проснулся в кофейно-плюшевом купэ спального вагона, справа от меня в окне туманный рассвет, передо мной зеленая стальная дверь уборной, отделяющая мое купэ от Вериного (смесь европейского и американского типа поездов). Удивлен, что заснул на неразобранной постели, сидя в углу, одетый, и что двери между нами оставались закрытыми. Вдруг понимаю, даже не исследуя карманов, <НА ОБОРОТЕ> что мой паспорт остался там, где он всегда лежит — в левом ящике моего стола в Монтрё. Меж тем поезд приближается к границе (вероятно, бельгийской, которую в прошлом я так часто пересекал). Обдумываю вопрос — телефонировать ли нашему консьержу в Палас Отель, чтобы он выслал паспорт? Разбудить ли В.?

Во второй части этого сна мы не можем найти наш багаж на таможене.

■ *Поезда дальнего следования были особенной страстью Набокова в детстве — см. главу 7 в его автобиографии «Другие берега».*

20 октября 1964, полдень

Прочитал в «Нью-Йорк таймс» об авиакатастрофе под Белградом, в которой погибло несколько офицеров Красной Армии. Аэроплан в тумане врезался в гору и один из моторов упал на лесную дорогу, которая ведет на вершину горы Авала. Ср. сон, записанный вчера. Явная связь?

⊕ 20 октября, 9.45 вечера, вторник

В 9 утра включил TV (Франция), фильм в образовательной программе под названием «Педология» (думал, это о детях). Но педология еще и наука о почвах. Показывают троих мужчин (двое негров-геологов и репортер француз), сидящих за обычным столом около палатки в зарослях Сенегала — я тотчас вспомнил свой сон, записанный в прошлую субботу, 17 октября. *Echantillons de sols*²⁹, о которых они говорили, были образцами почвы из этого сна. Эти образцы были потом принесены в аппетитных мешочках на деревянном подносе в кабинет в Дакаре, где вдоль стен стояли коробки с образцами, похожие на кирпичи. Почвы превращались <на обороте> в съедобные — овощи и фрукты, которые собирали аборигены. Один из педологов говорил по-французски с акцентом, похожим на русский. Я бы все равно смотрел этот фильм, потому что пытался углядеть бабочек в нескольких отличных кадрах сенегальского подлеска.

Отмечаю абсолютно ясное ощущение, что фильм этот вызвал мой сон (если бы сон следовал за фильмом).

Это мой первый неопровержимый успех в эксперименте Данна. Два или три менее убедительных случились в связи со снами, записанными 14, 15, и 19 октября.

---

²⁹ Образцы почвы (*фр.*).

8. 21 октября, 8 утра

Насыщенные и странные видения, вспомнил их между двумя безднами безпамятства, но теперь ничего не могу припомнить, кроме каких-то смутных обрывков тривиального эротического сна. (В. говорит, что видела большой лифт: в нем семь человек, с мебелью, она говорит с девушкой-немкой, которая жалуется, что ей мало платят. Сложные подробности, связанные с колокольным звоном. Имеет отношение к медленному лифту, которым она пользовалась вчера при посещении доктора в Женеве).

9. Записано в 8.30 утра 22 октября

Два фрагмента Вериного сна.

- a. Спорт в Африке. Длинные черно-белые бусы на одном из бегунов.
- b. Мы – представители Фиата. Нас встречают довольно холодно. Они построили для нас белый дом, похожий на бунгало. Надо всем этим цифра 29.

Я же в момент пробуждения подглядел только сообщение о том, что «Бюро лунатиков обвиняется в преступной небрежности».

10. 23 октября, 6 утра

Несколько снов, помню фрагмент одного. Я не то в гимнастическом зале, не то в парикмахерской. На некотором расстоянии от меня завернутого в простыню Дмитрия массируют или стригут. Для него пустили фонограф. Это пластинка, которую я сделал, чтобы его позабавить – пою арию (может быть, из «Бориса Годунова»). Но это не так смешно, как я надеялся, мелодия совершенно неузнаваема, и даже «ха-ха», которым я обрываю пение в конце, звучит фальшиво.

■ Дмитрий Набоков был оперным певцом (бас). Через три года после этого сна он пел «Смерть Бориса», арию из «Бориса Годунова» Мусоргского. Девятью годами позже Набоков написал тексты для вкладышей в альбом русских песен и романсов, которые его сын записывал для BASF.

8 утра: другой сон

Плечусь вверх по крутой, выложенной досками дорожке между валунами. Наверху на солнечном склоне в каком-то испанском городишке. Вокруг летает множество бабочек. <НА ОБОРОТЕ> Местный энтомолог знакомит меня с фауной. В моем сачке вместе с заурядной темной бабочкой, которую я поймал, обнаруживается замечательно свежий экземпляр более крупной и яркой, чем обычно, *Glyphysa phryne* — ее подвид с великолепным оранжевым ободком вокруг глазков мне не известен. Тот же местный знаток объясняет по-английски, что это потомство популяции, завезенной из степей юго-восточной России (в Испании представлены несколько южнорусских бабочек, но только не этого вида).

(С начала месяца мы обдумываем идею поехать весной на юг Испании.)

23 октября, 8.15 утра

(Верин сон.

Какие-то участники Олимпийских игр оказываются очень далеко в океане — может быть, вследствие кораблекрушения. Им приходится, намеренно или по обстоятельствам, плыть к берегу, хотя судьи не имеют права позволить их даже увидеть, не говоря о наградах; они, однако, незаконно числились как участвовавшие в Олимпийских играх.)

Больше всего раздражает, что могу вытащить только самый кончик длинного интересного сна:

В. и я провожаем Дм. Мы стоим на трамвайной остановке и заглядываем в трамвай, в который он только что сел. Мы не можем его видеть, но слышим, как он громко запел. Я понимаю, что он где-то над пассажирами вагона — они смотрят вверх с выражением признательности на лицах. Я влезая на какую-то тумбу, чтобы увидеть его, но не вижу.

(Дм. участвует в автомобильных гонках в Италии сегодня днем и завтра).

24 октября, 8.30 утра

(Верины сны:

1. Нам показывают фильм о соревновании по прыжкам между двумя странами, одна из которых африканская и начинается на М. Оказывается, это представление моей пьесы с Бриали³⁰
2. и 3. Смешались: город, где невозможно найти таксомотора. Наконец нам достался один, с ключами, но без шофера. Комната в гостинице со шкапом о четырех ящиках и двух кранах наверху: можно брать ванну в третьем ящике сверху. Она пустила воду и <НА ОБОРОТЕ> села на заднее сидение таксомотора, чтобы вымыть окно или что-то в этом роде. Появляется пара и хочет взять это такси. Женщина напоминает ей кого-то, кого она знала в массачусетском Кембридже много лет тому назад. Она говорит

---

³⁰ Жан-Клод Бриали (1933–2007) — французский актер кино, родившийся в Алжире.

ей, что этот таксомотор нельзя нанять, потом вспоминает, что у нее пущены краны, и идет наверх. Они грозятся найти владельца таксомотора. Она понимает, что все ящики должны быть теперь очень мокрые, хотя только *нижний* наполняется водой. Приходит пара вместе с хозяйкой. Первые хотят получить ключи от автомобиля. В. говорит, что не отдаст. Они говорят у кого ключ: ну что ж, г-жа Шапиро (экономка) отвезет нас. В. хочет телефонировать, чтобы вернуть ключ. Все это на фоне большого океанского лайнера — может быть, на борту его.)

■ *Интересно, что несколько глаголов в этой заметке («начинаться», «оказываться») сначала были написаны в прошедшем времени, а потом изменены на драматическое настоящее.*

25 октября 1964, 9.30 утра

12.

Спал намного дольше обычного. Проснулся с невралгией — и только очень смутным воспоминанием нескольких снов. Влияние сцен Олимпийских игр по TV на Верины и мои сны в последнее время довольно очевидно. На сей раз это соединилось с привычным кошмаром, сопровождающим височную невралгию: темные, мрачные загадки, которые я должен решить на каком-то ужасном «экзамене», где необходимо было запомнить ряды более или менее абстрактных, нелепых, корявых образов, сурдов³¹ и их теней.

26 октября 1964. Пустой³²

13.

³¹ Сурд — латинский перевод с арабского «неслышимый»; математический термин для известного рода иррациональных чисел.

³² «...Сон без сновидений есть обман памяти», — говорит Данн.

Несколько ярких снов, помимо какой-то нежной эротики и кошмаров с грозным предзнаменованием (флаги поднимаются очень по-олимпийски, один из них многозначительно турецкий). Слово «Синекампус».

Запомнил несколько последних отрывков двух длинных снов: В. торопит меня потому, что мы бежим из отеля (не этого) посреди ночи. Помогает мне найти мой синий макинтош. Мы выбегаем, и она тотчас исчезает. Огромное пространство перед отелем живописно купается в рассеянном лунном свете. Все слоисто и текуче, неясные очертания кустарника, неясные фигуры, дети, несмотря на поздний час, миньятюрная такса, звонкие голоса русской пирушки; <на обороте> они прощаются друг с другом в темноте, по ту сторону от лунного света. Я решаю подождать В. и сажусь на гравий; рядом сидит толстый, моложавый русский незнакомец в сером костюме. Тут должна произойти какая-то церемония, и он мне говорит, что из политических соображений нам лучше встать. Я обиженно отказываюсь, он встает один, разсержен, угрожает мне. Я беру свой сачок с палкой из легкого металла и вулканизированной ручкой и набрасываюсь на него. Он уклоняется и, повернувшись ко мне спиной, на корточках ищет свою толстую трость с железным наконечником. Я ударяю его по лопаткам — удар выходит не такой сильный, как я хотел, но все же хорошая плюха.

14 а. 27 октября 1964, 8.30 утра, продолжение

Другой отрывок той же ночи (27 октября, 1964): зашел к М. Калашникову, приятелю в начале 20-х (фарсовую личность которого надо бы описать когда-нибудь)³⁵. Он

---

³⁵ Безпощадный портрет Михаила Калашникова, который одно время учился с Набоковым в Кембридже и делил с ним одну комнату, можно

гостит в титулованной русской семье в большом неприбранном доме. Нам подают какой-то сумбурный обед, множество людей, я никого не знаю, скучаю и раздражен. М. К. на некотором расстоянии от меня мрачно уписывает толстый кровавый бифштекс, держа его довольно изящно, и на его длинных пальцах ногти отливают вишневым лаком. Я поднимаюсь и ухожу. Не могу вспомнить длинной середины. Все это похоже на прошлое, но подробности последней сцены совершенно другие.

28 октября 1964, 6 утра

15.

Длинный сон, который я теперь только смутно могу припомнить. Это лекционный сон, и я — лектор. Не могу разобрать своих записей, строчки расплываются, поправки неразборчивы, вставки непонятны, много зачеркнутого. (Этот тип сна не столько эхо моих лекций в американских колледжах, сколько гораздо более раннее замаскированное школьное воспоминание неготовленного урока — сны, преследовавшие меня, когда мне было далеко за тридцать).

■ *Ср. «Но, увы, когда и случается, во сне, так пропутешествовать, то на границе прошлого обезценивается весь твой нынешний ум, и в обстановке класса, наскоро составленной аляповатым бутафором кошмара, опять не знаешь урока — со всею забытой тонкостью тех бывших школьных мук» («Дар»), и «все мы знаем эти сны (в старой классной комнате с уроком, который мы не приготовили, потому что нечаянно пропустили тысячу дней занятий)» («Под знаком незаконнорожденных»).*

найти в письме Набокова к Эдмунду Вильсону (Nabokov – Wilson. P. 181). Кроме того, он упоминается в последнем издании автобиографии: Nabokov V. Speak, Memory. Nabokov V. Novels and Memoirs: 1941–1951. New York, 1996. P. 259.

Мы с В. едем в Вельслей, где я должен прочитать свою первую в этом году лекцию — и первую лекцию в этом колледже³⁴. На станции, которая немного напоминает Южный вокзал в Бостоне, но потом вырождается в швейцарский. Я задерживаюсь у газетного киоска, а В., у которой билеты, спешит на платформу. Смотрю на часы и вижу, что они показывают 12.10: у меня четырнадцать минут. Не могу найти нужной газеты и решаю спросить ее в киоске на платформе, но когда я подхожу к выходу на перрон, понимаю, что мой билет у В. Двое <НА ОБОРОТЕ> мужчин при входе на перрон отказываются пропустить меня, отказываются от денег и велят вернуться к ближайшей билетной кассе. По счастью, я знаю, где найти ее: направо, налево, и снова направо. Когда я подхожу к ней, уже 12.20. Впереди меня две или три толстые монахини, но мне удастся протиснуться в маленькую комнату с конторкой. Там какой-то человек подозрительно спрашивает отчего я так спешу. «Вы лекарь?» (*médecin*). Я говорю «нет» и настоятельно прошу его выдать мне билет, который представляет собою книжицу, все бланки которой он должен заполнить. Он говорит, что если бы я <НОВАЯ КАРТОЧКА>

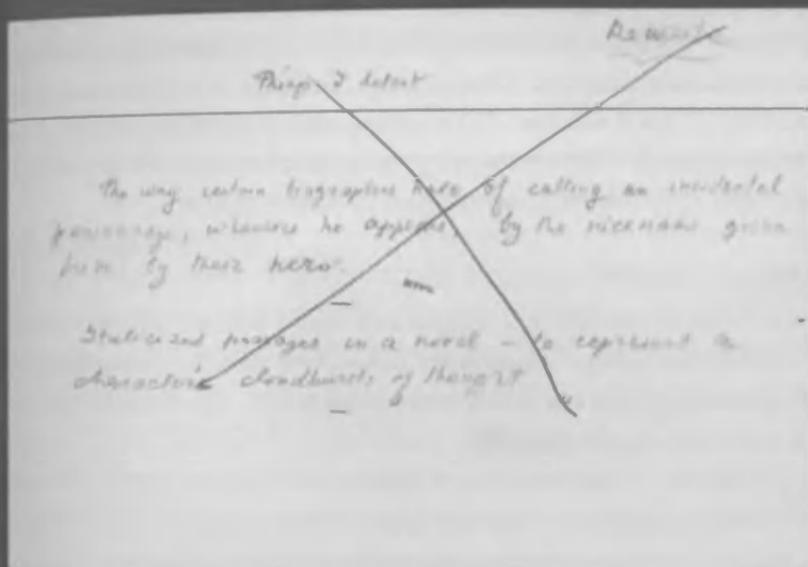
28 октября 1964, 8.30 утра, продолжение

был врачом, то я бы знал, что должен следовать инструкциям касательно «бактерий» в одном из разделов билета. Он принимается зачеркивать предложения, говоря при этом, что надеется, что кондуктор пустит меня на поезд. Теперь я взбешен и говорю ему, что я «американский подданный». Стрелка часов теперь на 12.23, и на моих

---

³⁴ Набоков преподавал там с 1941 по 1947 год.

Илл. 6. Обратная сторона карточки, описывающей сон 15-а (28 октября, 8.30 утра).

глазах, дрогнув, переместилась. Я кричу ему, что теперь я опоздал, он выходит из-за конторки, я даю ему пинка и выбегаю вон. Я в отчаянии: как поступила В.: села на поезд? Найдет ли меня? Огромное облегчение, что это был только сон.

■ *Этот известный тип кошмара — опоздание на поезд, безумная спешка с задержками и промедлениями, сказочные препятствия — часто появляется у Набокова в сочинениях, особенно в «Истинной жизни Севастьяна Найта». См. примечание ко Сну 23 от 5 ноября. На обороте этой карточки запись, не относящаяся к эксперименту, озаглавленная для себя («Переписать») и потом зачеркнутая крест-накрест:*

*Things I detest*³⁵.

Обычай некоторых биографов называть случайного персонажа, при всяком его появлении, прозвищем, которое ему дал их герой.

Романы с пассажами, набранными курсивом, отражающими вспышки мыслей персонажа.

28 октября 1964, 9.30 того же утра

Вспомнил обтрепанный клочок другого сна, когда доставал губку из мешочка, висящего над ванной. В этом сне мне пришло в голову, что я только теперь впервые увидел какой-то мешок, который скромно прятался между полотенец рядом с ванной, где, как я теперь понял, мадам Кавэн, наша кухарка, оставляет свои вещи, когда приходит — а, так вот где! (в действительности ничего подобного, конечно!)

---

³⁵ Вещи, которые я не выношу (англ.).

29 октября 1964, 8.30 утра

16.

(Верин сон, восстановленный фрагмент. Собираемся обедать с Соней³⁶, которая живет в пансионе, принадлежащем французскому консулу, который строго за ним следит. Поскольку он один из гостей С., кто-то говорит, что можно быть уверенным, что обед будет хорош, и С. подтверждает, что обед будет очень простой, но старательно приготовленный. Такса принимает участие.)

30 октября 1964, 8 утра. Ничего.

17.

31 октября, 8 утра

18.

Среди нескольких снов было одно действительно поразительное воспоминание из раннего детства. Меня снова охватили эти ужасные вспышки раздражения, бурные потоки слез, которые приходилось выносить моей матери, когда мне было 4-5 лет и мы были за границей. Сон прекрасно воспроизвел чувство крайнего несчастья, когда совершенно дав волю слезам, я в то же время понял, что с каждым всхлипом, с каждым взывом я все дальше и дальше отдаляю примирение с моей беспомощной, разстроенной матерью. В сегодняшнем сне я уже <новая карточка> находился в таком ажиотаже, что выскочил из нашей с Сережей³⁷ спальни в отеле в белый коридор и стал ломиться в мамину комнату. Она не позволила войти, резко и неприятно крикнув, что примеряет что-то. Я бросился в ватерклозет и вот уже неловко стою на крышке и обнимаю крашеную мелом трубу, ведущую *навверх* в какой-то резервуар, в который

---

³⁶ София Слоним (1908–1996) – младшая сестра жены Набокова.

³⁷ Сергей Набоков (1900–1945) – младший брат Набокова. См. также с. 16.

я погружаю лицо (довольно странным образом сон показывает высоту <новая карточка> моего *поста* посредством этой позиции, которая, по-видимому, не имеет иной цели или смысла). Мать, с сияющими глазами и покрасневшимся лицом, открывает дверь в конце вестибюля что ли, ведущего к тому месту, где я плакал. Тут я совсем разрыдался. К несчастью, в этот момент брат С., которого одевала английская гувернантка, услышал мои рыдания и присоединился. Это двойное представление все испортило и М.³⁸, вместо того, чтобы утешить меня, сама расплакалась.

Перечитывал (29 октября) русскую версию автобиографии³⁹.

19. 1 ноября 1964, 8.30 утра⁴⁰

Много снов. Среди них одно эротическое сновидение, а затем длинный беспорядочный сон: прихожу домой в полдень с сеткой для бабочек. С левой стороны, по траве через редкий лесок, поперек тропинок, идет женщина в белом и что-то говорит и бормочет себе под нос – напоминает даму, которая пыталась подкараулить меня летом 1963 года в окрестностях Loèche-les-Bains⁴¹. Какая-то короткая гать справа выводит меня из рощи на противоположную сторону долины, где, описав окружность, тропа привела к дверям виллы из розового кирпича, которую

---

³⁸ Елена Набокова, урожденная Рукавишникова (1876–1939) – мать Набокова.

³⁹ В 1954 году Набоков ревизовал и перевел на русский язык свою автобиографическую книгу «Conclusive Evidence» (1951) под названием «Другие берега».

⁴⁰ В оригинале описка: «1 октября».

⁴¹ Древний швейцарский курорт минеральных вод в кантоне Валлэ. Дмитрий Набоков лечился в тамошней ревматологической клинике с мая по август 1963 года.

мы с В. снимаем; но двери заперты и у меня нет ключа. Я обдумываю, как войти и просыпаюсь. Ландшафт мне совершенно незнакомый.

20. 2 ноября 1964, 6.30 утра

Несколько сновидений подряд, как обычно; смутно припоминаю последнее. Мы с Дм. пытаемся поймать отвратительного толстого мальчишку, который убил ребенка — может быть, свою сестру.

— — 8 утра

Почему-то не могу найти Музей сравнительной зоологии в Гарварде⁴². Похоже, что я вышел не на той станции метро. Войдя в здание, нахожу несколько человек, беседующих по-русски в каком-то вестибюле, удивляю их, обращаясь к ним по-русски. Один из них — <на обороте> маленькой, хрупкий человек (забавно, как много персонажей моих снов совершенно мне не знакомы!), которого я прошу сказать мне куда идти, отвечает, что идти по крайней мере полчаса — а я знаю, что это должно быть прямо за углом. Он говорит по-русски, что у него «большие неприятности» в музее, в котором он только что был по делу (и в этот момент, т. е. задолго до пробуждения у меня вдруг возникает жутковатое чувство, что я должен все это записать! Интерференция Данна!⁴³).

---

⁴² Набоков фактически заведовал отделом лепидоптерологии музея с 1942 по 1948 гг.

⁴³ Быть может, Набоков имеет в виду термин «интервенция»: «В результате наблюдения образа будущего опыта экспериментатор берет карандаш и бумагу и записывает или даже зарисовывает подробности образа, который наблюдал раньше. Поступая так, он совершает определенное физическое действие, но действие это никогда не было бы совершено, если бы он не наблюдал этот первообраз. Другими словами, он создает

Он ссылается также на профессора Лага, мне неизвестного, предлагает идти туда

<НОВАЯ КАРТОЧКА> 2 ноября 1964, 8 утра, продолжение

со мной и надевает каракулеву шапку «пирожком». Я говорю, что думаю, что справлюсь сам и собираюсь уйти. Но выход теперь стал люком или слуховым окном — он открывается, но крышка норовит захлопнуться, не могу протиснуться (у меня узел в руках), какая-то старая тряпка падает сверху, когда я пытаюсь поправить раму — и тут я просыпаюсь.

(Один из моих «профессиональных» снов, но он связан также с моими нынешними затруднениями в определении местонахождения экземпляров в Национальном историческом музее (Британский музей), нужных для моей книги о европейских бабочках⁴⁴.)

3 ноября 1964, 9 утра

21.

(Проснулся гораздо позже обычного, вспомнил конец сна)

После тяжелой болезни наскоро надеваю белые фланелевые штаны и темно-синюю куртку, чтобы ехать на велосипеде на край нашего парка, где катается мой двоюродный брат Юрик (убитый в 1919 году, а во сне мне пятнадцать)⁴⁵. Колеблюсь, не взять ли сетку для бабочек.

препятствие (интерференцию) для этой цепочки механических событий, которую мы постулируем как основу нашего „сознательного автомата“, или материалистической теории. Это беззастенчивая „интервенция“» (*Dunne J. W. An Experiment with Time. London, 1944. P. 105–106; курсив Данна*).

⁴⁴ С сентября 1963 по август 1965 г. Набоков трудился над «Бабочками Европы», проект остался незаконченным.

⁴⁵ Барон Георгий (Юрий) Рауш фон Траубенберг (1897–1919) — кавалерийский офицер Южной добровольческой армии, сражавшейся

Решаю не брать. На мне белые башмаки на каблуках. Быстро спускаюсь в столовую (вырского дома⁴⁶), чтобы перекусить что-нибудь, но уже поздно, со стола убрали после завтрака. Нахожу какие-то фрукты в вазе на буфете, беру банан, убедившись, что остался другой для Дм. Славная мешанина!

22. 4 ноября 1964, 9 утра

Опять встал поздно. Несколько снов Вериных и моих невосстановимы (или, как она говорит, «тщетно пыталась вытащить один из них за кончик нитки»). Перед самым пробуждением видел с правой стороны (я всегда сплю на правом боку⁴⁷) один из моих «утражающих знаков», на сей раз жирную оранжево-красную спираль на мутно-коричневом фоне – эмблема исчезнувшего кошмара – позади удаляющегося вагона. (Последнее время много думал о спиральях в связи с моей работой о пространстве и времени.)

23. ⊕ 5 ноября 1964, 7.30 утра

Конец сна, но вспомнил довольно большой кусок (самый длинный с тех пор что начал записывать): я провожаю мать. Без десяти час – ее поезд отходит в час дня. Мы берем таксомотор и приезжаем за четыре минуты до часу. Теперь идея железнодорожного вокзала отставлена и мы должны идти к какой-то фуникулерной станции на

с большевиками. Убит во время атаки. См. о нем в автобиографии Набокова («Другие берега». Глава 10, часть 1).

⁴⁶ Имя Набоковых под Петербургом.

⁴⁷ Герой романа Набокова Пнин, сердце которого внушает опасения, «никогда не пытался заснуть на левом боку, даже в те удручающие часы ночи, когда страдающий бессонницей мечтает о третьем боку, испробовав оба своих».

вершине холма. В какой-то момент я помогаю ей нести багаж, взяв у нее ббольший саквояж из двух — она несет маленький старый черный плоский портфель. Мне приходит в голову, что я не расплатился с шофером и бегу назад, оставив мать с ее багажом, но таксомотор

<новая карточка> 5 ноября, продолжение

уже уехал. Однако я знаю, что он сейчас вернется с другим пассажиром — пытаюсь высчитать как скоро — соображаю, что расстояние довольно велико, соображаю также, что он обычно оставляет небольшую штуковину, или главную ее часть, с включенным мотором — все это надежно собрано и заперто — вижу просвет в очереди и беру одну из свободных машин у стоянки таксомоторов — в моем сне это обыкновенная процедура. Тем временем моя мать поднялась с носильщиком на вершину холма и вошла в какой-то круглый павильон. Я не поцеловал ее на прощание, и это меня беспокоит, но когда я начал

<новая карточка> 5 ноября, продолжение

взбегать на холм, я увидел, что весь этот холм — или холм, похожий на остров, — или похожий на остров и холм пассажирский корабль — вот-вот должен отплыть. Спрашиваю себя, сколько провожающих на борту, так как им еще не сказано сойти на берег, и решаюсь действовать немедленно. Я карабкаюсь и съезжаю по какому-то ледниковому отложению, чувствуя, что выбрал опасный путь вниз по непроторенной стороне холма-острова. Все надеюсь откуда-нибудь увидеть мать, прежде чем все это отплывает. Вероятно

Nov 5 1964, 7.30 AM

(The woman I saw 2/10/64)
End of a dream but recalled rather long (2 days)
Seeing my mother off. Ten minutes to 4 PM - take
train home at 4 PM. We take a taxi and arrive
at five minutes to one. By now the railway station
area has been dropped and she must walk
up to a kind of telephone station on the top of
a hill. At one moment I am helping her with
her bags - seeing her of the larger one of which
she carries a small old black attaché case. I
realize that I have not paid the taxi and am
back leaving M and her bags, but the taxi

Илл. 8. Начало самого длинного описания сна, который Набоков сумел запомнить по пробуждению.

оно уже отплывает, и я боюсь, что под моими ногами откроется ущелье. Теперь я стою над скалистым обрывом, а подо мною вода, мы определенно движемся, мне надо сойти, но не хочу замочиться. Хватаюсь за выступающий сук, перелетаю над водой и спрыгиваю на безопасной стороне, не замочив ног. Пробираюсь по тропе, заросшей кустарником. Вдруг появляются молодая женщина с мальчиком и женщина пожилая, и идут к пристани. Женщина говорит своей тетке:

<НОВАЯ КАРТОЧКА> 5 ноября, продолжение

---

*«Tu sais, il fera si bon dormir bien au chaud là-bas?»*⁴⁸ Мальчик что-то возражает, но с улыбкой, и я думаю, что ему должно быть скучно с этими двумя неродными ему женщинами, — но он вежливый и добродушный мальчик. Теперь я вижу с тропинки, по которой они ушли, весь этот — удаляющийся — холм-корабль, множество новоприбывших со своим багажом и автомобилями у подножья. Но я не могу разглядеть своей матери среди маленьких силуэтов в павильоне на вершине.

■ *Начало этого сна имеет предшественника в третьей главе «Истинной жизни Севастьяна Найта»: повествователь со своей матерью нервно шагают по платформе, потому что не могут сесть на поезд, в котором должны бежать из России, оккупированной большевиками, без Севастьяна, который опаздывает, как это бывает в кошмарах: «Мысль, что с минуты на минуту поезд тронется, и мы должны будем вернуться на темный холодный чердак... была совершенно ужасна... Восемь сорок пять. Восемь пятьдесят...» Поезд по расписанию должен*

---

⁴⁸ «Знаешь, хорошо будет выспаться там, в тепле» (фр.).

был уйти в 8.40. Вторая часть сна напоминает одно место из окончания этого романа. Там перед умирающим проходят образы: «...выдерг, расставание, набережная жизни тихо отходит, вся в машущих платочках: ах, нет, ведь он уже по ту сторону, если может видеть как отступает берег; нет, не совсем так — раз он все еще думает. (Так провожающий друга может слишком долго задержаться на палубе, но он оттого не становится пассажиром.)».

В «Волшебнике» есть предложение, напоминающее исходные декорации сна: «От чайку он отказался, объяснив, что сейчас появится заказанный на вокзале автомобиль, что туда уже погружены его чемоданы (эта подробность, как бывает во сне, имела какой-то мелькающий смысл) <...>».

Упоминание фуникулера указывает на противоположное движение времени: в 1975 году во время охоты на бабочек в Альпах Набоков упал на крутом склоне и некоторое время беспомощно лежал, а над ним через регулярные интервалы проплывали кабины подъемника, пассажиры которого, вероятно, принимали пожилого господина, лежащего навзничь и машущего рукою, за подвыпившего туриста.

24. ⊕ 6 ноября 1964, 10.30 вечера

Смотрел выпуски новостей и репортажей (*Cinq colonnes à la une*) по французскому телевидению около половины десятого вечера (точного времени не заметил и не досмотрел до конца), видел остров с «пассажирами», отделившийся от материка и движущийся к океану — иллюстрация из книги Жюль Верна, которую показали в связи с деревней, построенной на воде в Южной Америке. Напомнило мне сон об «острове — переполненном корабле», записанный вчера утром!

7 ноября — —

Конец сна. Мать чем-то разстроена, и отец, что бы он ни сказал, разстраивает ее еще больше. Он дает мне переплетенный том «Иллюстрации» или «Графики». Я листаю журнал, положив ногу на ногу. Мать готова расплакаться и тихо выходит из комнаты (мы как будто за границей, в отеле или на вилле, мои родители молоды, но я взрослый). Отец выходит вслед за ней. Я слышу его голос в соседней комнате.

*«Ne descendez pas si vous êtes indispose, et tous seront contents»*⁵⁰ (невозможная в действительности сцена). Я ужасно смущен и не знаю, <НА ОБОРОТЕ> сосредоточиться ли на журнале (где на правой странице шахматная диаграмма), чтобы не слышать, что говорят, или захлопнуть тяжелый том и уйти. Он еще говорит что-то о том, что ее единственное желание, чтобы в его честь назвали улицу.

7 ноября 1964, 3 часа дня

25 а.

Спал после завтрака, что редко бывает. Конец красочного сна: мы с В. покупаем рождественские подарки, она тепло здоровается с молодой женщиной, которая входит, когда мы собираемся уходить. Они недолго разговаривают и расходятся. Я пытаюсь сообразить, кто она, и думаю, что это, наверное, та «милая сестра», которая была у нее в больнице. Я подаю руку девушке, которая на мгновение неловко колеблется, прежде чем пожать ее. (Во время нашей утренней прогулки мы встретили

⁴⁹ Записано задним числом.

⁵⁰ «Если Вы нездоровы, то не спускайтесь, все будут только рады».

маленького сына Вериного парикмахера. У него была операция на ноге, но теперь он довольно хорошо ходил. Она пожала ему руку, а я нет.)

26. 8 ноября 1964, 9.15

Проснулся очень поздно. Какая-то вечеринка по поводу того обстоятельства (действительного), что племянник мой В.С.⁵¹ женится. Он хочет показать мне что-то. Мы выходим: теперь мы на большом стрелковом полигоне. Он дает мне подержать что-то необыкновенно ценное, говоря «тебе будет интересно», и уходит со своей винтовкой, весело и довольно безпечно вертя ее в руках: я, шутя, кричу ему, что, надеюсь, он знает на каком конце поля мишени — на моем или на его — но он уже далеко. Я рассматриваю, что он мне дал подержать. Это что-то, <новая карточка> что он должен был соорудить для того же конкурса, к которому относится и эта его стрельба. Это бабочка, очень аккуратно расправленная между двумя как-то склеенными целлофановыми листами. Все это можно сложить, но так, чтобы складка не прошла по бабочке, что было бы фатально. Я ужасно боюсь испортить эту драгоценную вещь. Сама бабочка очень редка — замечательная аберрация самца *Plebejus*⁵², со щедрой

---

⁵¹ Владимир Сикорский, сын Елены Сикорской (1906–2000), младшей сестры Набокова (родившийся в 1939 г. в тот же день, что и Набоков, 22 апреля); переводчик в ООН, женившийся 23 декабря 1964 года на Нилли Гаруновой.

⁵² Род *Lycenidae*, так называемые голубянки, в которых Набоков был признанный специалист, назвавший и описавший один из европейских видов, *Lysandra cormion Nabokov*, 1941 (позже оказалось, что это гибрид). Этой бабочке он посвятил английское стихотворение «Открытие» (1943). Он также первым открыл несколько американских подвидов голубянки, включая знаменитую «Голубянку Карнер», *Plebejus samuelis Nabokov*, 1943, охраняемую специальным законом.

золотисто-оранжевой россыпью на крыльях, как бывает у самок. Я говорю себе, что эти чешуйки цвета зари <новая карточка> скорее физического (структурного) происхождения, чем химического (что не лишено смысла с научной точки зрения). Она очень красиво блестит на солнце. Я решаюсь сложить всю эту штуку и очень аккуратно приступаю, но, сложив, не уверен, что сделал это как следует. Теперь появилась его мать⁵³ и я передаю ей эту вещь, несколько опасаясь, что она раскроет ее и, может быть, увидит, что я ужасно напортил.

(6-го числа мой племянник попросил В. посмотреть квартиру, которую он приготовил для себя и невесты, а вчера я раскрашивал желтым карандашом очертания рисунка махаона⁵⁴.)

---

⁵³ Елена Сикорская.

⁵⁴ *Papilio tachaon Linnaeus*, 1758 — большая яркая бабочка, как бы со шпорами на крыльях, в просторечии именуемая парусником. Она встречается в трех романах Набокова, в одном рассказе и в книге мемуаров — там он вспоминает событие, с которого началось его увлечение энтомологией: в июне 1906 года в имении в Выре «на персидской сирени у веранды я увидел первого своего махаона — до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах с попутаячьим глазком над каждой из парных черно-палевых шпор, свешивалось с наклоненной малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, все время судорожно хлопало своими громадными крыльями. Я стонал от желанья» («Другие берега», глава 6); «...ангел-водитель... указал на... редкого гостя, великолепное палевое создание с черными пятнами, с зубчатой синей каемкой и киноварным глазком над каждым хвостиком, отороченным черным хромом. Пробуя хоботком слегка наклонившийся цветок, с которого бабочка свисала, слегка подогнув опушенное брюшко, она безпокойно подрагивала большими крылышками, и вождение, которое я испытал, было одно из самых сильных в моей жизни» («Speak, Memory»).

27. 9 ноября 1964, 8.30 утра

Ничего не мог вспомнить.

Конец сна В.:

Ее выпускают из португальской тюрьмы с тем условием, что освободить ее будут четыре раза. Она выходит из каменных ворот, босая, неся на руках младенца Дм., и ступает на мощеную панель, напоминающую петербургскую. Атмосфера скорее инквизиции, чем нацизма. (Мы никогда не бывали в Португалии, а Дмитрию теперь тридцать лет.)

■ *Предложение в скобках — одно из тех, которые как будто указывают на то, что Набоков был не прочь напечатать выбранные места из своих записей, быть может соединив их с другими описаниями своих сновидений; трудно иначе объяснить, для чего он часто сообщает сведения, как бы адресованные читателю: возраст своего сына или то, что жена его не курит (см. последнее, тоже в скобках, предложение следующей записи).*

28. 10 ноября 1964, 8 утра

Только необработанный конец: Дм. возвращается с прогулки по городу, где он был в аптеке или парикмахерской (наяву совершенно незнакомой), и говорит В., что они были немного удивлены и обижены, что я не зашел к ним за лосьоном, который давно заказал, и который — по его словам — они с такой любовью приготовили. Я на чисто забыл об этом и теперь досаую на Дм., что он не сказал мне, что собирается туда. Тем временем В. сидит в кресле в нашей здешней гостиной, читает и курит (она не курит).

10 ноября 1964, 8 утра

Сон В.: Топазия Маркевич⁵⁵ рассказывает, что ей очень трудно *начать* переводить на итальянский мой рассказ («Лик») ⁵⁶. В. говорит, что начнет за нее. Т.М. привезла (из Виллара ?) машину Дм. с тем, чтобы В. могла бы начать немедленно (!). Капот открыт, и все, что нужно сделать, это отсоединить темную штуковину, похожую на искусственную челюсть, от внутренней пасти машины (!), пользуясь инструментом, напоминающим стамеску; но нужно соблюдать осторожность, потому что впереди, где стороны соединяются, искусственные зубы Дм. (которых у него нет) покрыты коричневыми глинистыми выступами вроде завес. <НА ОБОРОТЕ> Теперь Дм. стоит у моего локтя предупреждая, чтобы я был осторожен и не сломал вставные челюсти. Мне удастся очень легко вынуть его, и остальное (удаление коричневых наростов) не должно представлять труда для Топазии. Тем временем Дм. очень рад, что у него свои зубы.

11 ноября 1964, 6 утра. Четыре карточки

29.

Встал рано, решил записать этот сон, хотя еще не совсем проснулся. На днях я думал о том странном обстоятельстве, что в моих (профессиональных) снах я так редко сочиняю. Этой ночью в конце сна мне был дарован очень славный образчик. Лежу на диване и диктую В. Должно быть, я диктовал с карточек, которые держу, но теперь я диктую в процессе сочинения. Это относится

---

⁵⁵ Топазия Маркевич, урожденная княгиня Казтани (1921–1990) – жена Игоря Маркевича, известного композитора и дирижера, была одной из близких знакомых Набоковых в соседнем Вевэ.

⁵⁶ Этот рассказ (1938) Набоков включил в особое собрание из четырех избранных рассказов («Nabokov's Quartet», 1966).

к новому, дополненному «Дару». Мой молодой Ф. <новая карточка> говорит о своем назначении, уже достигнутом, и о том, что он неясно, но всегда знал, что оно будет великим. Я медленно говорю по-русски: «О чем бы я ни думал, от каждой мысли откидывалось, как тень, простираясь внутрь меня, мое великое будущее»⁵⁷. Я диктую это очень медленно, с силой ударяя «на внутрь меня», взвешивая каждое слово, колеблясь между «великое» и «великолепное», соображая, не сделает ли «великое» слишком длинной и большой тень, простирающуюся внутрь, и в конце концов останавливаюсь на этом эпитете. Одновременно с довольно гордым видом думаю, <новая карточка> что никто никогда не описал ностальгию лучше меня, и что я тонко ввел (в одном совершенно выдуманном пассаже «Дара») некую тайную линию: еще прежде чем человек навсегда покинул эти проспекты и поля, чувство невозвращения уже было написано на них. Я также сознаю, диктуя очень медленно слово за словом фразу «Федора», что она обрадует и удивит В., потому что мне вообще редко удается извлечь из себя устно нечто экстраординарное, если я не записал этого, <новая карточка> а кроме того, мне очень нравится, что эта метафорическая тень будущего на каждой мысли молодого Ф. простиралась назад в дугу (а не лежит впереди, как это обычно бывает, когда речь идет о будущем).

Должен заметить, что лет двадцать пять тому назад, в Нью-Йорке, я обдумывал продолжение моего «Дара», т. е. описание жизни Ф<едора> и З<ины> в Париже.

■ Набоков обыкновенно диктовал свои рукописи жене, которая перепечатывала их после основательной правки. «Дар», его последний русский роман, был окончен в 1937 году, напечатан

---

⁵⁷ Это предложение у Набокова написано по-русски, как и слова: «великое», «великолепное» и «Дар» в конце записи.

по-русски в 1952-м, по-английски в 1963-м. Федор Годунов-Чердынцев — главное действующее, иногда первое, лицо; Зинаида Мерц — его возлюбленная. Проекция русской фразы из этого сна проходит через всю книгу. Черновик продолжения в школьной тетради, которое упоминает Набоков, сохранился: Зина и Федор оказываются в Париже в 1939 году, причем Федор показан неузнаваемо, даже до грубости раздраженным, в то время как Зина вскоре погибает на парижской улице под колесами автобуса.

12 ноября 1964, 7.30 утра. Не могу вспомнить

30.

13 ноября 1964, 6.30 утра

31.

Пронзительный горько-сладкий сон, пропитанный нежностью и безнадежностью. Небольшого роста, корена- стенькая, неряшливо одета, с голой шеей, лицо очень привлекательное, но не безупречно красивое, довольно широкие скулы, нос несколько плоский, прекрасный цвет лица, гладкая кожа теплого оттенка, голубые глаза, светлые изъерошенные волосы. Тщетно пытаюсь утешить ее: она больно обижена неверным безсердечным молодым мужем — какая-то темная кобелиная фигура позади нее. Я пытаюсь, как могу, дать ей понять, как мне ужасно жаль ее, но она совершенно спеленута <новая карточка> своим безмолвным горем и абсолютно непроницаема. Как я ни стараюсь «пробиться к ней»³⁸, что ни говорю ей по-русски, — все напрасно, она смотрит на меня опасно и загнанно, готовая замкнуться, сделаться отчужденной, отвергая мое сочувствие, совершенно искреннее, но не свободное от похоти. (Молодой человек — довольно смутное чувство — имеет ко мне какое-то отношение — может быть, Дм.?!)

---

³⁸ Эти слова написаны по-русски.

Oct 14, 1964, 8:30 AM

Several dreams: one of them nearly erotic; re-living
(for perhaps the first time) with perfect
freshness a phase of my early youth.

At around 3 AM an abstract, fantastic
vision: a death eye consisting of two roundish
golden-yellow disks with blurred edges placed
not quite side by side but one so near one above
the other, for an instant, in my sight. The first
was that I was supposed to be carrying in the
specific vision with U. - who would see it first -
but was now too sleepy to check with her and
fascinated again.

Илл. 9. В течение трех дней Набоков помечает свои полярские
заметки октябрем, как если бы он начал эксперимент заново.

14 октября 1964 г., продолжение⁵⁹

Позднее «музейный» сон, в конце которого я беру читать автобиографию художника Добужинского⁶⁰, где он пишет об охоте на бабочек. (Он учил меня рисовать, а много лет спустя я виделся с ним в Нью-Йорке и Вермонте.) Не могу найти указателя, но потом соображаю, что том состоит из двух переплетенных книг, и указатель идет после первой.

14 октября <sic> 1964, 8.30

32.

Несколько снов, один из них эротически пряный, с совершенной свежестью заново исполняющий (может быть, в пятисотый раз) фугу моей ранней юности.

Около трех часов утра — абстрактное «грозное» видение: знак смерти, состоящий из двух округлых золотисто-желтых клякс с размытыми краями, не столько рядом друг с другом, сколько одна над другой, на мгновение — справа от меня. Дело было в том, что в этом особенном видении я должен был опередить В. — кто первым его увидит? — но мне теперь слишком хотелось спать, чтобы спросить ее, и я снова заснул⁶¹.

---

⁵⁹ Вследствие странной ошибки Набоков вместо 14 ноября ставит дату начала эксперимента, и продолжает писать «октябрь» в продолжение следующих двух дней.

⁶⁰ Мстислав Добужинский (1875–1957) — известный русский художник. Набоков высоко ценил его воспоминания, печатавшиеся в американском «Новом Журнале» в 1940-х годах. Это как будто еще один пример записи, сделанной для читателя.

⁶¹ Набокову оставалось жить столько же, на сколько жена пережила его. Эта тема вновь возникнет в последней части «Ады».

Хороший «художественный» сон.

Я в мотеле, только что проснулся, В. там нет (она ночевала в городе у А.⁶²), Дм. еще спит в соседней комнате. Вдруг вижу из окна множество каких-то людей, я немедленно принимаю их за артистов-красноармейцев (певцов, танцоров), которые, я знаю, вечером дают концерт в городе. Говорю В. (она все-таки оказывается со мною): смотри, русские! Они шагают один за другим позади долговязого парня с удочкой по прибрежной траве, а потом поворачивают под прямым углом — по направлению к реке, чтобы удить рыбу.

<новая карточка> 15 октября 1964, продолжение

Все они в ладных мундирах, синих штанах, коричневых гимнастерках, с удочками. Дойдя до угла газона и собираясь сделать поворот, они поворачивают нарочито комически, особенно коротышка в очень широких штанах. Все они тихонько мурлычат себе под нос что-то странное, и деревенские жители (из Миннесоты или Дакоты) с довольным видом внимательно наблюдают. Пасмурно, ненастно, косматые темно-серые облака, сильный ветер мешает им идти, вот-вот пойдет дождь, но я понимаю, что для русского это прекрасная погода для рыбной ловли.

Пустые дни: не мог ничего вспомнить ни вчера, ни позавчера.

⁶² Вероятно, Анна Фейгина (1890–1973) — двоюродная сестра Веры Набоковой. Набоковы жили с ней в одной квартире в 1932–1937 гг., потом опекали ее в Нью-Йорке, а с 1968 г. — в Монре́е.

Несколько неприятных снов и сончиков.

Оставив незнакомого мне не то русского, не то испанского генерала допивать свой чай, я ускользнул в соседнюю комнату: я знал, что он опасен — беспощадный агент. Я пытался запереть двери, возился с засовом, он не поддавался. Тут я взял себя в руки, сказав себе, что стыдно бояться этого человека. Решил вернуться, и когда вошел опять в гостиную, то ступил в брызнувшую на меня черноту.

В другом сне мне нужно было приготовить лекцию в четырех частях, или вернее

<новая карточка> 18 ноября 1964, продолжение

ответы на вопросы (здесь примешиваются воспоминания об экзаменах моих студенческих дней), а у меня остается всего десять минут (было 8.50 утра), чтобы закончить с этим до начала лекций. Я очень смутно знал предмет, а то, что я написал, было неразборчиво.

В третьем сне я встал с постели и понял, что вдобавок к какой-то унылой старой болезни, я вдруг заболел тяжелым бронхитом⁶³.

19 ноября 1964, 8 утра

35.

Несколько быстро тающих снов. В одном узнаю, что Полан⁶⁴ умер от удара; в другом кто-то обсуждает «антисемитизм в среде официантов».

⁶³ Через тринадцать лет бронхит станет непосредственной причиной его смерти. 19 марта 1977 года, последнего в его жизни, Набоков напишет в записной книжке: «Начало нового приступа бронхита».

⁶⁴ Жан Полан (Paulhan, 1884–1968) — французский писатель и издатель, с которым Набоков познакомился в Париже в 1932 году.

В. приснилось, что у нас на столе предмет, напоминающий будильник для путешествий, сделанный из квадратного деревянного блока с маленьким циферблатом посередине, но только с одной цифрой. Вдруг кто-то (другой доктор?) говорит нам, что это диплом доктора Шпулера: что он только что выдержал экзамен на доктора философии (sic!)⁶⁵. Мы недоумеваем для чего эта штука здесь и решаем послать ее ему. Кто-то роняет ее — <НА ОБОРОТЕ> и задняя крышка частично отваливается, и надо ее починить, прежде чем отсылать доктору Шпулеру.

Другой сон, который она вспоминает: она делит комнату с пожилой дамой — безпокойной и *очень* старой. Зовет медицинскую сестру и выходит в коридор, чтобы сказать ей, чего пожилая дама хочет, но не может ни назвать ее по имени, ни описать. Сестра говорит: *адмиральша*.

Еще отрывок того же сна; мы с ней приезжаем к Елене⁶⁶: большая комната, низкий потолок, вытертый красный ковер от стены до стены, двустворчатая стеклянная раздвижная дверь около тела, доносятся глухие звуки разговора. Приоткрывает — и закрывает. Другая *Адмиральша*, на сей раз довольно шумная, в соседней комнате. Мы находим записку от Е., крупным почерком, — она уехала на несколько дней. Тут же какой-то разсылный. Все это очень странно. В. чувствует что-то под ногой, заглядывает под ковер и видит двухвершковую трещину по всему полу, хочет позвать рабочего заделать, но мы с разсылным говорим, что этого не надо, и сдвигаем обе части пола вместе (они почти касаются друг друга) и закрываем ковром.

---

⁶⁵ Шпулер — швейцарский врач Набоковых в 1970-е годы.

⁶⁶ Сестра Набокова жила в Женеве.

Брожу по городу (безымянному), замечаю, что стою на асфальте, пустом, между баррикад. Вокруг стреляют. Человек в шлеме, в синей одежде кричит мне бежать в укрытие. Я соображаю — послушаться ли его? Однако слушаюсь — прыгаю в какую-то яму. Один из нескольких снов.

Ср. со вторым Вериним сном под тем же числом!

20 ноября 1964, 9 утра

Сон Веры, первый. Вокзал или порт, куда мы идем, чтобы встретить Устиновых⁶⁷. Отчетлива только Сюзанна: она звезда, она *entourée*⁶⁸. Где-то сзади дети. Новая гувернантка со своим кавалером, сутенером, который воображает, что меня интересует его дама, и бодренько подталкивает Веру локтем. Предупреждая драку, Вера говорит: ну что ты, он женат. Она вспомнила о девочке, которая у них была с *ее* «сутенером», который тоже и т. д. (старая история). У Сюзанны много собак, и вдруг все замирает — одна из них, большой пудель, подымает заднюю лапу <на обороте> посредине сцены. Еще с ними два маленьких щенка пуделя, серый и черный. Вера подхватывает и уносит серого, он сначала ерзает, но потом сдается. Мы заходим в большое здание с услужливым консьержем. Множество людей у лифта, который идет вверх и вниз ниже нашего уровня. В лифте В. видит, что собаку в ее руках подменили меньшей черной. Ищет серую. Консьерж думает, что она может быть в квартире

⁶⁷ Сэр Питер Александер Устинов (1921–2004) — английский актер, драматург, режиссер и писатель, друг Набоковых; Сюзанна Устинов, урожденная Клутье, его вторая жена (с 1954 до 1971).

⁶⁸ Окружена вниманием (*фр.*).

Nov. 20, 1964, 9.00 AM

Compare to
my dream same
night!

Second dream, Vera's: we see from our high floor window 2000 ordinary crowds coming in trucks who begin: 1) playing soccer on a field beyond the road, and 2) digging a wide trench across the road for the police cars to fall in. A minute later the trench is ready and they leave in a hurry with much noise - to attract the police. We begin to search feverishly for a red rag to stop the cars before they can fall in the trap.

Илл. 11. Его жене приснился сон, сходный с его собственным, приснившимся ему накануне.

лорда Торно (или Торню), недавно титулованного газетного магната. Мы отправляемся туда. Горничная, лорд; наконец он возвращает собаку, она восторженно встречает В., хотя перед тем хандрила.

20 ноября 1964, 9 утра. Ср. с моим сном в ту же ночь!

Второй сон Веры: с нашего высокого окна мы видим революционные толпы на грузовиках, которые начинают: (1) играть в футбол на поле за дорогой и (2) копать широкую траншею поперек дороги, чтобы туда проваливались полицейские автомобили. Траншея закончена в одну минуту, и они поспешно уезжают с большим шумом — чтобы привлечь полицию. Мы начинаем лихорадочно искать какую-нибудь красную тряпку, чтобы остановить машины прежде, чем они попадут в западню.

37. 21 ноября 1964, 8.30 утра

Верин сон: мы в Дании. Ездим по стране на мотоцикле с коляской, которым собирается управлять молодая датчанка, несколько напоминающая Филиппу⁶⁹. Иногда я выхожу наружу, а кто-то, сестра или Дм., тоже внутри с В. в этой гибридной машине, причем Вера в левом углу. Датчанка приезжает в последнюю минуту с черным чемоданом и садится в коляску. Два грузовика (один запаркован) — мы проезжаем между. Подъезжаем к узкой реке, незаконно останавливаемся на берегу, и я иду по направлению к холмам в поход. Датчанка идет за мной, а Вера остается с маленьким Дм. и машиной. Вера с большими

---

⁶⁹ Анна Филиппа Рольф (1924–1978) — шведская поэтесса, почитательница и переводчица Набокова на шведский язык. Это чрезмерное почитание сделалось со временем трудновыносимым.

сложностями переносит машину с датчанкой (она прибежала назад) на дорожку, ведущую <новая карточка> (продолжение) через маленькое кафе. Когда мы возвращаемся, то встречаем человека, который раскачивается на своем стуле, чтобы перекрыть нам дорогу, и читает книгу, положив ногу на ногу. Мы протискиваемся. Он начинает грубить. Вера говорит: вы не европеец (имея в виду, что он может быть немцем из колоний), я не знаю, что вы такое, — и тут до нее доходит, что он просто неотесанный местный датчанин, ненавидящий иностранцев.

22 ноября 1964, 3.15 утра

38.

Какая-то аудитория во время импровизированного представления или репетиции лекции. Мой отец сидит за столиком на возвышении и что-то читает и обсуждает. Между мною и сценой несколько человек. Я неотрывно записываю за ним. Моя мать сидит среди четырех или пяти человек впереди. Теперь отец объясняет один пункт. Я понимаю и одобряю его, и, откашливаясь немного слишком громко, пытаюсь записать его довод как можно полнее. Вдруг он обращается ко мне со сцены — я киваю, полагая, что он хочет сделать возражение, которое я предвидел; но вместо этого он говорит мне: «Даже если тебе <новая карточка> скучно, ты мог бы из приличия сидеть тихо». Я глубоко обижен и отвечаю (тщательно выбирая русские слова и произнося их с достоинством): «Я думаю, что твое замечание совершенно несправедливо. Я слушаю внимательно и с огромным интересом». Встаю и собираюсь уйти, надеясь, что он окликнет меня. Но слышу позади голос отца, продолжающего свою речь несколько тише. В кружочке света мне видится завтрашний утренний разговор с ним — воображаю его в бежевом <новая карточка> халате. Не

обращать внимания на случившееся? А если он упомянет? Останавливаюсь на философском решении – подобный случай произошел в одном из моих сновидений, – что время покажет (любопытно, что я видел себя во сне воображающим будущее и смутно вспоминающим прошлое и что чувство будущего, чувство времени, ясно, хотя и не до конца продуманное, существовало в моем сознании, т. е. я отчетливо сознавал степень различия действительности между сонным видением и сонным предвидением). Странно, что отец, который всегда был так добродушен и весел, в моих снах всегда хмур и утрюм.

■ *Отец Набокова был убит в своего рода аудитории (в зале Берлинской филармонии, где бывали публичные лекции) в марте 1922 года пулей, предназначенной для другого – Павла Милюкова, известного члена левого крыла партии кадетов. В. Д. Набоков был одним из ее основателей. Ср. Сон III, а также Сон X в Части 3. Ср. также: «Отец часто являлся ему во сне, будто только что вернувшийся с какой-то чудовищной каторги, перенесший телесные пытки, о которых упоминать заказано, уже переодетый в чистое белье, – о теле под ним нельзя думать, – и с никогда ему не свойственным выражением неприятной, многозначительной хмурости, потный, слегка как бы оскаленный, сидящий за столом, в кругу притихшей семьи. Когда же, превозмогая ощущение фальши в самом стиле, навязываемом судьбе, он все-таки заставлял себя вообразить приезд живого отца, постаревшего, но несомненно родного, и полнейшее, убедительнейшее объяснение немого отсутствия, его охватывал вместо счастья, тошный страх, – который, однако, тотчас исчезал, уступая чувству удовлетворенной гармонии, когда он эту встречу отодвигал за пределы земной жизни» («Дар»).*

В лекциях «Пределы гносеологии» Флоренский называет это явление парамнезией: «<...> формально говоря, есть п а м я т ь будущего, как есть п а м я т ь прошлого, обе связанные

с порядком во времени, но переносящие прошедшее и будущее, с их характеристикой во времени, в настоящем»⁷⁰.

23 ноября 1964, 6.45 утра

39.

Конец длинного «энтомологического» сна, который приснился после того как я заснул, проснувшись без всяких снов в 6:15 утра. Попадаю (фуникулером?) на место охоты в горах на границе древесной растительности (в Швейцарии? в Испании?), но чтобы добраться туда, мне нужно пройти вестибюль большого шумного отеля. Очень худой и бодрый, весь в белом, взбегаю по ступенькам на другую сторону и оказываюсь на болотистой границе озера. Множество болотных цветов, жирная грязь, ярко, солнечно, но не единой бабочки (знакомое чувство во сне). Вместо сетки у меня огромная ложка

<новая карточка> 23 ноября, продолжение

— не могу понять, как это я забыл свою сетку и взял ложку — недоумеваю, как ею можно что-нибудь поймать. Замечаю какой-то почтовый ящик, открытый с правой стороны, полный бабочек, которых кто-то поймал и положил туда. Одна из них жива — прелестная аберрация зеленой перламутровки с необычно удлинненными крыльями, зеленые тона переходят из одного в другой и необычайно разнообразные оттенки карего. Она смотрит на меня в полном сознании и агонии, а я пытаюсь убить ее, сжимая двумя пальцами грудку — очень цепляется за жизнь, и наконец кладу ее

---

⁷⁰ Флоренский П. Сочинения: В 4 т. Т. 2. С. 56–57.

в сафьяновую коробку – старую, красную, на молнии. Потом сознаю, что все это время, слева от меня перед ящиком с бабочками, рядом сидел человек каким-то образом закамуфлированный; он препарирует слайд для микроскопа. Мы разговариваем по-английски. Бабочки эти его. Я чрезвычайно смущен, предлагаю вернуть перламутровку. Он неуверенно, но вежливо отклоняет.

■ *Когда Дмитрий Набоков позже описывал эпизод падения отца в швейцарских Альпах, он вспоминал, что «когда он наконец доплелся до вестибюля гостиницы, поддерживаемый с двух сторон коридорными, ему сделали выговор за то, что его короткие штаны были не в лучшем виде»⁷¹.*

40. 24 ноября 1964, 9 утра

Самый конец сна: обедаем внизу в ресторане⁷². Мой племянник⁷³ справа от меня. Пробует курицу на тарелке и жалуетя лакею, что у нее вкус стеарина. Я это подтверждаю.

24 ноября 1964, 9 утра

Верин сон. Едем в двух автомобилях на вокзал. Устиновы в первом, мы во втором. Нас останавливает полицейский и приводит в какое-то заведение. Потом они с Дм. сидят на скамье в заснеженном парке. Он говорит: возьмем эту машину – какой-то открытый маленький автокар. Садится, а какой-то человек подходит и толкает машину (sic!), чтобы завести ее. В. должна сидеть сзади,

---

⁷¹ Набоков В. Лаура и ее оригинал. СПб.: Азбука-Классика. 2010. С. 7.

⁷² В отеле «Монтрё Палас».

⁷³ Владимир Сикорский (см. примеч. 51).

но там песку по грудь. Они вылезают, и этот человек толкает машину назад к тротуару и говорит, что он уже в третий раз это делает. Она говорит: хорошо, я только возьму свою муфту. Достает, и тотчас они с Дм. едут в машине в полицейский участок, чтобы вернуть машину. <НА ОБОРОТЕ> Дм. возражает, В. говорит: хорошо, я верну муфту. Затем они оказываются в комнате с полицейским, который донимает Дм. какими-то вопросами. Она говорит: дай полицейскому пять франков, и потом: дай их мне (опасаясь, что Дм. арестуют за взятку). Отдает деньги благодарному полицейскому.

25 и 26 ноября 1964, до полудня

41.

Не записал снов сразу, потому что они были слишком тривиальны, но, как ни странно, помню оба очень ясно. Прошлой ночью мне снилось, что я сошел с трансатлантического лайнера, чтобы немного прогуляться — я был в нескольких верстах от цели моего путешествия — теннисного клуба, где я должен был принять участие в матче, и вдруг увидел, что белая труба корабля дымится и удаляется; а сегодня мне приснилось, что я в вагоне поезда (американского) и голос по радио сообщает нечто обо мне по-французски. Вскоре говоривший подошел к нам, и мы поболтали.

27 ноября, 7.30 утра

42.

Отрывки четырех снов:

1. Прихожу домой, нахожу Дм., неожиданно приехавшего из Милана, и в то же время голос В. весело доносится из спальни. Нахожу ее на постели с книгами. Возле постели на полу — таз-рукомойник, почти до краев полный коричневой желчи. Доктора уже позвали.

2. Читаю дневник отца. Он пишет, что хохотал, обнаружив протоколы медиумических сеансов на кухонном столе (наш повар Николай Андреевич <новая карточка> действительно был спиритом⁷⁴. Передо мной бумаги повара и разные непонятные предметы.
3. В большой ванной комнате в отеле (итальянском?) не могу добраться до ватерклозета из-за дыры в потолке, через которую в ванну упали испражнения. Бегу в другой сортир, в другой части нашей квартиры, но там Дм. — захлопывает дверь, которую я открываю. Бросаюсь к третьему в коридоре. Там горничная убирает — говорит мне, что у композитора Чайковского запущенный рак, и его нельзя оперировать.
4. Записываю яркий сон, который по пробуждении не могу вспомнить!

27 ноября 1964, 8 утра

Некоторые обстоятельства этих снов подтвердились наяву без промедления! В утренней почте оказалось рекламное объявление, присланное мне на одобрение лондонским издателем «Е.О.»⁷⁵, в котором я не могу одобрить очевидной отсылки к опере Чайковского. Другой корреспондент шлет мне гранки тюремного дневника

---

⁷⁴ Вероятно, он был не чужд и некоторым форм материализма: после октябрьского переворота, когда Набоковы вынуждены были оставить дом на Морской, их повар присвоил некоторые вещи, принадлежавшие бывшим хозяевам, между прочим, альбом с ценными семейными фотографиями, который объявился в 1970-е годы без серебряных накладок.

⁷⁵ «Евгений Онегин», которого Набоков перевел на английский язык, сопроводив тысячей страниц подробных комментариев, вышел в Великобритании в конце 1964 года.

Three clients tonight on a row!

Nov. 30, 1964 4:00 AM

End of modeled dream — on exhibition of Spanish cars
which was also an exhibition of specimens of a [unclear]
Irene Borda voice of Torresianus maculipes. In the
for visit of the dream two men in overalls were holding
and holding a wheel gate like affair

5:30 AM

Verbal dream — 3 fragments, none of extraordinarily
elaborate — sometimes even interstitial — rhyme words
In the present case all failed to put, and I must credit
myself with the following example edited by Newberry:

The words: above сривай всё всё

Were said
And I asked: Is it a weave? is it
A thread?

Илл. 12. «Три ночи подряд совершенно без снов», — пометка
наверху карточки объясняет пропуск в записях, когда Набоков
не мог вспомнить сна, сразу после странной путаницы в месяцах
(см. илл. 9).

отца. В. жалуется на боль в мочевом пузыре и предлагает отказаться от маркассина, который мадам К<аллье> собирается купить⁷⁶.

43. Три стерильных ночи подряд! 30 ноября 1964, 4 утра

Конец мутного сна – выставка испанских автомобилей, которая одновременно является выставкой экземпляров (неизвестного) вида *Parnassius mnemosyne* из Сиерры Невады⁷⁷. На дальнем краю этого сна двое мужчин в комбинезонах держат и поднимают что-то белое, похожее на ворота.

5.30 утра

Словесный сон. Мне часто снятся чрезвычайно сложные – иногда даже разноязычные – рифмы. В данном случае все исчезло очень быстро и приходится довольствоваться следующим примером, подправленным по пробуждении:

The words: *авось кривая вывезет*
Were said:
And I avoke. Is it a *weave?* is it
A thread?⁷⁸

---

⁷⁶ Маркассин – вишневый ликер из одноименного сорта вишни; Жаклин Каллье – секретарь Набоковых в Монтрё, которая и после смерти Набокова в течение многих лет оставалась помощницей и секретарем вдовы.

⁷⁷ Дымчатый аполлон – красивый парусник, часто появляющийся на страницах книг Набокова, особенно в «Даре» и «Аде».

⁷⁸ Слова: *авось кривая вывезет* / были произнесены, / и я проснулся. Это *ткань?* / нить? (англ.).

Верин сон: на границе Дикого Запада. Хозяйка нашей квартиры, милая старушка, напоминающая владелицу «Родного» (тридцать лет тому назад)⁷⁹. Но в то же самое время она мсье Бургер (здешний газетный киоск). В холле — вращающаяся стеклянная дверь. В ней овчарка, высовывается на четверть, терпеливо ожидая, когда ее выпустят. Она, проходя, выпускает ее, и та тотчас становится нашей собакой. В ее руке оказывается миска с едой для собаки — морковь и т. д. Вопрос: ест ли она овощи? Мы даем ей еду по возвращении домой.

Новая часть: она что-то купила для джемпера, что очень нравится Лене⁸⁰, В. предлагает ей скупить <на обороте> все, что осталось в магазине. Тут что-то логически не так, и Вера сознает это во сне — что нельзя купить той же материи на юбку, однако ее довольно, чтобы подать такой совет сестре. Мы оба рассматриваем фабричный знак на краю, чтобы убедиться в том, что материя «трезвенна»⁸¹ <sic!> или нет.

3 декабря 1964, 8 утра

45.

Смутный нежный эротический сон. Среди странно стилизованного ландшафта с бледными деревьями.

Потом конец другого: мы с Верой сидим за столом, а на противоположном конце его сидит небольшого роста механик. Он планирует разные поприща для Дм. в четырех частях, одна из которых — на полях листа, который следует повернуть по часовой стрелке, — он покрывает весь стол.

⁷⁹ Летом 1939 года Набоковы жили в пансионе «Родной» во Фрежусе на Французской Ривьере.

⁸⁰ Княгиня Елена Масальская, урожденная Слоним (1900-1975) — старшая сестра жены Набокова.

⁸¹ Имеется в виду маркировка Общества трезвенников.

46. 4 декабря 1964, 8 утра

Спускаюсь по ступеням вокзала, напоминающего лозанский, и вижу Эдмунда Вильсона⁸². Он спешит на поезд. Я говорю ему, что пойду «наверх» проводить его. Он говорит: только русские говорят «наверх» в таких случаях. Он бодро шагает по платформе, и я замечаю, как подтянуто он выглядит в темно-сером костюме. Мы теряем друг друга в толпе, и поезд отходит. Я ухожу с вокзала. Я несу норковую шубу В. Не могу найти таксомотора⁸³. Очень грязно. Не потерял ли я ее шарф? Нет, он в рукаве шубы.

47. 5 декабря 1964, полночь

Испытал свою память, записав сон по крайней мере через восемнадцать часов. Так же отчетливо, как было в семь утра. Пришел откуда-то. Не могу найти своей комнаты в здании, напоминающем Голдвин Холл в Корнелле. На лестнице встречаю свою двоюродную сестру С. Вся ее семья съехала по какому-то случаю, и вот она приехала повидаться с ними⁸⁴. Они расположились в комнатах, среди которых должна быть моя. Она выглядит необычайно молодо, и я не совсем уверен, она ли это или ее дочь — или внучка⁸⁵. Наконец вспоминаю, что моя

---

⁸² Набоков и Вильсон (1895–1972), известный и влиятельный американский литератор, были близкие друзья с начала 1940-х и до конца 1950-х гг., но позднее разошлись разсорившись.

⁸³ Ср.: «По какой-то причине, таксомоторов, как в дурном сне, было не сыскать» («Взгляни на арлекинов!»).

⁸⁴ Софья («Оня») Фазольт, урожденная Набокова (1899–1982) — дочь дяди Набокова, Дмитрия. На известной групповой фотографии ее свадьбы в 1920 году Набоков стоит в последнем ряду.

⁸⁵ Марина Ледковская, урожденная Фазольт (1924–2014) — профессор русской словесности в Нью-Йоркском колледже Барнард, и Татьяна Селивоник, урожденная Ледковская (1949–?) соответственно.

комната на третьем этаже, но когда я поднимаюсь туда, коридор оказывается полон мусора, прислуга убирает его после офицерского бала.

■ *Данн настаивает на том, что эффект узнавания действительного события в предшествующем сне «не замечается потому, что наблюдение должно быть направлено точно и определенно, и сны должны быть записаны немедленно».*

6 декабря 1964, 8 утра

48.

Сон со зловещим предзнаменованием. Проснулся с уколом в сердце. Отвлеченный, ужасный, несчастный случай разрезает пополам монограмму нашей жизни, немедленно разделяя нас. Кошмарная эмблема, профили В. и ВН смотрят в противоположные стороны.

Должно быть, действие маркассина⁸⁶.

6 декабря 1964, 8.30 утра

Верин сон. Огромный старомодный нарядный отель из серого камня. Мы посмотрели один или два, и теперь мы в третьем. Они стоят в воде, как бы гранитная Венеция. В коридорах полно шкафов, галерей, балконов. Иногда большие гусеницы, белые с черными лицами, безволосые, ползают по мебели. Мы доходим до конца огромного вестибюля. Персонал звонит в колокольчик всякий раз, когда они замечают гусеницу. Я уйду в поисках приятеля. В. замечает <НА ОБОРОТЕ> большую личинку, ползущую по комоду.

---

⁸⁶ См. Сон 42. Монограмма их имен, образующая «дубль-V» (W), странным образом воспроизводится и по-французски и по-русски в названии места, где обоих их кремировали с интервалом в четырнадцать лет (BeVэ, Vevey).

Другой отрывок сна. Елена Бромберг⁸⁷ прислала целый чемодан одежды для Дм., и Вера с Анютой рассматривают содержимое, сомневаясь, что эти вещи подойдут, потому что он больше всех; но А. говорит, что подойдут.

В третьем отрывке Дм. должен петь в концерте. В. оказывается в саду с несколькими комнатами. В одной из них девушка, напоминающая Петулу Кларк⁸⁸, поет громко, чтобы ее заметили, но дурно. Дм. говорит, что он тоже потерял свою роль — его «лицензия» истекла. В. энергично пытается уговорить его продлить ее.

49. 8 декабря 1964, 9 утра

Чай с друзьями (Карповичи ?)⁸⁹ на лужайке перед их домом. В шезлонге сидит, откинувшись, очень старый, болезненного вида, вспотевший Лев Толстой. Спрашиваю себя, знает ли «Карпович», что я не знаком с ним, или он думает, что я не хочу с ним знакомиться. Слышу, что он горячо говорит «Карповичу» по-русски: «Я не люблю его „Лолиты“, но как хорошо он описывает русский пейзаж!» Глупо.

50. 13 декабря 1964, 8.30 утра

Пропустил четыре ночи.

(Не записывал банальных снов этих последних дней.)

Напряженно-эротический сон. Кровь на простыне.

---

⁸⁷ Родственница Анны («Анюты») Фейгиной (см. сноску 62).

⁸⁸ Популярная английская певица (1932–2015), которая начала петь на сцене в возрасте семи лет, а в одиннадцать была звездой.

⁸⁹ Михаил Карпович (1888–1959) — профессор истории в Гарварде и редактор лучшего в Америке русскоязычного литературного «Нового журнала», и его жена, Татьяна Карпович, урожденная Потапова (1897–1973). На их даче в Вермонте Набоковы провели свое первое лето в Америке в 1940-м и гостили еще раз в 1942 г.

Конец сна: сестра О.⁹⁰, странно молодая и томная. Потом В. говорит, что мне нужно не забыть пойти к окулисту. Я нахожу его улицу, но не могу вспомнить номера дома. В панике листаю телефонную книгу, но не могу вспомнить его имени, и, кроме того, не знаю, как набрать неясный номер, который мне нужен — как будто кончается на 492. Потом стою возле окна, вздыхая, плохо различимый вид, размышляя о возможных последствиях кровосмешения.

■ Эта запись приводит на память читателю Набокова — но не Набокову — критический эпизод в конце его романа 1941 года «Истинная жизнь Севастьяна Найта», где описывается, как в сказке или кошмаре, гонка с препятствиями с целью заставить в живых сводного брата повествователя: «Я направился к телефону. <...> Полистал мягкую засаленную книгу, ища номер д-ра Старова <...> ага, вот он: Жасмин 61-93. <...> Я проделал несколько мучительных манипуляций, и на полпути забыл номер, и сызнова стал возиться с книгой, опять набирать номер, потом все слушал да слушал зловещие гудки. <...> Нервы у меня были на взводе».

26 декабря 1964, 7 утра, Абано⁹¹

51.

Нина Берберова⁹², в черном открытом платье, хочет везти меня в какой-то отдаленный пригород, чтобы захватить Георгия Шклявера⁹³, который должен был обедать со мной и В. у нас — неизвестно в каком месте. Я говорю В.,

⁹⁰ Ольга Петкевич, урожденная Набокова (1903–1978).

⁹¹ Абано-Терме — городок в Италии недалеко от Падуи.

⁹² Нина Берберова (1901–1993) — писательница и бывшая жена Ходасевича, с которым Набоков дружил.

⁹³ Жорж, или Георгий Шклявер (1897–1970) — профессор права в Парижском университете, знакомый Набоковых.

что отлично знаю, что мы собирались встретить Шклявера на полпути, но Н.Б. настояла на своем. Однако В. сказала, что это ничего, мы стольким ему обязаны (ничего подобного). Я никогда этих людей не видел во сне, и может быть есть смысл записать этот сон после такого большого перерыва.

■ *Данн советует обращать пристальное внимание на эффект возвратного времени накануне путешествия или другого ожидаемого перерыва в однообразии будничной жизни, но к этому времени Набокову, кажется, поднадоел эксперимент, внимание притупилось, и, во всяком случае, этот совет он забыл.*

52. 28 декабря 1964, 7 утра

Во вторую ночь здесь (в отеле Дю Торри с большим хвойным садом)⁹⁴ в страшном полусне видел рассеянные полосы мутного света, проникающие сквозь планки жалюзи, как пассаж, который я не могу определить в переводе на французский (последнюю неделю в Монтрё я усердно проверял французский перевод «Бледного огня», сделанный Куиндро)⁹⁵. Это было в ночь с 26 на 27-е. Этой ночью другой, гораздо более долгий и страшный сон: гигантская, очень черная лиственница, которая парадоксально прикидывается

<НОВАЯ КАРТОЧКА> 28 декабря 1964, продолжение

рождественской елкой, с которой сняли все игрушки, блестяшки, огоньки, и она стоит в голой, отвлеченной пустоте, как знак окончательного уничтожения. Ничего,

---

⁹⁴ Высшего разряда отель в Абано-Терме с термальными бассейнами и проч.

⁹⁵ Перевод вышел в Париже в 1965 году в издательстве «Галлимар».

кроме этого мрачного дерева, даже не похожего на скромную елку. (Меня опять беспокоил свет сквозь жалюзи, и должно быть тут эхо моих стихов о разных деревьях — if кария в «Бледном огне»⁹⁶; более того, несколько дней тому назад, 23-го, возвращаясь в таксомоторе из Женевы в Монтрё со свадебного обеда племянника, я заговорил о празднично освещенном дереве около одной виллы: *Ce n'est pas même un sapin — c'est un mélèze*; но шофер сказал: *non, c'est bien un sapin*⁹⁷.)

29 декабря 1964, 7.30 утра

53.

Много снов более или менее забытых:

Отчетливый конец одного: проверяю с другими людьми экзаменационные работы студентов. Из трех взятых мною первая оказывается маленьким шедевром. Имя студента Мостель (наяву мне неизвестен)*. Не знаю, что ему поставить — пятерку или пятерку с плюсом. Не могу найти карандаша, а кроме того озабочен грязной и запутанной связью с замужней женщиной (незнакомой наяву и не показанной во сне). Коллега (я никогда в жизни не правил

* (В. говорит, что есть известный американский актер с этим именем⁹⁸.)

⁹⁶ L'if — тис (фр.); кария от др.-греч. κάρυον — «орешник», скорее всего, грецкий орех. Англ. if значит «если». В романе оба дерева входят в главную тему смерти и потусторонности, первое в виде англо-французского каламбура (см. Оду 3 поэмы Шейда), а второе — как известное *memento mori*.

⁹⁷ «Это не ель — это лиственница», «о нет, это елка» (фр.). В контексте этого сна другое значение слова *un sapin* — «гроб» — приобретает особый смысл: *sentir déjà le sapin* — предчувствовать смерть, стоять одной ногой в могиле. Что-то похожее на русское простонародное «дать дуба».

⁹⁸ Самуэль «Зеро» Мостель (1915–1977) — комедиант, переживший Набокова на два месяца.

экзаменов коллективно!) подгоняет меня закончить мою стопку. Я все еще не могу найти чем писать, а, кроме того, меня сбивает с толку и мешает обманутый муж, очень маленький человечек, размахивающий руками, извергая поток претензий. В раздражении я хватаю его и швыряю во вращающуюся дверь, где его продолжает вертеть на некотором расстоянии от земли в горизонтальном положении, прежде чем он падает. Неловкая пауза: мертв? Нет, он поднимается и, пошатываясь, уходит. Мы возвращаемся к экзаменационным работам.

Снился Кир. В первый раз после его смерти в апреле⁹⁹. Очень молодой — около пятнадцати лет — худощавый, красивый, розовощекий, чрезвычайно привлекательный, но невеселый, на каком-то пикнике в лесу (под Прагой?¹⁰⁰); он достает бутылки из корзины.

Опять меня беспокоил свет, на сей раз большое пятно на стене у постели (В. говорит, что ей удалось плотно закрыть ставни в своей комнате, а я в своей не могу). Полусонный слышу, что это пятно теперь выше, потому что это эмблема или герб какой-то страны, и они недовольны, что он был ниже изголовья моей кровати — и вот они подтянули его вверх. Действующий на нервы свет, в котором фатум и фарс сливаются.

---

⁹⁹ Кирилл Набоков (1911–1964) — младший брат Набокова.

¹⁰⁰ После убийства В. Д. Набокова в Берлине в 1922 году Кирилл Набоков жил в Праге с матерью и обеими сестрами, где Набоков навещал их несколько раз перед войной.

Вероятно, принимал солнечные ванны, потом оделся и заснул. Проснулся не в привычной сосновой роще, а в месте, где тропинка идет наискосок (краткое видение девочки в голубом платье, быстро проезжающей на велосипеде «по ее обыкновению»¹⁰¹), в какой-то грязной песчаной канавке прямо подле большой дороги (налево от меня). На мне бледно-зеленая пижамная куртка (у меня такой нет) и темные штаны, босой, ноги холодные, в поисках носков. По дороге проходит советская делегация. Затем из леса выходит женщина с ребенком, русские. Она говорит

<новая карточка> 30 декабря 1964, продолжение

мне: «Я хорошо знаю вашего большого друга, г-жу Шифрин-Панскую» (впервые слышу)¹⁰². Я отвечаю, что, может быть, В. встречалась с ней, не помню. Мальчик лет шести-семи, очень румяный, с яркими глазами, весь в песке из сосновой рощи, немного похожий на Дм., когда он был ребенком, с примесью Александра, сына Н.¹⁰³, говорит, что ему хочется спать. Берет ли он ванну перед сном? Нет, довольно ванн, но вот тут (постукивает по лбу) полно Мольера.

¹⁰¹ Источник этой цитаты неизвестен. Возможно, что она из знаменитого детективного романа Эдмунда Клерихью Бентли «Trent's Last Case» («Последнее дело Трента») (1913); там есть сцена, очень напоминающая этот сон Набокова.

¹⁰² В письме к жене от 2 февраля 1936 года Набоков упоминает Семюна Шифрина (1894–1985) — эмигранта, кинематографиста, который был ему рекомендован для постановки фильма по его сценарию под названием «Hotel Magique» — довольно любопытно ввиду того, что он видит этот сон в Гранд-Отеле на итальянском курорте.

¹⁰³ Николай Набоков (1903–1978) — известный композитор, двоюродный брат Набокова.

55. 3 января 1965¹⁰⁴ года, Абано

Приехала повидать нас Филиппа Рольф, сказала, что Нина Берберова выставила в библиотеке Йельского университета письмо, которое я написал ей (30 лет тому назад). Нет ли тут очевидной связи с моим сном 26 декабря 1964 года? Если исключить это обстоятельство, я ничего теперь не знаю об этой даме¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ Эксперимент закончился за два дня до дня рождения Веры Набоковой.

¹⁰⁵ После войны их отношения охладели.

Alano

Jan 3, 1965

Pleppa Rolf who came here to see me told
me that Nina Berberov had exhibited
a letter I had written her (thirty years ago)
at the Yale Library. Does not connect
very sharply with dream of Dec. 26, 1964,
except that I never had anything
about that lady.

Илл. 13. Конец эксперимента.

Илл. 14. Дневник Набокова 1951 года. Игата, штат Нью-Йорк

ДРУГИЕ СНЫ

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин

В этой части приводятся записи избранных снов Набокова до и после эксперимента 1964 года, с одним исключением взятые из его записной книжки 1951–1959 годов и из его карманных дневников. Еще прежде того как Набоков прочитал книгу Данна, он следовал основным параметрам и условиям «Эксперимента со временем», записывая с большими подробностями свои сновидения вскоре после пробуждения, не пытаясь истолковывать их в терминах яви.

Как уже отмечено в первой части и показано в примечаниях ко второй, рукописи его писем и дневников почти всегда носят следы намерения приготовить выборку снов для публикации: исправления слов, позднейшие вставки, внесение квадратных скобок внутри круглых, а главное, факты, известные ему, но не его читателям.

Маленькие странички его ежегодных дневников в кожаной обложке покрыты отчетливым округлым почерком по-английски и по-русски, хотя к концу жизни его рука стала сильно дрожать. Внутри обложки вклеен кармашек, в котором хранится набор полосок с напоминаниями, которые требуется вклеить в соответствующие

даты, с записями по-французски («сегодня день рождения жены» и т. д.). Последняя такая книжечка заполнена до половины; в ее кармашке еще два предмета: побуревший лист гинкго, теперь надорванный, и сложенная вырезка из журнала «Observer» от 10 апреля (день рождения Набокова по русскому календарю) 1977 года со статьей Энтони Бёрджесса «Christ the Man».

Предпоследняя запись, от 19 мая, описывает слегка бредовый сон. К вечеру он меряет температуру: она слегка повышена (37.5); упав духом, он восклицает по-русски «неужели все с начала?», имея в виду, что придется опять ехать в больницу. Его госпитализировали через несколько недель, и самая последняя запись, от 16 июня, — список туалетных принадлежностей, которые он должен взять с собой, и еще запас рогипнола, сильного снотворного, до сих пор запрещенного в США, — одно из его названий, которыми пользуются уличные торговцы наркотиками, «позабудка».

Эти дневниковые записи не предполагали читателя, по крайней мере в таком нередактированном и необработанном виде. Само собою разумеется, что приводимые здесь отрывки снов из писем Набокова к жене предполагали одного (и, надо полагать, только одного) читателя и поэтому оформлены с большим тщанием. Что же касается нескольких сновидений, помещенных в конце этой главы, которые он вставил в свои мемуары, то они написаны с тем же искусством, что и его романы, но с тою разницей, что это действительно сновидения, поскольку он мог их вспомнить.

[1951]

11 января

I.

Сон около семи утра: с В., А.¹⁰⁶ и другими смотрю в окно дворца румынской королевы, где мы живем, на войска (серые полевые шинели, несколько старомодные ружья, старые мохнатые лошади, у которых ужасно торчат ребра), проходящие по улице, первое утро после революции, какой-то парад. В. с презрением смотрит на них, А. говорит в восхищении «но ведь это бывшие *королевские гвардейцы*». В. говорит, что ей все равно, и сбрасывает с консоли портрет короля, и он разбивается, а я выхожу на балкон, моросит, перила мокрые и блестящие¹⁰⁷, пожилая королева сидит там, спокойно наблюдая, как проезжают мокрые пушки, мокрые потемневшие клячи. Неужели она действительно не чувствует никакого сентиментального волнения, никакой эмоции (вчерашняя слава, гвардейцы ее мужа [мертвого?])? Проснулся на вопросительном знаке.

Нет ни единой фразы или подробности из того, что я запомнил из этого сна (он был гораздо длиннее), которой я не мог бы объяснить случайными впечатлениями и недавними мыслями; но над ним и под ним есть какой-то таинственный ропот, который я объяснить не могу. Улица несколько смахивала на пражскую — ту, что была видна из окна квартиры матери в начале двадцатых.

¹⁰⁶ Возможно, Анна Фейгина (см. с. 84).

¹⁰⁷ Балкон с мокрыми железными перилами появляется в той же записной книжке через две недели в наброске к рассказу «Three Tenses» («Три времени глагола»), который не был написан, но был использован в романе «Transparent Things» («Сквозняк из прошлого») двадцать лет спустя.

Сегодня утром Солнцев¹⁰⁸ прислал мне несколько ее писем, которые ему удалось спасти в Париже.

■ Сюжет и обстановка этого сна нередко встречаются в романах Набокова. К примеру, в четвертой главе «Пнина» (где в начале тоже идет дождь во время революции, а в конце он идет и снаружи и внутри взаимопроникающих снов Виктора и Пнина) и в «Бледном огне».

Странно — но согласно с тем, что можно заметить позже в его эксперименте, — что Набоков не упоминает, а быть может, забывает, что его бабушка, баронесса Мария фон Корф, после того как сын ее, отец Набокова, был убит в Берлине, была приглашена в Румынию королевой и скончалась в Бухаресте в 1925 году.

II.

16 января

Где-то в Западных штатах, в выжженной, леопардовой, полевой зоне (темные пятна шалфея на красноземе), но в то же время в окрестностях Праги охотился на бабочек в ярком цветном сне. Семья (умершие и живые) как будто где-то рядом. Никаких бабочек на лету (как почти всегда бывает в моих охотничьих снах, хотя я ловлю некоторых — на цветах и т. д. — может быть потому, что режиссеру сна так легче). Потом мы возвращаемся домой (в петербургском смысле) и я замечаю (моими итакскими¹⁰⁹ глазами), что Е. К.¹¹⁰ выглядит, как тридцать пять

---

¹⁰⁸ Константин Солнцев (1894–1961) — библиофил и филантроп, позднее профессор Сиракузского университета (США). Набоков не знал его до 1949 г., когда получил от Солнцева письмо, извещающее, что у него имеются некоторые бумаги Набокова, в том числе бумаги его матери (см.: Владимир Набоков: pro et contra. Т. 2. С. 84–87).

¹⁰⁹ Город Итака, штат Нью-Йорк, где Набоков в то время жил и преподавал в Корнелльском университете.

¹¹⁰ Евгения Константиновна Гофельд (1884–1957) — старинная компаньонка его матери.

лет тому назад, и на ней красивое черное платье. Я ей это говорю, но с трудом, язык едва ворочается во рту (может быть оттого, что я всегда неправильно пишу слово «язык» по-английски¹¹¹), и я чувствую, что мне не стоит это говорить.

После еды дикая спешка: идти опять к этим жарким холмам с сачком; ищу, ищу (может быть потому, что у меня полный мочевого пузыря) мою белую панаму, помня, как мне было неудобно без нее под солнцем пустыни.

NB: сны как будто выходят в больших подробностях и лучше вспоминаются с тех пор, как я стал их записывать (вроде того, как фирмы присылают свою рекламу после того как купишь у них что-нибудь).

25 января, 7.45 утра

III.

Сон: прохожу мимо двери, из-за которой доносится медленная старательная тихая прерывистая музыка. Открываю дверь, узнаю комнату в нашем петербургском доме (но в ней не было рояля). Отец — одинокий, печальный неумелый пианист (но в жизни он не играл; он мог подобрать несколько нот и делал это еще медленнее, чем здесь); я как будто знаю, что это Вторая соната Моцарта, которую играет В., но звучит она довольно странно и старо. Узнаю его по лысине на макушке — напоминает Карповича — и это неприятно, отталкивает меня, мальчиком я бы подкрался к нему на цыпочках и поцеловал бы его в плешь. Он грустно поворачивается ко мне, его большая вялая рука на клавишах, другая на колене. Заметив имя «Родольф» в партитуре, которую я перелистываю (слегка смущенный, непривыкший видеть его, всегда такого бодрого и веселого, в этом угнетенном состоянии),

---

¹¹¹ И даже тут Набоков правильно пишет слово «tongue» только с третьего раза.

25
January 24

7.45 A.M.

Dream: am passing by door from behind which
hear slow laborious soft moderate music.
Open door. Recognize room in our St Petersburg
house (but there were no persons in that room)
My father ^{is} lonely, melancholy, awkward player
(but he did not play in life; and if he could
pick and peck a few notes, did it at even
a slower rate ~~than~~ than this - seem to know
it is Mozart's second sonata that V. plays
but sounds quite vague and old). Recognize
him by the bald back of his head - ~~was~~
resemblance to Rospovich - and this unpleasant,
puts me off, in triumph would have tripped up
and kissed him on his bald spot. He turns
suddenly towards me, large long hand on keys;
other in ~~cap~~ ^{cap} upon noticing name "Rodolphe"
in partition ^{which} I theme through (slightly
embarrassed, not accustomed to see him, who
was always so vigorously gay in this
depressed state) start speaking of the trouble
I recently had of ascertaining the age of
characters in "Mme Bovary". "By the way -
I go on - how funny it is to find in Turgenief
somewhere ~~that~~ ^{that}: "On the opposite side of the
street there went a little old man of about
forty five." He does not understand, looks
puzzled or tired listen away. "Well, I explain
trijery - because I am ~~now~~ ^{about} fifty two." Still
looks puzzled - ~~Tad, translated and puzzled.~~
I wave up. He was my age when he was killed.

Илл. 15а. Страница из дневника Чабокова (1951 г.)

January 25

This is another thing I ought to write, with
special stress on the sloppy production -
any old book drop will do etc - of dreams.

1. The Three Temples
2. Dreams
3. The one about the Central European
professor looking for a job.

Bright reflection of window (rather - gap between
~~the~~ window shade and side), through yellowish lace
of curtain, on wall: only sunny mornings
have glazons.

принимаюсь говорить о своем затруднении в определении возраста персонажей в «Мадам Бовари»¹¹². Кстати, — продолжаю я, — до чего неприятно поражает где-то у Тургенева: «На противной стороне улицы шел старичок лет сорока пяти»¹¹³. Он не понимает, смотрит в недоумении, вяло и неотзывчиво. Ну, видишь ли, — объясняю безпечно, — мне теперь почти пятьдесят два. А он все смотрит недоуменно — печально, доброжелательно и недоуменно. Просыпаюсь. Он был убит в моем возрасте.

■ *Совпадение в возрасте точно почти до дня: В. Д. Набоков не дожил до своего пятьдесят второго дня рождения девяносто два дня, когда он был убит 28 марта 1922 года; сыну, в день, когда ему приснился этот сон, оставалось восемьдесят восемь дней до своего пятидесятидвухлетия. Ср. Сон 38, а также сон Федора в последней главе «Дара».*

VI.

23 марта 1959

Сны: когда был молод, «забывал надеть штаны», теперь «забыл надеть зубные протезы».

Другая идея:

Во сне мы находимся в нормальном состоянии рудиментарного человека на пороге перехода в род *Ното*. Не *sapiens*, но «бодрствующего» — вот лучшее наименование теперешнего состояния человека.

---

¹¹² В своем корнелльском курсе литературных шедевров Набоков разбирает этот роман Флобера. Родольф — имя соавратителя героини.

¹¹³ В эпилоге «Дворянского гнезда» есть довольно близкое место: «В самый разгар этой оглушительной потехи к воротам подъехал загрязненный тарантас, и человек лет сорока пяти, в дорожном платье, вылез из него и остановился в изумленьи». Павлу Кирсанову в «Отцах и детях», которых Набоков преподавал в Корнелле, тоже около сорока пяти.

March 25

Dream: am attempting a cold and
juggled copulation with a fat old
woman (whom I know slightly and for
whom I have as much desire as for a
gozilla or a gerbage can). ~~On~~ The day
before somebody in my presence was telling
somebody that a third party, a man
I knew, was - for godness' sake - ~~marrying~~
marrying a "fat old woman" whom I didn't
know, but whose name sounded
familiar like that of the one I dreamt
of the night after.

Илл. 16. Сон из категории эротических,
но без «эротической неги».

Сон. Пытаюсь совершить холодное и безрадостное соитие с толстой старухой (которую я немного знаю и к которой у меня столько же вожделения, сколько к горилле или мусорному баку). За день перед тем кто-то в моем присутствии говорил кому-то, что некто, кого я знаю, женится — подумать только! — на «толстой старухе», которую я не знаю, но чье имя звучало похоже на имя той, которая мне приснилась следующей ночью.

V.

[1963]

27 мая, понедельник. Приснилось, что умер Керенский¹¹⁴.

ПОСЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

[1965]

VI.

23 апреля, мое рождение

Сон

Меня зовут Остин Тэйлор! — кричит женщина из газетного киоска, где я хотел купить румынскую газету, но потом попросил «Нью-Йорк таймс» (и наконец увидел, что она дала мне что-то вроде «Пэлл-Мэлл»).

[1966]

VII.

7 января

Сон: решение высшей тайны, которую мы узнаем по смерти, есть то, что космос со всеми его галактиками — это

¹¹⁴ Он умер в 1970 году.

синяя капля в чаше моей ладони (избавленная таким образом от всех ужасов безконечности). Просто.

3 апреля, 7.30 утра

VIII.

Конец сна: Жорж Гессен¹¹⁵ рассказывает последний анекдот, «пуанта» которого та, что уличные ребята отвечают воспитателю безнадзорных: «Пойдемте в Seven Chops» — во сне это дурной славы трущобы.

[1971]

11 марта

IX.

Покинуть все — работу, негу,
искусства милую скудель?
По вечеряющему снегу
так Пушкин ехал на дуэль.

Половина этого во сне¹¹⁶.

[1973]

6 января 1973

X.

Сон: Отец и я с Дм. пришли на пляж (оказывается, что позади нашего отеля в Монтрё есть Южное море). Дм. и я обезпокоены тем, что отец (выглядающий очень угромо и смущенно) может сильно обгореть на солнце.

---

¹¹⁵ Георгий Гессен (1902–1971) — переводчик, близкий друг Набокова.

¹¹⁶ Этот «стишок», как Набоков называл его, он перевел на английский язык 15 октября 1975 года.

Сон: вокзал в итальянском городе. Мы с В. ходили по магазинам. Собираемся сесть на местный поезд, чтобы вернуться на наш курорт в горах. На платформе меня останавливает какой-то американский турист. В. садится на поезд и зовет меня. Отделяюсь от этого докучливого человека слишком поздно, поезд ушел. Скоро будет другой, но я не могу вспомнить названия курорта. Все, что я знаю, что он начинается на А. Начальник станции хочет помочь, но не может. Не могу вспомнить итальянского слова для «расписания», а он все показывает мне списки сложных номеров товарных поездов. Просыпаюсь в сердитой панике.

Проснулся на разсвете. Дневная часть мозга все еще на сонной скорости. «Вот оно!», подумал я мрачно, и, сев, увидел, что между кроватью и окном уже поставлены *две* гильотины, одна против другой («ну, конечно, так это делается — в спальне»). Вертикальные и горизонтальные тени в зарешеченном и ломаном сумраке, к которым я никогда не могу привыкнуть, продолжали принимать вид этих страшных машин, по крайней мере пять секунд. У меня даже было время подумать, готова ли В. в соседней спальне присоединиться ко мне. Надо обзавестись толстыми шторами, но я не люблю дожидаться сна в полной темноте.

Станный сон на пороге пробуждения. Я напомнил Заку¹¹⁷ о словесных играх, в которые мы играли, когда он

---

¹¹⁷ Александр Зак (1910–?) – ученик Набокова в Берлине.

был моим учеником пятьдесят лет тому назад, и я придумал новый экземпляр, который мне удалось протащить в сознание:

МайЕРУ С АЛИМЕНтами не повезло¹¹⁸.

[1975]

17 июня

XIV.

Сон: пересекаю футбольное поле, где Пеле играет с мячом. Посылает его мне, сильно закрутив. Прыгаю, как вратарь, — и едва не ломаю руку об ночной столик.

[1976]

24 апреля

XV.

В час ночи проснулся после короткого сна в ужасной тоске из категории «вот оно». Тихонько закричал, надеясь разбудить В. в соседней комнате, и в то же время боясь ее разбудить (потому что я чувствовал себя хорошо).

В ПИСЬМАХ К ЖЕНЕ

■ *Описаний сновидений тут на удивление мало; не считая, конечно, чрезвычайно частых случаев «я видел тебя во сне».*

«Вчера я видел тебя во сне — будто я играл на рояли, а ты переворачивала мне ноты...» (12 января, 1924).

---

¹¹⁸ В рукописи эта фраза написана по-русски. За день перед тем Набоков послал 500 долларов израильскому послу в Берне — «небольшое пожертвование на защиту Вашей страны против арабо-большевицкой агрессии». Третья Арабо-Израильская война началась шестого октября.

„I dreamt of you this night“¹¹⁹. Я тебя видел с какой-то галлюцинаторной ясностью и все утро сегодня хожу в каком-то облаке нежности к тебе. Я чувствовал твои руки, губы, волосы, всё — и если бы мне чаще могли сниться такие сны, жизнь была бы легче» (7 апреля 1937)¹²⁰.

«Видел во сне, что с кем-то иду по Дворцовой набережной, вода в Неве свинцовая, густо переливается, — и мачты, мачты без конца, большие судна и маленькие, разноцветные полоски на черных трубах, — и я говорю моему спутнику: „Какой большой флот у большевиков!“ И он отвечает: „Да, вот мосты пришлось убрать“. Потом мы обогнули Зимний дворец, и почему-то он был совсем фиолетовый — и я подумал, что вот нужно отметить для рассказа. Вышли на Дворцовую площадь, — она была вся сжата домами, играли какие-то фантастические огни. И весь мой сон был озарен каким-то грозным светом, какой бывает на батальных картинах» (16 июня 1926).

■ В 1926 году в Берлине, отвечая в эмигрантской анкете на вопрос «ваш самый памятный сон», Набоков ограничился одним словом: «Россия».

«Я видел во сне, что мальчик болен, и вышел из сна, как из соленой, горячей воды» (17 февраля 1936)¹²¹.

«Видел сегодня во сне, что по тротуару ко мне идет мой маленький, почему-то с запачканными щеками, в темном пальтеце, я его спрашиваю о себе: „кто это?“ — и он в ответ: Володя Набоков, с хитрой улыбочкой» (15 мая 1937).

---

¹¹⁹ «Ты мне снилась нынче ночью» (англ.).

¹²⁰ Набоков В. Письма к Вере. М.: Колибри, 2019. С. 325. Ред.

¹²¹ То же. С. 256.

«Сегодня был разбужен необыкновенно живым сном: входит Ильюша (кажется, он) и говорит, что по телефону сообщили, что Ходасевич „окончил земное существование“ — буквально» (9 июня 1939).

ИЗ «ДРУГИХ БЕРЕГОВ»

■ По сравнению с книгой мемуаров, вышедшей по-английски под названием «Убедительное доказательство» (1951) и с ее расширенным изданием «Speak, Memory» (1965) русский вариант автобиографии Набокова «Другие берега» (1954) значительно отличается от английских. Многие пассажи выпущены, а другие специально написаны для русского читателя. Приводимый ниже текст совмещает русский и одну вставку английского (набранную курсивом, в моем переводе). Интересно, что в то время, как в поздние свои годы Набоков не мог заснуть, если до его постели достигал малейший отблеск света, то в детстве дело обстояло наоборот — его ночной пыткой была полная непроницаемая темнота.

«Всю жизнь я засыпал с величайшим трудом и отвращением. Люди, которые, отложив газету, мгновенно и как-то запросто начинают храпеть в поезде, мне столь же непонятны, как, скажем, люди, которые куда-то „баллотироваться“, или вступают в масонские ложи, или вообще примыкают к каким-либо организациям, дабы в них энергично раствориться. Я знаю, что спать полезно, а вот не могу привыкнуть к этой измене разсудку, к этому еженощному, довольно анекдотическому разрыву со своим сознанием. В зрелые годы у меня это свелось приблизительно к чувству, которое испытываешь перед операцией с полной анестезией, но в детстве предстоявший сон казался мне палачом в маске, с топором в черном футляре и с добродушно-безсердечным помощником, которому

беспомощный король прокусывает палец. *<Ненавижу Сомнуса, этого палача в черной маске, привязывающего меня к плахе; и если с течением лет я привык к еженощным пыткам почти до развязного к ним отношения, когда знакомый топор вынимается из большого футляра, обитого бархатом, то поначалу у меня не было никакой опоры и защиты¹²².*> Единственной опорой в темноте была щель слегка приоткрытой двери в соседнюю комнату, где горела одна лампочка из потолочной группы и куда Mademoiselle из своего дневного логовища часов в десять приходила спать. Без этой вертикали кроткого света мне было бы не к чему прикрепиться в потемках, где кружилась и как бы таяла голова. Удивительно приятной перспективой была мне субботняя ночь, та единственная ночь в неделе, когда Mademoiselle, принадлежавшая к старой школе гигиены и видевшая в наших английских привычках лишь источник простуд, позволяла себе роскошь и риск ванны — чем продлевалось чуть ли не на час существование моей хрупкой полоски света. В петербургском доме ей отведенная ванная находилась в конце дважды загибающегося коридора, в каких-нибудь двадцати ударах сердца от моего изголовья, и, разрываясь между страхом, что ей вздумается сократить свое торжественное купанье, и завистью к мирному посапыванию брата за ширмой, я никогда не успевал воспользоваться лишним временем и заснуть, пока световая щель в темноте все еще оставалась залогом хоть точки моего я в бездне. И наконец они раздавались, эти неумолимые шаги: вот они тяжело приближаются по коридору и, достигнув последнего колена, заставляя невесело брякать какой-нибудь звонкий предметик, деливший у себя на полке мое бдение. Вот — вошла в соседнюю комнату. Происходит быстрый пересмотр и обмен световых ценностей: свечка

---

¹²² Ср. «Приглашение на казнь», глава 15.

у ее кровати скромно продолжает дело лампы, которая, со стуком взбежав на две ступени дивного добавочного света, тут же отменяет его и с таким же стуком тухнет. Моя вертикаль еще держится, но как она тускла и ветха, как неприятно содрогается всякий раз, что скрипит мадемуазелина кровать... Наступает период упадка : она читает в постели Бурже. Слышу серебристый шелест оголяемого шоколада и чирканье фруктового ножа, разрезающего страницы новой *Revue des Deux Mondes*. Я даже различаю знакомый зернистый присвист ее дыханья. И все время, в ужасной тоске, я стараюсь приманить ненавистный сон, ибо знаю, что сейчас будет. Ежеминутно открываю глаза, чтобы проверить, там ли мой мутный луч. Рай — это место, где бессонный сосед читает бесконечную книгу при свете вечной свечи! И тут-то оно и случается: защелкивается футляр пенснэ; шуркнув, журнал перемещается на ночной столик; *Mademoiselle* бурно дует; с первого раза подшибленное пламя выпрямляется вновь; при втором порыве свет гибнет. Бархатный убийственный мрак ничем не прерван, кроме моих частных беззвучных фейерверков, и я теряю направление, постель тихо вращается, в паническом трепете сажусь и всматриваюсь в темноту. Господи, ведь знают же люди, что я не могу уснуть без точки света, — что бред, сумасшествие, смерть и есть вот эта совершенно черная чернота! Но вот, постепенно приноравливаюсь к ней, взгляд отделяет действительное мерцание от энтлоптического шлака, и продолговатые бледноты, которые, казалось, плывут куда-то в безпамятстве, пристают к берегу и становятся слабо, но безценно светящимися вогнутостями между складками гардин, за которыми бодрствуют уличные фонари» («Мадемуазель О.»).

Types of dreams

1. Professional & vocational (in my case: chemistry, teaching, and lepidoptera)
2. Jim-dream dream (in my case: fatigue, sign, brightness, historic calamities, railway rails and riddles)
3. Obvious influences of immediate occupations & impressions (olympic games etc)
4. Memories of the remote past (childhood, emigration, school, parents)
5. "Precognitive"
6. Extreme tenderness and least earthly involvement

Илл. 17. Список «Типы сновидений» оказался среди записей сна на отдельной недатированной карточке следом за записью сна 6 декабря 1964 года (скорее всего, случайно попал туда позже).

ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ

Прилагательное «мечтательный» — по-английски буквально: сон наяву (daydreaming) — одно из наиболее часто встречающихся в художественном словаре Набокова. В четвертой главе второй части «Ады» девяностолетний Ван Вин резюмирует весь свой сновидческий опыт, который почти повторяет теорию и классификацию снов автора, большею частью сформулированные во время эксперимента 1964 года. Приводим это место полностью, так как примеры Вана хорошо ложатся в категории, на которые разбиты отрывки из произведений Набокова, содержащие описания сновидений.

Что такое сны? Произвольная череда сцен, тривиальных или трагичных, подвижных или статичных, невероятных или привычных, являющих, как на экране, более или менее правдоподобные события, подлатанные на скорую руку разными диковинными деталями, сцены, в которых умершие исполняют новые роли в новых костюмах и декорациях.

Обозрев свои самые памятные сны, виденные в продолжение прошедших десяти десятков лет, я теперь могу разделить их по содержанию на несколько разрядов, два из которых превосходят прочие своей жанровой определенностью. Я имею в виду сны профессиональные и эротические.

В двадцать лет видения первого рода повторялись почти столь же часто, как и второго, и тоже предвращались своими противоположными состояниями — бессонницами, вызванными или десятичасовым разливом умственных занятий, или воспоминаниями об Ардисе, этой постоянной ране, начавшей вдруг саднить немилосердно во дни моей молодости. После работы мне приходилось обуздывать мощное течение своих мыслей, но плеск сочинения, напор требующей воплощения фразы не могли остановить и целые часы, проведенные во мраке и беспокойстве, и когда мне удавалось добиться хотя бы небольшой уступки, поток все также продолжал струиться за стеной, даже если я самогипнозом (ни обычное усилие воли, ни снотворные пилюли уже не действовали) заключал свое сознание в границах какого-нибудь иного образа или предмета мыслей — только не об Ардисе, не об Аде, поскольку это означало бы утонуть в стремнине еще худшего бдения, полного ярости и раскаяния, желания и отчаяния, несших меня в темную бездну, где предельное физическое изнеможение, наконец нокаутировало меня забытием.

В писательских снах, особенно досаждавших мне в ту пору, когда я занимался своей самой ранней беллетристикой и униженно добивался расположения очень капризной музыки («на коленях, ломая руки», как тот достопамятный Мармлед в пыльных штиблетах перед своей Мармледи у Диккенса), я мог, к примеру, видеть, что правлю корректуру, но книга каким-то образом (великое «каким-то образом» сновидений!) уже вышла в свет, в буквальном смысле «в свет» — вынутая из мусорной корзины и протянутая мне чьей-то рукой — во всем своем окончательном и кошмарном

несовершенстве, с опечаткой на каждой странице, вроде таких глумливых подмен, как «махал он» вместо «махаон» или бессмысленного «атомная» вместо «томная». Или же я мог спешить на собственный литературный вечер и гневаться из-за людской толпы и вереницы автомобилей, запрудивших улицу, после чего с внезапным облегчением понимал, что мне всего лишь нужно вычеркнуть в рукописи слова «запрудивших улицу». Та разновидность снов, которую я могу определить как «сны-небоскопы» (не «небоскребы», как, несомненно, запишет две трети класса), относится к подразделу моих профессиональных видений, или, лучше сказать, служит предисловием к ним, поскольку еще с раннего отрочества редкая ночь проходила без того, чтобы какое-нибудь старое или новое впечатление не вступало в мягкую потаенную связь с моим пока еще безмолвным гением (ведь мы не что иное, как «ван», что рифмуется, собственно, означает «one»¹²⁹ в Маринином отрывистом, с низко звучащей гласной, русском произношении). На явление или объявление искусства в такого рода снах указывал образ пасмурного неба с многослойной облачной подкладкой, недвижимой, но обнадеживающе белесой, или удручающе серой, но зато непрерывно плывущей, открывающей, как на картине большого художника, истончившиеся места, в которые вдруг проглядывает бледное солнце, — но лишь для того, чтобы порыв ветра вновь накинул на него куколь — поскольку я еще не был готов.

К писательским и профессиональным снам примыкают «мрачно-безысходные» видения:

---

¹²⁹ «Единица» по-английски.

пророческого уклона кошмары, таламические катаклизмы, жуткие тайны. Нередко угроза могла быть хорошо спрятана, и какое-нибудь невинное событие, если я его отмечал в своем дневнике и позднее возвращался к нему, только задним числом обнаруживало свою провидческую сущность, что Дунн объясняет действием «обратной памяти»; но здесь не место вдаваться в обсуждение необъяснимой природы снов, замечу лишь, что нам недостает некоего логического закона, определяющего допустимое число совпадений в данной области, в случае превышения которого совпадение перестает быть таковым и образует живой организм новой истины («Скажите, — спрашивает гитаночка в романе Осберха¹²⁴ двух мавров, Эль-Мотеля и Бар-Рамера, — каким в точности должно быть наименьшее число волосков на теле, чтобы его можно было называть „волосатым“?»).

Между мрачно-безысходными и мучительно-чувственными снами я, пожалуй, помещу «млеко» эротической нежности и щемящего сердце волшебства; случайные *frôlements* незнакомок на условных вечеринках, полуулыбки влечения или покорности — все эти предвестники или отголоски тягостных и горьких снов, в которых ряд Адочек с безмолвным укором отступает все дальше и дальше и исчезает вдалеке; слезы, еще более жгучие, чем те, которые я проливал наяву, душили и обжигали бедного Вана и вновь выступали затем спустя дни и недели, в минуты досуга.

Неловко описывать эротические сны Вана в семейной хронике, которую могут раскрыть

---

¹²⁴ Анаграмма фамилии аргентинского писателя.

и очень юные читатели после смерти очень старого автора. Двух образчиков, более или менее прозрачных, будет довольно. В замысловатом переложении на язык сновидений тематически связанных воспоминаний и непроизвольно возникающих иллюзий Аква, выдающая себя за Марину, или Марина, загримированная под Акву, приходит к Вану с радостным известием, что Ада только что разрешилась девочкой, которой он как раз собирался овладеть на жесткой садовой скамье, в то время как стоящий поблизости под сосной отец, а может быть и облаченная во фрак мать, пытается установить трансатлантическое соединение, дабы из Ванса немедленно прислали карету неотложной помощи. Другой сон, в неизменной и неудобосказуемой основе своей повторяющийся снова и снова, начиная с 1888 года и до глубин этого века, содержал сугубо тройственную и в каком-смысле трибадийскую тему. Бесстыдная Ада и распутная Люсетта нашли спелый, очень спелый кукурузный початок. Ада берет его за края, как свирель, и початок теперь *оказывается* свирелью; Ада проводит своими приоткрытыми губами вдоль инструмента, полируя его стержень, и пока она заставляет его испускать трели и стоны, конец этого органа исчезает во рту Люсетты. Прелестные и жадные юные лица сестер теперь приближены друг к другу — печальные и задумчивые в их медленной, почти апатичной игре; их языки, соприкасаясь, быстро, толчками, вытягиваются, как пламя, и втягиваются обратно; их распущенные волосы, бронзово-рыжие и бронзово-черные, чарующе смешиваются, а их лоснящиеся затылки подняты кверху, пока они утоляют жажду из лужи его крови.

У меня здесь имеются кое-какие заметки об общих свойствах сновидений. Одна озадачивающая особенность моих снов — это множество совершенно незнакомых мне людей с отчетливыми, но никогда более не возникающими чертами; они сопровождают, встречают, провожают меня, докучают длинными, нудными рассказами о других незнакомцах, — и все это в памятных местах и среди людей, покойных или живых, которых я хорошо знал или знаю; или тот забавный трюк одного из приказчиков Хроноса: очень ясное сознание времени, которое показывают часы, со всеми тревогами, какие переживает опаздывающий человек (тревогами, быть может вызванными на деле переполненным мочевым пузырем), и эта часовая стрелка передо мной, исполненная числового значения, с точки зрения механики вполне убедительная, но соединившаяся — что и составляло курьезную часть сна — с крайне туманным и едва ли возможным ощущением течения времени (эту тему я тоже пока приберегу до другой части). На сны влияют переживания или впечатления настоящего, как и детские воспоминания; они отражают — в образах или ощущениях — сквозняк, свет, обильную еду или острое пищевое отравление. Полагаю, мои студенты отметят, как наиболее характерную особенность практически всех сновидений, рядовых или поразительных (и это несмотря на возможность связного или отрывочного, но вполне логичного — в определенных пределах — обдумывания и истолкования — часто абсурдного — увиденных во сне событий), — жалкое интеллектуальное бессилие самого сновидца, которого не так уж страшит встреча с давно умершим другом. У сновидца на глазах в лучшем случае полупрозрачные шторы, в худшем же — он умственно

отсталый человек. Студентам (1891, 1892, 1893, 1894 и других лет) следует слово в слово записать (шелест тетрадей), что благодаря самой их природе, присущей им интеллектуальной вялости и рассеянности, из снов невозможно вывести ничего, что напоминает притчу, символ, аллегория или греческий миф, если, разумеется, сновидец не грек и не мифолог. Метаморфозы во снах так же обычны, как метафоры в стихах. Писатель, рассматривающий, положим, то обстоятельство, что воображение тускнеет медленнее памяти, и проводящий аналогию с более медленным убыванием начертательного кончика карандаша в сравнении с его резиновой верхушкой, сравнивает две реальные, определенные, существующие вещи. Хотите, чтобы я это повторил? (Крики: «да!», «да!».) Извольте: карандаш в моей руке все еще удобо-длинен, хотя и послужил мне изрядно, но его резиновый наконечник практически стерт вследствие слишком частого использования. Мое воображение не утратило своей силы и отлично мне служит, но память моя становится все короче и короче. Я сравниваю свой реальный опыт с состоянием этого реального, всем известного предмета. Ни один не является символом другого. Схожим образом, когда бакалейный остролов замечает, что небольшое, конической формы лакомство с уморительной вишенкой наверху напоминает ему то-то и то-то (отдельные смешки среди слушателей), он, превращая розовое пирожное в розовую грудь (дикий хохот), лишь обращает, так сказать, клубничку в клюкву (гробовое молчание). Оба предмета реальны, они не могут заменить друг друга, не указывают на что-то третье, скажем, на обезглавленный торс Волтера Рэли, все еще венчаемый изображением его кормилицы (одинокий

гоготовок). И потому главное заблуждение, неприличное, нелепое и пошлое заблуждение аналитиков Зигни-Мондье состоит в том, что они принимают реальный объект, например странную кишку или шишку (действительно виденную пациентом во сне), за его многозначительную абстракцию, за кошки-мышки деревенщины, или за половину бюста, если вы понимаете, что я имею в виду (разрозненное хихиканье). Нет никаких иносказаний или знаков, ни в видениях сельского идиота, ни в недавних снах любого из присутствующих в этом зале. Ничто в этих бессвязных видениях — подчеркните «ничто» (горизонтальный скрип) — не может быть истолковано как нечто, поддающееся расшифровке каким-нибудь знахарем, врачующим затем душевнобольного или утешающим убийцу посредством возложения вины за содеянное на чересчур покладистых, или чересчур строгих, или вовсе безразличных родителей, — глубокая гнойная рана, которую этот по-отечески заботливый шарлатан якобы исцеляет своими дорогостоящими исповедальными сатурналиями (общий смех и аплодисменты)¹²⁵.

В предисловии к своему эксперименту Набоков тематически подразделяет обычные свои сны на шесть основных типов¹²⁶, но даже и те сновидения, которые он записывает в ходе эксперимента, не вполне укладываются в эти шесть категорий. Можно ли считать прыжок в канаву во время перестрелки в незнакомом городе

---

¹²⁵ «Ада, или Отрада. Семейная хроника». Часть 2, глава 4 (готовится к изданию). Здесь и далее отрывки из «Ады», «Взгляни на арлекинов!» и «Лолита. Сценарий» приводятся в переводе Андрея Бабикова.

¹²⁶ См. с. 46 наст. изд.

«роковым» сном? (Сон 36). Есть ли нечто «предсказательное» в критическом замечании Эдмунда Вильсона о будто бы специфически «русском» употреблении слова «upstairs»¹²⁷, сделанном на вокзале в Лозанне (Сон 46) за полгода до их знаменитой журнальной перепалки, затеянной Вильсоном и касавшейся набоковского перевода «Евгения Онегина»? Заметим, что сам Вильсон, годами изучавший русский язык, владел им гораздо хуже, чем полагал. Или этот сон имел какую-то связь с книгой Вильсона «На Финляндский вокзал», вышедшей в 1940 году, когда Набоков познакомился с ним и вежливо критиковал левоватую политическую наивность автора? Всякий ли «эротический» сон его так уж чарующе нежен (см. например Сон IV)? Наконец, мог ли он всегда распознать среди вереницы снов «провиденциальный» (что было целью эксперимента Данна)?

Мне пришлось поэтому прибавить несколько новых моделей или их вариаций к набоковским. Например, представляется недостаточным именовать сновидения, в которых появляется его отец (Сон 38 или III), как просто «воспоминания далекого прошлого»: он видит отца в непривычном облики, без улыбки, слегка отчужденного, немного хмурого, словно его таинственное посмертное состояние сделало эту перемену неизбежной, как бы это ни было больно для сына. И когда персонажи Набокова видят во сне своих отцов, то они часто испытывают то же чувство благоговения, тайны и ужаса, особенно мастерски и ярко воспроизведенное в поразительном пассаже из «Дара», который приводится здесь целиком.

Некоторые пассажи с трудом поддаются тематической рубрикации: одни располагаются в двух или даже трех категориях, другие наоборот требуют для себя более подходящего местоположения. В художественных

---

¹²⁷ «Вверх по лестнице» (англ.).

произведениях Набоков сочинял сновидения персонажей из собственного сновидческого опыта (память) и тех вымышленных снов, которые были изготовлены на случай (воображение). Внутри каждой из категорий цитируемые пассажи расположены в порядке восходящей хронологии.

Если при переводе оригинального русского текста на английский язык Набоков делал важные дополнения, то таковые выделяются курсивом.

Приводимые здесь отрывки не включают примеров из пьес: большинство из них задуманы и построены как Кальдероновы сновидения. Когда поднимается занавес в ранней «Трагедии господина Морна» (1924), мы видим дремлющего в кресле человека, слова которого по пробуждении: «Сон, лихорадка, сон...» И вся драма оказывается сном «иностранца», посещающего сцену своей фантазии. А позднее «Событие» (1938) оставляет зрителя с ощущением, что или вся пьеса – сон, или «Жизнь есть сон»¹²⁸, ибо два главных героя видят иногда тускло горящий знак «Выход» из своего кошмара. И в его последней пьесе «Изобретение Вальса» главное действующее лицо – лицо спящее, а «Сон» (в английском переводе «Виола Транс») в ней – и главный актер, и постановщик.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СНЫ

*Сны, относящиеся к писательскому искусству,
особенно к словесным манипуляциям*

Вана разбудил ночной портье. Он поставил чашку кофе и тарелку местных плюшек с яйцом на столик у его кровати и ловко сцапал ожидаемый *червонец*. Наружностью

¹²⁸ Название знаменитой пьесы Кальдерона.

он несколько походил на Бутейана, каким тот был десять лет тому назад и каким явился ему в только что виденном сне, который Вану удалось воссоздать в ретроспективном озарении лишь отчасти: бывший камердинер Демона объяснял Вану, что «дор» в названии дорогой его сердцу реки <Ладоры> это то же искаженное «гидро», что и в слове «дорофон». Ван нередко видел сны о словах, сны с игрой слов («Ада», часть 1, глава 42).

Той ночью Вану из-за выпитого Моэта привиделось, будто он сидит на белом, как пудра, тропическом пляже, заполненном благоденствующими людьми <...> поглядывая сквозь солнечные очки на симметричные тени по обе стороны блестящей дуги позвоночника и на более светлые тени между ребер девушки, Люсетты или Ады, сидевшей на полотенце чуть поодаль от него <...> Кто-то, кативший поблизости столик на колесиках, сказал: «это одна из сестер Вэин», и он проснулся, с профессиональным удовольствием повторяя онирическую игру слов, сочетающую его имя с фамилией, и извлек ушные затычки, и в изумительном акте восстановления и стыковки столик для завтрака громыхнул в коридоре, пересекая порог соседней комнаты, и, уже жующая, в медовых крошках, Ада вошла в его спальню («Ада», часть 3, глава 8).

СУДЬБОНОСНЫЕ («РОКОВЫЕ»)

*Сны, якобы предвещающие несчастья,
особенно смерть*

Он заснул в ту минуту, когда стал решать про себя, стоит ли зажечь лампу и почитать что-нибудь. На кресле валяется французский роман. Костяной нож скользит, режет станицы. Одну, вторую...

Он проснулся посреди комнаты — проснулся от чувства невыносимого ужаса. Ужас сшиб его с постели. Приснилось, что стена, у которой стоит кровать, стала медленно на него валиться, — и вот он отскочил с судорожным выдохом («Удар крыла»).

Недавно во сне ей явился покойник-юноша, с которым до замужества она блуждала в сумерках, когда так призрачно белеет цветущая ежевика. Утром она, еще как бы в дремоте, написала ему карандашом письмо — письмо своему сновидению. В этом письме она солгала бедному Джэку. Ведь она его почти забыла, любит испуганной, но верной любовью своего страшного, мучительного мужа, а меж тем хотелось теплотою земных слов согреть, ободрить милого, призрачного гостя. Письмо таинственно исчезло из бювара, и в ту же ночь ей приснился длинный стол, из-под которого вдруг вылез Джэк и благодарно закивал ей... Теперь ей почему-то было неприятно вспоминать этот сон... Словно она мужу изменила с призраком... («Мечь»).

И однажды во сне он увидел Турати, сидящего к нему спиной. Турати глубоко задумался, опираясь на руку, но из-за его широкой спины не видать было того, над чем он в раздумье поник. Лужин не хотел это увидеть, боялся увидеть, но все же осторожно стал заглядывать через черное плечо. И тогда он увидел, что перед Турати стоит тарелка супа и что не опирается он на руку, а просто затыкает за воротник салфетку. И в ноябрьский день, которому этот сон предшествовал, Лужин женился («Защита Лужина», глава 11).

Иногда, во сне, он клялся доктору с агатовыми глазами, что в шахматы не играет, — вот только однажды расставил фигуры на карманной доске да просмотрел две-три

партии, приведенные в газете, — просто так, от нечего делать. Да и эти падения случались не по его вине, а являлись серией ходов в общей комбинации, которая искусно повторяла некую загадочную тему. Трудно, очень трудно заранее предвидеть следующее повторение, но еще немного — и все станет ясным, и, быть может, найдется защита... («Защита Лужина», глава 14).

В автомобиле. Они возвращаются домой.

Шарлотта. Знаешь, это так странно. Тонуций, говорят, вспоминает всю свою жизнь, но мне вспомнился только вчерашний сон. Ты предлагал мне какую-то пилюлю или снадобье, и голос сказал: «Берегись, Изольда, это яд».

Гумберт. Какая-то чушь, по-моему.

Автомобиль подъезжает к дому 342 по Лоун-стрит, Они выходят («Лолита». Сценарий).

Ложные предсказания

Она верила в сны: выпавший зуб — смерть знакомого, зуб с кровью — смерть родственника. Жемчуга — это слезы. Очень дурно видеть себя в белом платье, сидящей во главе стола. Грязь — это богатство, кошка — измена, море — душевные волнения. Она любила подолгу и обстоятельно рассказывать свои сны («Отчаяние», глава 2).

Надо было дописать последнюю главу, а вместо того, чтобы писать, я опять вышел, бродил до позднего времени и, придя восвояси, утомленный до последней степени, тотчас заснул, несмотря на смутное мое беспокойство. Мне приснилось, что после долгих, не показанных во сне, подразумеваемых розысков я нашел наконец скрывавшуюся от меня Лиду, которая спокойно сказала мне, что все хорошо, наследство она получила и выходит

замуж за другого, ибо меня нет, я мертв. Проснулся я в сильнейшем гневе, с безумно бьющимся сердцем, — одурчен! бессилён! — не может ведь мертвец обратиться в суд, — да, бессилён, и она знает это! Очухавшись, я рассмеялся, — приснится же такая чепуха <...> («Отчаяние», глава 11).

Повторяющиеся сны

В течение нескольких лет меня преследовал курьезнейший и неприятнейший сон: будто нахожусь в длинном коридоре, в глубине дверь, — и страстно хочу, не смею, но наконец решаюсь к ней подойти и ее отворить; отворив ее, я со стоном просыпался, ибо за дверью оказывалось нечто невообразимо страшное, а именно: совершенно пустая, голая, заново выбеленная комната, — больше ничего, но это было так ужасно, что невозможно было выдержать. *А потом однажды ночью, посередине этой галой комнаты появился стул со своей тонкой тенью — не в качестве мебели, а словно кто-то принес его, чтобы поправить шторы, и, так как я знал, кого я увижу в следующий раз, стоящего на нем с молотком и гвоздями во рту, я выплюнул их и больше никогда не открывал этой двери* («Отчаяние», глава 3).

Мальчиком семи или восьми лет мне случалось видеть один и тот же смутно повторявшийся сон, место действия которого я никогда не мог опознать и сколько-нибудь рационально определить, хотя перевидал много странных мест. Мне хочется теперь воспользоваться этим сном, чтобы залатать зияющую дыру, рваную рану в моей повести. Ничего необычайного в этой местности не было, ничего ужасного или даже диковинного: просто небольшая площадка ни к чему не обязывающей устойчивости, участок ровной поверхности, обволокнутой чем-то неопределенно-туманным; иными словами,

скорее безразличная изнанка пейзажа, чем его фасад. Неприятно в этом сновидении было то, что я почему-то не мог обойти это пространство кругом, чтобы стать к нему лицом к лицу. В тумане угадывалось что-то массивное — каменная порода какая-то, — гнетущих и вполне бессмысленных очертаний, и в продолжение моего сна я все наполнял какой-то сосуд (который можно перевести как «ведро»), объемами меньшего размера (их можно передать словом «камушки»), и из носа у меня текла кровь, но я был слишком взбудоражен и взволнован, чтобы обращать на это внимание. И каждый раз, что мне снился этот сон, кто-то позади меня начинал кричать, и я просыпался тоже с криком, как бы подхватывая первоначальный, неизвестно чей вопль, с его изначальной же нотой все усиливающегося ликования, но уже лишенный всякого значения — если вообще тут имелось какое-то исходное значение. Говоря о Лансе, я желал бы заметить, что нечто похожее на мой сон — — Но вот что забавно: когда перечитываю написанное, весь фон, все подлинное, что было в воспоминании, испаряется — вот теперь и вовсе исчезло — и не могу поручиться даже себе самому, что запись эта продиктована собственным моим переживанием. Я только хотел сказать что Ланс и его товарищи, достигнув своей планеты, может быть, почувствовали нечто напоминающее мой сон — который теперь уже и не мой («Ланс»).

Неразгаданное извещение

Незаметно он задремал и увидел во сне, как Иван Иванович Энгель поет в каком-то саду, плавно качая ярко-желтыми кудрявыми крыльями, — и когда Граф проснулся, прелестное летнее солнце зажигало маленькие радуги в плоских хозяйских рюмках, и было все как-то мягко и светло, и загадочно, — как будто он чего-то не понял, не

додумал, а теперь уже поздно, и началась другая жизнь, — все прежнее отпало, и совсем, совсем умерло пустячное воспоминание, случайно вызванное из далекой, скромной обители, где дотягивало оно свой незаметный век («Занятой человек»).

И в ту же ночь мне приснился на редкость неприятный сон. Мне снилось, что я сижу в большой, тускло освещенной комнате, которую мой сон на скорую руку обставил предметами, свезенными из разных смутно мною припоминаемых жилищ, но только с зияньями и странными заменами, например, полка служила одновременно и пыльной дорогой. У меня было неясное ощущение, что комната эта в каком-то деревенском доме или на постоялом дворе — некое общее представление о бревенчатых стенах и дощатости. Мы ждем Севастьяна — он возвращается из долгого странствия. Я сижу на чем-то вроде ящика, тут же в комнате матушка, а за столом, где мы сидим, пьют чай еще двое: один мой сослуживец и его жена, которых Севастьян не знает, но директор театра сновидений поместил их туда просто чтобы заполнить сцену.

Ожидание наше безпокойно. Нас тревожат смутные предчувствия, мне все кажется, что они знают больше моего, но я боюсь спросить, отчего матушка так хлопочет о заляпанном грязью велосипеде, который никак не желает влезать в платяной шкаф: дверцы никак не затворяются. На стене картина с изображением парохода, и волны от него разбегаются гусеницами, и пароход качается, и меня это раздражает до тех пор, пока мне не приходит на память старый обычай вешать такие картины, когда ждешь возвращающегося из путешествия. Он может появиться в любую минуту, и деревянный пол у дверей посыпан песком, чтобы он не поскользнулся. Матушка уходит, унося грязные шпоры и стремяна, которые не удалось запихнуть, а эту неотчетливую чету безшумно

убрали, ибо я теперь один в комнате, и тут дверь на верхней галерее отворяется и появляется Севастьян, который медленно спускается по шаткой лестнице прямо в комнату. Волосы его взъерошены, он без пальто: я догадываюсь, что он с дороги устал и вздремнул. Пока он спускается, задерживаясь немного на каждой ступени, ступая все время той же ногой и держась за деревянные перила, возвращается матушка и помогает ему подняться с пола, когда он, оступившись, съезжает вниз на спине. Он подходит ко мне смеясь, но я чувствую, что он чего-то стыдится. Лицо его бледно и небрито, но выглядит он довольно бодро. Матушка, держа в руке серебряную чашку, садится, как выяснилось, на носилки — ее выносят двое мужчин, которые по субботам ночуют в доме, как мне с улыбкой объясняет Севастьян. Вдруг я замечаю, что на левой его руке черная перчатка, что пальцы в ней не шевелятся и что он ею совсем не пользуется, — и я с дикой брезгливостью, до тошноты, боюсь, что он может случайно ею прикоснуться ко мне, потому что до меня теперь доходит, что у него к кисти приделано что-то искусственное, — что его не то оперировали, не то это следствие какого-то ужасного несчастного случая. Теперь мне понятно, отчего его вид и то, как был оставлен его приезд, внушали такое жуткое чувство, но хотя он, может быть, и заметил, что я содрогнулся, он как ни в чем не бывало пьет чай. Матушка возвращается за забытым наперстком и тотчас же уходит, потому что те двое торопятся. Севастьян спрашивает, пришли ли маникюрщицы, потому что ему пора готовиться к банкету. Я пытаюсь прекратить этот разговор, потому что мне невыносима самая мысль о его искалеченной руке, но тут я вижу, что вся комната в неровных обрезках ногтей, и женщина, которую я знал когда-то (но теперь черты ее странно размыты), приехала со своим маникюрным несессэром и села на табурет перед Севастьяном. Он

просит меня не глядеть, но я не могу удержаться. Вот вижу, как он отстегивает черную перчатку и медленно ее стягивает; когда она слезла, из нее выпало все ее содержимое — множество миниатюрных ручонков, вроде передних лапок мыши, розоватых и мягких, и их целая уйма, и они падают на пол, и женщина в черном становится на колени. Наклоняюсь, чтобы посмотреть, что она делает под столом, и вижу, что она подбирает эти ручки и кладет их на тарелку, — поднимаю голову, а Севастьяна и след простыл; опять нагибаюсь, — но теперь и женщина исчезла. Чувствую, что и минуты не могу больше оставаться в этой комнате. Но когда я поворачиваюсь и нащупываю щеколду, за спиной раздается голос Севастьяна, он доносится из самого темного, самого дальнего угла — только уже не комнаты, а громадного амбара: из продранного куля мне под ноги сыплется зерно. Видеть его я не могу, и мне до того невтерпёж убежать отсюда, что буханье в висках заглушает его слова. Я знаю, что он зовет меня, и говорит что-то очень важное — и обещает сказать нечто еще более важное, если только я подойду к тому закуту, где он сидит или лежит, заваленный тяжелыми мешками, упавшими ему на ноги. Я делаю движение, и тогда его призывный голос раздается в последний раз, громко и настойчиво, и фраза, обесмыслившаяся, как только я вынес ее из своего сна, тогда, внутри его, была полна таким абсолютным значением, таким непоколебимым намерением разрешить для меня некую чудовищную загадку, что я все-таки ринулся бы к Севастьяну, — если бы одной ногой не стоял уже по сю сторону сна («Истинная жизнь Севастьяна Найта», глава 19).

Он топорщился комическими анахронизмами; он был насыщен ощущением грубой перезрелости (как в сцене на погосте в «Гамлете»); его довольно скучная обстановка была залатана отрывками из других (более поздних)

пъес; но все-таки этот повторявшийся, всем нам знакомый сон (видеть себя в старой классной комнате с неприготовленным уроком, потому что мы неведомо как пропустили десять тысяч дней школьных занятий) в случае Круга был недурным воспроизведением оригинала. Само собою, сценарий дневной памяти гораздо тоньше в отношении фактических деталей, ибо режиссерам сновидения (обычно их бывает несколько, большею частью малограмотных, спешащих мещан) приходится много чего вырезать, подгонять и монтировать; но зрелище есть зрелище, и неловкость от возвращения в свое прошлое (когда годы, прожитые за сценой, переводятся в терминах забывчивости, прогулов, неспособности) передается лучше во всем известном сне, чем с научной точностью памяти <...> Но среди режиссеров или их помощников, отвечавших за постановку, был один... как бы это выразить... безымянный, таинственный гений, который пользовался этим сном, чтобы передать собственное зашифрованное послание, ничего общего не имевшего со школьной порой, и вообще никаким боком не относившегося к физическому существованию Круга, но как-то соединявшегося с его невообразимым планом бытия, может быть ужасным, может быть блаженным, может быть, ни тем ни другим – род трансцендентного безумия, таящегося за углом сознания и неподдающегося более точному описанию, чем это, как бы Круг ни напрягал свой ум («Под знаком незаконнорожденных», глава 5).

Посреди ночи что-то в его сновидении вытряхнуло его из сна в тюремную камеру с прутьями света (и отдельным бледным отблеском, похожим на след фосфоресцирующего островитянина), пронизывающими темноту. Сначала, как это иногда бывает, его окружение не совпадало ни с какой формой действительности. Хотя и скромного происхождения (неусыпный прожектор, от которого

лиловел угол тюремного двора, косой луч, проникавший внутрь сквозь щель или пулевое отверстие в ставнях на засове и амбарном замке), лучезарный узор, который он видел, приобрел странную, быть может, фатальную значительность, ключ к которой был наполовину скрыт на мерцающем полу створкой затемненного сознания полузабытого ночного кошмара. Словно что-то было обещано и не исполнено, какое-то намерение нарушено, какая-то возможность упущена — или ею воспользовались так грубо, что осталось чувство греха и стыда. Световой узор, казалось, был начертан крадущимся, отвлеченно-мстительным, ищущим на ощупь, путающим движением из его сна, или позади его сна, в клубке незабываемых и теперь уже безформенных и безцельных ухищрений. Вообразите знак, который предупреждает вас о взрыве на таком зашифрованном или детском языке, что вы не знаете, не устроено ли все это — и знак, и замерший взрыв под оконным карнизом, и ваша дрожащая душа — искусственно, прямо теперь и здесь, по особому соглашению с зазеркальным сознанием.

В эту самую минуту, после того как Круг провалился сквозь дно своего путаного сна и сел на солому, хватая воздух, — за миг до того, как явь с напоминанием чудовищного несчастья набросилась на него, — я почувствовал укол жалости к Адаму и скользнул к нему по наклонному лучу бледного света — что мгновенно лишило его разсудка, но, по крайней мере, избавило от бессмысленной агонии его логической участи («Под знаком незаконнорожденных», глава 18).

Атавистический покой пришел только на рассвете, и когда я забылся, солнце сквозь рыжеватые гардины проникло в мой сон, который весь как-то был Цинтией.

Я был разочарован. Находясь теперь в безопасной крепости бела дня, я признался себе, что ожидал большего.

Она, мастерица ясных, как стекло, подробностей, — и вдруг такая расплывчатость! Я лежал в постели, ревируя свой сон и прислушиваясь к воробьям на дворе: почему знать, если записать на ленту гомон этих птиц и потом пустить запись вспять, не получится ли человеческая речь, не раздадутся ли внятные слова, точно так же как эти слова превратятся в щебет, если крутить ее вперед? Я принялся перечитывать свой сон взад и вперед, по диагонали, снизу вверх и сверху вниз, пытаясь во что бы то ни стало уловить в нем что-нибудь цинтиеобразное, необычное, какой-нибудь намек, который должен бы там быть.

Сознание отказывалось совместить ускользящие линии какого-то изжелта-облачного, томительного цвета, иллюзорные, неосязаемые. Тривиальные иносказания, идиотские акrostихи, столоверчение — что, ежели теопатическая чушь и колдовство обладают таинственной многозначительностью, едва намеченной? Я сосредоточился, и видение исчезло, ложно-лучезарное, аморфное¹²⁹ («Сестры Вэйн», глава 7).

Ибо по снам мы знаем, как трудно
Говорить с милыми нам усопшими. Они не замечают
Нашей боязни, брезгливости, стыда —
Пугающего чувства, что они не точно те, что были.
Ваш школьный друг, убитый на далекой войне,
Не удивлен, увидя вас у своей двери,
И, полуразвязно, полумрачно,
Указывает на лужи в подвале своего дома.

(«Бледный огонь», стихи 589–96.

Перевод Веры Набоковой.)

<Хью Персон заснул, в то время как огонь пожара подползает снизу к его этажу в отеле.> Вот стюардесса приносит яркие напитки и она оказывается Армандой, которая только

¹²⁹ Последний абзац — акrostих, не узнанный повествователем.

что согласилась стать его женой, хотя он предупреждал ее, что она многое преувеличивает, — прелесть нью-йоркских вечеринок, важность его занятий, будущее наследство — писчебумажное дело его дяди, горы Вермонта, — но тут аэроплан взрывается с ревом и харкающим кашлем.

Капляя, наш Персон сел в кровати и в удушающей темноте стал нащупывать выключатель лампы <...> («Сквозняк из прошлого», глава 26).

Итак, вот что со мной происходило в худшем случае. Спустя час или около того, как я засыпал (обычно порядком за полночь и не без кроткой поддержки стаканчика-другого доброй медовухи или шартрёза), я вдруг просыпался (или, вернее, «рассыпался»), охваченный умоисступлением. Одного лишь намек на слабую световую полоску в поле моего зрения было довольно, чтобы спустить курок чудовищной боли, разрывавшей мне мозг. При этом не имело значения, насколько усердно я смыкал после старательной прислуги шторы и створки, — неизбежно оставалась какая-нибудь чертова щелка, какой-нибудь атом или сумрачный лучик искусственного уличного или естественного лунного света, угрожавшего мне неописуемой бедой, когда я, жадно хватая воздух, выныривал из толщи удушливого сновидения. По всей длине тусклой щели с гнетуще осмысленными интервалами сочились более яркие точки. Эти точки, возможно, соотносились с бешеным биением моего сердца или были оптически связаны с мерцанием в моих влажных веках, однако дело вовсе не в поиске разумных объяснений; их пугающая роль состояла в том, чтобы я посреди беспомощной паники осознал, что уже глупейшим образом проморгал наступление припадка, что он теперь неминуемо захлестнет меня и что я могу спастись, лишь разрешив загадку их пророческой игры, которую, без сомнения, можно было решить, возьмишь я за нее чуточку заранее

или не будь я таким сонным и тупоумным в эту критическую минуту. Сама же задача относилась к разряду вычислительных: следовало высчитать определенные соответствия между мерцающими точками — в моем положении скорее угадать их, поскольку оцепенение не позволяло мне вдумчиво их сосчитать, не говоря уж о том, чтобы вывести *спасительно-верную* сумму. Ошибка означала немедленную казнь — отсечение головы великаном или что-то похлеще; правильный ответ, напротив, позволил бы мне бежать в зачарованный край, начинавшийся сразу за узкой брешью, через которую я должен был протиснуться в терниях сомнений. Этот край в своей идиллической отвлеченности напоминал те крохотные пейзажи, что гравировались в качестве многообещающих виньеток — берег, боскет — рядом с заглавными буквами устрашающей, звериной формы, вроде готической «Б», начинавшей главу в старинных книжках для пугливых детей. Как же я мог дознаться, ошеломленный, измученный, что в *этом-то* и состояло простое решение, что и берег, и бор, и близость безвременной Бездны, все они открываются начальной буквой Бытия?

Конечно, бывали и такие ночи, когда сознание тут же возвращалось ко мне, и я, поплотнее задернув шторы, вновь засыпал. Но в иные, более суровые времена, когда я был еще далек от исцеления и в полной мере страдал от своего аристократического ореола, мне требовалось несколько часов, чтобы избыть оптический спазм, который даже дневные лучи не могли рассеять («Взгляни на арлекинов!», часть 1, глава 4).

■ *В детстве Набоков испытывал нечто прямо противоположное описанному здесь; он страшился остаться на ночь в полной темноте, надеясь, что свет, проникающий из-под двери его спальни, не погаснет как можно дольше. Ср. в «Других берегах», глава 6.*

В детстве мне часто снился один и тот же сон, в котором я видел как бы след от грязного пальца на обоях или на белой двери, и это омерзительное пятно оживало и превращалось в ракообразное страшилище. Когда его придатки начинали шевелиться, я содрогался от нелепого ужаса и просыпался; но в ту же ночь или в следующую предо мной снова невзначай оказывалась какая-то стена или ширма, где грязное пятнышко привлекало внимание неискушенного сновидца тем, что начинало расти и делать нащупывающие и хватательные движения, — и снова мне удавалось проснуться, прежде чем раздувшийся комок отлипал от стены. Но вот однажды ночью то ли какая-то особенность положения моего тела, то ли вмятина в подушке или складка одеяла настроили меня бодрее и решительнее обыкновенного, и я позволил пятну начать свою эволюцию и, натянув воображаемую варежку, просто-напросто стер гадину прочь. Еще три или четыре раза появлялась она в моих снах, но я уже отнюдь не отвращался от ее разбухающей тушки и не без удовольствия ее вымарывал. В конце концов она перестала мне досаждать — как когда-нибудь перестанет и сама жизнь («Лаура и ее оригинал», [125]–[127]).

ДНЕВНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

*Будничные образы или события дня,
которые приобретают значительность во сне,
в искаженном или фантастически преображенном виде*

Лестница была идолом ее <Марго> существования — не символом дивного восхождения, но как объект, который нужно было тщательно полировать, так что худшим ее кошмаром (после доброй порции картофеля с квашеной капустой) был пролет белых ступеней с черным

следом сапога, сначала правого, потом левого, потом снова правого, — и так до верхней площадки («Смех во тьме», глава 3)¹³⁰.

Ей <Магде> часто снилась по ночам сказочно-великолепная, белая как сахар лестница и маленький силуэт человека, уже дошедшего до верху, но оставившего на каждой ступени большой черный подошвенный отпечаток, левый, правый, левый, правый... Это был мучительный сон («Камера обскура», глава 3).

■ *В этой книге приводятся сновидения всех трех главных персонажей.*

К полуночи волнение на море перешло в штормовые конвульсии, но, несмотря на качку и скрипы («Тобакофф» был старой ворчливой посудиной), Ван спал как младенец, и единственным откликом его дремлющего сознания стал увиденный во сне образ водяного павлина, медленно опускавшегося в воду перед кувырком, как ныряющая чомга, — у берега озера, носящего его имя, в древнем царстве Аррорут. Обдумав этот яркий сон, Ван нашел его источник в своей недавней поездке в Армению, куда он отправился поохотиться вместе с гном Армборо и его необыкновенно уступчивой и способной племянницей. Желая записать увиденное, он с изумлением обнаружил, что все три карандаша не только скатились с ночного столика, но и ровнехонько выстроились в ряд, кончиками к основаниям, вдоль порога двери смежной комнаты, у противоположной стены, проделав немалый путь по синему ковру в своей неудавшейся попытке бегства («Ада», часть 3, глава 5).

¹³⁰ Обратный перевод английского варианта «Камеры Обскура», в котором Магда названа Марго.

А потом она <Клара> уснула и во сне видела какую-то чушь: будто села в трамвай, а рядом старушка, необыкновенно похожая на ее тетку, жившую в Лодзи, быстро говорит что-то по-немецки, и оказывается понемногу, что это вовсе не ее тетка, а та радушная торговка, у которой Клара по дороге на службу покупает апельсины («Машенька», глава 4).

[Другое мое замечание касается шарлатанского вероучения, которое кое-где все еще горячо проповедуется, хотя какой-нибудь осел и станет утверждать, что крупный апельсин формой напоминает женскую грудь, я бы не советовал членам венской делегации терять драгоценное время, психоанализируя сон Клары в конце четвертой главы предлагаемой книги.¹³¹]

Было часов пять пополудни. <...> Он вернулся в свою убогую гостиницу — и, медленно заломив руки, в блаженном солнечном опьянении свалился навзничь на постель. Ему приснилось, что он снова офицер, идет по крымскому косогору, поросшему молочаем и дубовым кустарником, — и на ходу стэком скашивает пушистые головки чертополоха. Он проснулся оттого, что во сне засмеялся; проснулся, а в окне уже синели сумерки («Порт»).

[ОБРАТНО] - ПРОВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СНЫ

*См. также «Безсонница», «Ясновидение»,
и «Жизнь есть сон»*

Ровно в полночь Симпсон проснулся. Он заснул только что и, как это иногда бывает, проснулся именно оттого, что уснул. Приподнявшись на руку, он посмотрел

¹³¹ Из предисловия Набокова к английскому переводу романа.

в темноту. Сердце его крепко и быстро билось от сознания, что в комнату вошла Морийн. Только что в своем мгновенном сне он говорил с нею, помогал ей подниматься по восковой тропе между черных скал, расколотых тут и там маслянистым лоском. Узкая белая наколка, как лист тонкой бумаги, чуть трепетала на темных ее волосах при дуновении сладкого ветра («Венецианка», глава 8).

■ *Это пример почти совершенного «сна Данна»: то, что он видит в этом мгновенном сне («он заснул только что и, как это бывает, проснулся именно оттого что уснул»), скоро становится действительностью, так сказать, в ретроспективе, — конечно фантастической действительностью, но здесь мы имеем дело с художественным вымыслом.*

Началось с того, что я дурно спал три ночи сряду, а четвертую не спал вовсе. За последние годы я отвык от одиночества, и теперь эти одинокие ночи были для меня острым, безвыходным страданием. В первую ночь я видел ее <свою подругу> во сне: было много солнца, и она сидела на постели в одной кружевной сорочке и до упаду хохотала, не могла остановиться. И вспомнил я этот сон совсем случайно, проходя мимо бельевого магазина, — и когда вспомнил, то почувствовал, как все то, что было во сне весело, — ее кружева, закинутое лицо, — теперь, наяву, страшно, — я никак не мог себе объяснить, почему мне так неприятен, так отвратителен этот кружевной, хохочущий сон («Ужас»).

<...> как-то утром, когда он сидел на стуле посреди номера и старался сосредоточить мысль только на одном: вчера сделан десятый пункт, сегодня предстоит выиграть у Мозера. Вдруг к нему вошла невеста. «Прямо какой-то божок, — рассмеялась она. — Сидит посередке, и к нему приходят с жертвоприношениями». Она протянула ему

коробку шоколадных конфет, и внезапно смех с ее лица исчез. «Лужин, — крикнула она, — Лужин, проснитесь! Что с вами?» — «Реальность?» — тихо и недоверчиво спросил Лужин. — «Конечно, реальность. Что за манера поставить стул посреди комнаты и усесться. Если вы сейчас не встряхнетесь, я уйду» <...> он теперь полулежал на кушетке, неудобно согнувшись, и голова на подушке была как восковая. <...> «Тяжелая голова», — шепнула она, глядя на спящего, и тихо вышла из комнаты, унося неудачный свой подарок. Горничную, встреченную в коридоре, она просила Лужина разбудить через час и, беззвучно спустившись по лестнице, направилась по солнечным улицам в теннисный клуб, — и поймала себя на том, что все еще старается не шуметь, не делать резких движений. Горничной будить Лужина не пришлось, — он проснулся сам и сразу начал усиленно вспоминать прелестный сон, который ему приснился, — зная по опыту, что если сразу не начнешь вспоминать, то уже потом будет поздно. А видел он во сне, будто странно сидит, — посредине комнаты, — и вдруг, с нелепой и блаженной внезапностью, присущей снам, входит его невеста, протягивая коробку, перевязанную красной лентой. Одета она тоже по моде сновидений, — белое платье, беззвучные белые туфли. Он хотел обнять ее, но вдруг затошнило, закружилась голова, невеста тем временем рассказывала, что необычайно пишут о нем в газетах, но что мать все-таки не хочет, чтобы они поженились. Вероятно, было еще много-много чего, но память не успела догнать уплывавшее, — и, стараясь по крайней мере не растерять того, что ему удалось вырвать у сновидения, Лужин осторожно задвигался, пригладил волосы, позвонил, чтобы принесли ему обед. После обеда пришлось засесть за игру, и в этот день мир шахматных представлений проявил ужасную власть. Он играл без передышки четыре часа и победил, но когда уже сел в таксомотор,

то по пути забыл, куда отправляется, забыл, какой адрес дал прочесть шоферу («...вас вечером»), и с интересом ждал, где автомобиль остановится.

Дом он, впрочем, узнал, — и опять были гости, гости, — но вдруг Лужин понял, что он просто вернулся в недавний сон, ибо невеста шепотом спросила его: «Ну что, не тошнит больше?» — и как же она могла об этом знать наяву? «В хорошем сне мы живем, — сказал он ей тихо, — я ведь все понял». Он посмотрел вокруг себя, увидел стол и лица сидящих, отражение их в самоваре в особой самоварной перспективе — и с большим облегчением добавил: «Значит, и это тоже сон? Эти господа — сон? Ну-ну...» — «Тише, тише, что вы лопочете», — беспокойно зашептала она, и Лужин подумал, что она права, не надо спугивать сновидение, пусть они посидят, эти люди, до поры до времени. Но самым замечательным в этом сне было то, что кругом, по-видимому, Россия, из которой сам спящий давненько выехал. Жители сна, веселые люди, пившие чай, разговаривали по-русски, и сахарница была точь-в-точь, как та, из которой он черпал сахарную пудру на веранде, в летний малиновый вечер, много лет тому назад. Это возвращение в Россию Лужин отметил с интересом, с удовольствием. Оно его забавляло главным образом как остроумное повторение известной идеи, что бывает, например, когда в живой игре на доске повторяется в своеобразном преломлении чисто задачная комбинация, давно открывая теорией («Защита Лужина», глава 8).

Мне виделось, что я скачу с камня на камень и ныряю в играющее море, и выкарабкиваюсь на берег, и резвлюсь с другими голыми детьми. Мне это снилось и по ночам — будто я убегаю от деда, унося с собою игрушку, или котенка, или маленького краба, прижан его к левому боку. Я встречал горемыку Ллойда <сиамского близнеца>, который в моих снах шел, припадая на ногу, безна-

дежно сопряженный с каким-то сиамским близнецом, тоже волочившим ногу, я же мог свободно плясать вокруг этих бедолаг и хлопать их по спинам.

Желал бы я знать, были ли у Ллойда подобные видения. Врачи предполагали, что в состоянии сна мозговая деятельность у нас иногда передавалась от одного к другому. Как-то, сизым утром, он подобрал прутик и нарисовал на пыльной земле корабль о трех мачтах — а перед тем, ночью, мне приснилось, что я рисую этот самый корабль в пыльном облаке своего сновидения («Двуглавая невидаль. Сцены из жизни сросшихся близнецов»).

Иногда я во сне покушаюсь на убийство. Но знаете, что случается? Держу, например, пистолет. Целюсь, например, в спокойного врага, проявляющего безучастный интерес к моим действиям. О да, я исправно нажимаю на собачку, но одна пуля за другой вяло выкатывается на пол из придурковатого дула. В этих моих снах у меня лишь одно желание — скрыть провал от врага, который, однако, медленно начинает сердиться («Лолита», часть I, глава 11).

■ *Другой пример почти совершенного «сновидения Данна», ибо это именно то, что случается с Гумбертом в сюрреалистических терминах его дневной жизни, когда, спустя пять лет, он пытается убить Куильти.*

Я зажег свет — хотелось записать сон. Происхождение его мне ясно. За обедом Гейзиха изволила объявить, что поскольку метеорологическое бюро обещает солнце на конец недели, мы поедем на озеро в воскресенье после церкви. Лежа в постели и перед сном распаляя себя мечтами, я обдумывал окончательный план, как бы получше использовать предстоящий пикник. Я вполне отдавал себе отчет в том, что мамаша Гейз ненавидит

мою голубку за ее увлечение мной. Я замышлял так провести день на озере, чтобы ублажить и мамашу. Решил, что буду разговаривать только с ней, но в благоприятную минуту скажу, что оставил часики или темные очки вон там в перелеске — и немедленно углублюсь в чашу с моей нимфеткой. Тут явь стушевалась, и поход за очками на Очковом озере превратился в тихую маленькую оргию со странно опытной, веселенькой и покладистой Лолитой, ведущей себя так, как мой разум знал, что она отнюдь не могла бы себя вести в действительности. На заре я проглотил снотворную пилюлю и увидел сон, оказавшийся не столько продолжением, сколько пародией моего мечтания. Я увидел с многозначительной ясностью озеро, которого я никогда еще не посещал: оно было подернуто пеленой изумрудного льда, в котором эскимос с выщербленным оспой лицом тщетно старался киркой сделать прорубь, хотя по щебеночным его берегам цвели импортные олеандры и мимозы. Не сомневаюсь, что доктор Биянка Шварцман вознаградила бы меня целым мешком австрийских шиллингов, ежели бы я прибавил этот либидосон к ее либидосье. К сожалению, остальная его часть была откровенно эклектической. Гейзиха и Гейзочка ехали верхом вокруг озера, и я тоже ехал, прилежно подскакивая раскорякой, хотя между ногами вместо лошади был всего лишь упругий воздух — небольшое упущение, плод рассеянности режиссера сна («Лолита», часть 1, глава 11).

Во время этого разговора я не мог отогнать ощущения, что все это какой-то кошмар, уже виденный мной или еще только поджидавший меня в некой иной жизни, в некой иной чередке связанных между собой, пронумерованных снов («Взгляни на арлекинов!», часть 4, глава 4).

■ *Любопытный аналог эксперимента.*

Потный, млеющий от растущей неги, он, точно сомнамбула, привлеченный обратно еще не остывшей подушкой, чмокая и вздыхая, медленно повалился на постель, не заметя, как вошел в дом, как попал к себе в комнату. Он провел ладонями по своим теплым, мохнатым ногам, вытянулся со странным ощущением кружения и легкости, — и почти тотчас сон с поклоном выдал ему ключи города, он понял значение всех огней, гудков, женских взглядов, все слилось медленно в один блаженный образ. Он будто находился в какой-то зеркальной зале, которая чудом обрывалась к воде, вода сияла в самых неожиданных местах, и, направившись к двери, мимо вполне уместной мотоциклетки, которую пускал в ход квартирный хозяин, — Франц, в предчувствии неслыханного наслаждения, дверь осторожно открыл и увидел Марту, сидевшую на краю постели. Он быстро подошел, но в ногах у него пугался Том, — и Марта смеялась и отгоняла собаку. Он теперь близко видел ее блестящие губы, вздувающуюся от смеха шею, — и заторопился, чувствуя, как нарастает в нем нестерпимая сладость; и он уже почти прикоснулся к ней, но вдруг не сдержал вскипевшего блаженства («Король, дама, валет», глава 4).

И только во сне, обливаясь слезами, я ее наконец обнимал и чувствовал под губами ее шею и впадину у плеча, — но она всегда вырывалась, и я просыпался, еще всхлипывая <...> Как-то, на Рождестве, перед балом, на который они все шли без меня, я увидел между двух дверей в зеркальном просвете, как сестра пудрит ей обнаженные лопатки, а в другой раз я заметил у них в ванной комнате особую такую дамскую сеточку, для поддержки груди, и это были для меня изнурительные события, которые страшно и сладко влияли на мои сны. Но должен

признаться: ни разу во сне я не пошел дальше безнадежного поцелуя (я сам не понимаю, почему я так всегда плакал, когда мы встречались во сне) («Соглядатай», глава 5).

<...> давеча в вагоне, когда он заснул, ему привиделся сон, выросший из двух-трех Сониных слов, — она прижимала его голову к своему гладкому плечу, наклонялась, щекоча губами, говорила что-то придушенно — тепло и нежно, и теперь было трудно отделить сон от яви («Подвиг», глава 28).

Он испытывал к ней <жене> мучительную, безвыходную нежность, заботился о ней, — чтоб она ложилась рано, не делала резких движений, — а по ночам ему снились какие-то молоденькие полуголые венеры и пустынный пляж, и ужасная боязнь быть застигнутым женой¹³² («Камера обскура», глава 2).

Ночью двенадцатого ему приснилось, что он украдкой наслаждается Мариеттой, сидевшей у него на коленях и слегка морщившейся, во время репетиции пьесы, в которой она должна была играть его дочь («Под знаком незаконнорожденных», глава 15).

Странно, — я почти никогда не видел и не вижу Лолиту во сне такой, какой помню ее — какой я видел ее наяву, мысленно, с неослабностью душевной болезни, в галлюцинациях дня, и бессонницах ночи. Если она и снилась мне после своего исчезновения, то появлялась она в странных и нелепых образах, в виде Валерии или Шарлотты, или помеси той и другой. Помесное привидение

---

¹³² Английский вариант: «...но по ночам ему снился жаркий уединенный пляж и девушка, лежащая раскинув ноги, и в этом сне его охватывал внезапный страх быть застигнутым женой».

приближалось, бывало, ко мне, скидывая с себя покрывало за покрывалом, в атмосфере великой меланхолии, великого отвращения. Эта Лже-Лолита (и Лже-Валерия) вяло приглашала меня разделить с ней твердый диванчик, или просто узкую доску, или нечто вроде гинекологического ложа, на котором она раскидывалась, приотворив плоть, как клапан резиновой камеры футбольного мяча. С расколовшимся или безнадежно потерянным зубным протезом, я попадал в гнусные мебелирашки, где для меня устраивались скучнейшие вечера вивисекции, обыкновенно кончавшиеся тем, что Шарлотта или Валерия рыдала в моих окровавленных объятиях, и я их нежно целовал братскими губами в сонном беспорядке венской дребедени, продаваемой с молотка, жалости, импотенции и коричневых париков трагических старух, которых только что отравили газом («Лолита», часть 2, глава 25).

О жалости <к Дизе>, о сердечном участии не могло быть и речи, он оставался как был, небрежным и бессердечным, но во сне, и до и после разрыва, его сердце предлагало исключительные компенсации.

Его сны о ней были все более частыми и шемящими, куда более, чем это могло соответствовать его поверхностному чувству к ней. Эти сны случались, когда он меньше всего о ней думал; никак не связанные с ней тревоги принимали в его подсознательном мире ее образ, как битва или реформа становятся в детской сказке чудо-птицей. Эти душераздирающие сны превращали серую прозу его чувства к ней в сильную и странную поэзию, постепенно утихающие волны которой вспыхивали и тревожили его в продолжение всего дня, воскресая боль и яркость — потом только боль, потом только мгновенный отблеск боли, — но никак не изменяя его позиции в отношении настоящей Дизы.

Ее образ, вновь и вновь появлявшийся в его снах, то опасливо поднимающейся с далекого дивана, идущей на поиски посыльного, который, как говорили, только что прошел сквозь портьеры, принимал во внимание изменения моды; но Диза в платье, в котором он видел ее в лето взрыва на стеклянном заводе, или в прошлое воскресенье, или в любом другом вестибюле времени, навсегда осталась такой, какой была в тот день, когда он впервые сказал ей, что не любит ее. <...> И из-за того, что, выслушав его, она опустилась на траву в невозможной позе, рассматривая стебелек и хмурясь, он тотчас взял свои слова обратно, — но этот удар оставил на зеркале непоправимую звездообразную трещину, и с тех пор ее образ в его снах был заражен памятью об этом признании, как какой-то болезнью, или тайными следами хирургической операции, слишком интимной, чтобы быть названной.

Скорее сутью, чем фактической темой сна, было постоянное отрицание того, что он не любит ее. Сбившаяся ему любовь к ней превышала по эмоциональному тону духовной страсти и глубине все то, что он испытывал в часы существования на поверхности. Эта любовь была как непрерывное ломание рук, как блуждания души по бесконечному лабиринту безнадежности и раскаяния. В каком-то смысле это были любовные сны, ибо они были пропитаны нежностью, томительным желанием опустить голову к ней на колени и выплакать чудовищное прошлое. Они были до краев наполнены угнетающим сознанием ее молодости и беспомощности. Они были чище, чем его жизнь, поскольку плотское было в них связано не с нею, а с теми, с кем он изменял ей, — с Фринией с колючим подбородком, хорошенькой Тимандрой с бревном под передником, — но даже и так половая мерзость оставалась где-то далеко, над затонувшим сокровищем и не имела никакого значения («Бледный огонь», комментарий к строке 433. Перевод Веры Набоковой).

Он поставил чашку, вытер губы тонкой вышитой салфеткой, сунул ее в карман брюк и подошел к темноволосой белокурой девочке. Когда он нагнулся над ней <...> она повернула голову так, как должен был сделать он, чтобы поймать верный угол, и ее волосы скользнули по его шее. В его первых снах о ней повторение этого прикосновения, такого легкого, такого короткого, приводило к тому, чему сновидец не мог противостоять, и, как поднятая вверх сабля подает сигнал к залпу, оно вызывало неистовое и неизбежное разрешение («Ада», часть 1, глава 5).

Хотя Вану ни разу не представился случай отметить что-либо напоминающее девичью робость в поведении Ады, отнюдь не пугливой и не столь уж брезгливой девчушки («Je raffole de tout ce qui gampe»¹³³), по опыту двух-трех отвратительных сновидений он мог представить себе, как в реальной или, по крайней мере, упорядоченной жизни, она, дико озираясь, отшатывается от его вздыбленного вожделения и поспешно уходит, чтобы призвать на помощь свою гувернантку или мать, или слугу-великана (которого в доме нет, но который во снах не только живехонек, но и вполне смертен – избиваемый кулаками в колючих перстнях, прокалываемый насквозь, будто кровавый пузырь), после чего, как он был уверен, его навсегда изгонят из Ардиса («Ада», часть 1, глава 16).

Наутро, еще не оторвав головы от наполненной снами мягкой подушки, добавленной к его во всех иных отношениях убогой постели милашкой Бланш (с которой по сновидческим правилам пти-жэ он держался за руки в душераздирающем кошмаре – или, быть может, то была не она самая, а только ее дешевые духи), наш юноша мгновенно ощутил напор счастья, стучащего,

---

¹³³ «Люблю все, что ползает» (фр.).

чтобы его впустили. Он попытался продлить волнение этой неопределенности, пустившись по последним тающим следам жасмина и слез своего вздорного сна, но тут тигр счастья одним прыжком вторгся в явь («Ада», часть 1, глава 20).

За свою долгую жизнь я как будто не раз обращал внимание, что когда я начинаю влюбляться, или даже когда уже влюблен, но еще не сознаю этого, мне снится один и тот же сон, сводящий меня в предрассветных сумерках с предполагаемой inamogata при довольно инфантильных обстоятельствах, отмеченных теми волнительными и острыми моментами, что я изведывал, будучи и мальчиком, и юношей, и безумцем, и старым умирающим сластолюбцем. Ощущение повторения («как будто не раз обращал внимание») — это, вполне возможно, чувство врожденное: тот сон, к примеру, мог мне привидеться лишь один или два раза («за мою долгую жизнь»), а его привычность — только пипетка, которая прилагается к каплям. Место, в котором разыгрывалось сновидение, напротив, не было какой-то известной мне комнатой, но только подобием тех спален, в которых мы в детстве просыпались после святочного маскарада или летних именин — в большом доме, принадлежавшем каким-то чужим людям или дальним родственникам. Казалось, будто кровати, точнее, две детские кроватки, принесенные и поставленные к противоположным стенам, находятся и не в спальне вовсе, а в пустой комнате неясного назначения, где, кроме двух этих отдельных кроватей, другой мебели нет: во снах, как и в старинных новеллах, хозяева или ленивы, или чересчур расчетливы.

Итак, на одной из кроватей я пробуждаюсь от какого-то второстепенного сна, имеющего лишь справочное назначение, а на другой, стоящей у стены справа (направления также были представлены), лежит девушка,

почти девочка — моложе, тоньше и радостнее Аннетты в этой именно версии сна (лето 1934 года, дневное время) — и игриво и негромко говорит сама с собой, хотя я с приятным учащением пульсации внизу догадываюсь, что она только притворяется, а на деле воркует мне во благо, чтобы привлечь мое внимание.

Следующая моя мысль (от которой пульсация усиливается): как странно, что мальчику и девочке постелили в одной временной спальне — надо думать, по ошибке или, быть может, оттого, что дом полон гостей, а расстояние между двух кроватей, отделенных пустошью пола, сочтено кем-то достаточно большим для соблюдения приличий, когда речь идет о детишках (мой средний возраст всю жизнь составляет около тринадцати лет). К этой минуте чаша наслаждения уже была наполнена до краев, и, пока она не расплескалась, я на цыпочках перебегаю по голому паркету в ее постель. Моим поцелуям мешают ее светло-русые волосы, но тут губы находят ее щеку и шею, а ночная сорочка у нее на пуговках, и она говорит, что горничная вошла в комнату, но уже слишком поздно, я не могу остановиться, и горничная, тоже красавица, смотрит на нас и смеется.

Сон, приснившийся мне спустя месяц после встречи с Аннеттой, ее образ в этом сне, эта ранняя редакция ее голоса, мягкие волосы, нежная кожа, околдовали, поразили меня небывалой радостью — радостью открытия, что я влюблен в маленькую госпожу Благово! («Взгляни на арлекинов!», часть 2, глава 6).

В половом отношении для меня, в сущности, все конечно, и однако...

Я снова увидел тебя, Аврора Ли, мальчиком я с безнадежным желанием млею от тебя на гимназических балах — а залучил только теперь, через пятьдесят лет, на террасе своего сновидения. На самом деле, твои крашенные,

чуть надутые губы и холодный взор очень походили на официальные губы и глаза Флоры, моей безпутной жены, а твое легкое платьице черного шелка могло быть из ее недавнего гардероба. Ты отвернулась, но убежать не могла, окруженная тесно стоящими колоннами лунного света, я и поднял подол твоего платья — чего никогда в прошлом не делал — и гладил, мял, легонько пощипывал твои бледные выпуклые ягодицы, а ты стояла совершенно неподвижно, словно обдумывая новые возможности власти и сласти, и внутреннего убранства комнат. Когда твой сдержанный экстаз достиг высшей точки, я просунул сзади горстью сложенную руку меж твоих уступчивых лядвий и осязал взмокшие складки удлиненной мошонки, и затем, еще дальше, — поникший короткий фал. Будучи специалистом в области сновидений, хочу прибавить, что мы тут имеем дело не со своеобразными явлениями, а с превосходным примером крайнего случая гинандрии. Юная Аврора Ли (в семнадцать лет ее зарубил топором и расчленил очкасто-бородатый полоумный любовник) и старый Вайльд, наполовину импотент, на миг слились в одно существо. Но совершенно независимо от всего этого, в более мерзком и лакомом смысле, ее задок, гладкий, облитый лунным светом, — реплика прелестей ее брата-близнеца (с которым довольно грубо обошлись в последнюю мою ночь в нашем лицее) — оказался вправленным в медальон каждого из последующих дней («Лаура и ее оригинал», [101]–[104]).

ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИЕ СНЫ

Опять — пробуждение, но, быть может, пробуждение еще не окончательное? Так бывает: очнешься и видишь, скажем, будто сидишь в нарядном купэ второго класса, вместе с неизвестной изящной четой, — а на самом деле

это — пробуждение мнимое, это только следующий слой сна, словно поднимаешься со слоя на слой и все не можешь достигнуть поверхности, вынырнуть в явь. Очарованная мысль принимает, однако, новый слой сновидения за свободную действительность <...> Но что-то случается, мелочь, нелепый казус, — и действительность теряет вдруг привкус действительности; мысль обманулась, ты еще спишь; бессвязная дремота глушит сознание <...> («Король, дама, валет», глава 2).

Мне приснился отвратительный сон. Мне приснилась собачка, — но не просто собачка, а лжесобачка, маленькая, с черными глазками жучьей личинки, и вся беленькая, холодненькая, — мясо не мясо, а скорее сальце или бланманже, а вернее всего, мяско белого червя, да притом с волной и резьбой, как бывает на пасхальном баране из масла, — гнусная мимикрия, холонокровное существо, созданное природой под собачку, с хвостом, с лапками, — все как следует. Она то и дело попадалась мне под руку, невозможно было отвязаться, — и когда она прикасалась ко мне, то это было как электрический разряд. Я проснулся. На простыне соседней постели лежала, свернувшись холодным белым пирожком, все та же гнусная лжесобачка, — так, впрочем, сворачиваются личинки, — я застонал от отвращения — и проснулся совсем. Кругом плыли тени, постель рядом была пуста, и тихо серебрились те широкие лопухи, которые, вследствие сырости, вырастают из грядки кровати. На листьях виднелись подозрительные пятна, вроде слизи, я всмотрелся: среди листьев, прилепившись к мякоти стебля, сидела маленькая, сальная, с черными пуговками глаз... но тут уж я проснулся по-настоящему («Отчаяние», глава 5).

И тут он <Найт> сразу понял, что жить без нее не может, а она сразу поняла, что сыта по горло рассказами о том,

что он видит во сне и как ему снится, что он видит сны, и как ему снится, что ему снится, что ему это только снится («Истинная жизнь Севастьяна Найта», глава 16).

Он проспал большую часть дня в своей комнате; долгий, бессвязный, тягостный сон неостроумной пародией повторял его «по-казановански» бурную ночь с Адой и их чем-то неприятный утренний разговор. Теперь, когда я пишу это, после стольких низин и возвышенностей времени, я нахожу, что совсем не так просто отделить наш разговор, неизбежно стилизованный на письме, от монотонных упреков, предварявших тему мерзких измен, которая терзала Вану в его унылом кошмаре. Или это теперь ему снилось, что он тогда видел сон? («Ада», часть 1, глава 32)

Он услышал голос Ады Вайнлендер, просившей принести ее хрустальные ночные туфельки (которые, как было и в царствование Кордуленьки, он с трудом отличал от обычной бальной пары), и минуту спустя, не дав ослабнуть усилившемуся напряжению, Ван уже в пьяном сне неистово овладевал Розой — нет, Адой, но на розовый манер, — на подобии низкого туалетного столика. Она пожаловалась, что он исцарапал ее, «как Турок Тигр». Он лег в постель и собрался было уснуть окончательно, когда она встала со своей стороны кровати («Ада», часть 2, глава 8).

Пилюля вдруг мощно подействовала. Он закончил облачаться в пижаму — чередой неуклюжих, недовершенных движений, начатых им около часу назад, — и ошупью забрался под одеяло. Ему снилось, будто он выступает с лекцией в зале трансатлантического лайнера и какой-то бездельник, похожий на того придорожного юнца из Хильдена, презрительно спрашивает его, как многоуважаемый лектор объяснит то обстоятельство, что во сне

мы знаем, что проснемся, разве это не схоже с нашей уверенностью в неизбежности смерти, и если так, то, стало быть, будущее — («Ада», часть 4).

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН

■ *Старая формула, которой названа знаменитая пьеса Кальдерона, находит свое логическое продолжение: смерть есть пробуждение — главная тема «Приглашения на казнь».*

Ключ найден. Цель атаки ясна. Неумолимым повторением ходов она приводит опять к той же страсти, разрушающей жизненный сон. Опустошение, ужас, безумие («Защита Лужина», глава 14).

Страшно, когда явь вдруг оказывается сном, но гораздо страшнее, когда то, что принимал за сон, легкий и безответственный, начинает вдруг остывать явью («Соглядатай», глава 6).

Странно сказать: страх рассеялся; кошмар теперь перешел в то несколько бредовое, но блаженное состояние, когда можно сладко и свободно грешить, ибо жизнь есть сон («Камера обскура», глава 5).

■ *Интересно, что в английской версии ключевая фраза «ибо жизнь есть сон» отсутствует.*

Может быть, все это — лжебытие, дурной сон, и я сейчас проснусь где-нибудь — на травке под Прагой («Отчаяние», глава 11).

А ведь с раннего детства мне снились сны... В снах моих мир был облагорожен, одухотворен; люди, которых я наяву

так боялся, появлялись там в трепетном преломлении, словно пропитанные и окруженные той игрой воздуха, которая в зной дает жизнь самим очертаниям предметов; их голоса, поступь, выражение глаз и даже выражение одежды — приобретали волнующую значительность; проще говоря: в моих снах мир оживал, становясь таким пленительно важным, вольным и воздушным, что потом мне уже бывало тесно дышать прахом нарисованной жизни. К тому же я давно свыкся с мыслью, что называемое снами есть полудействительность, обещание действительности, и ее преддверие и дуновение, то есть что они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии, — больше истинной действительности, чем наша хваленая явь, которая, в свой черед, есть полусон, дурная дремота, куда извне проникают, странно, дико изменяясь, звуки и образы действительного мира, текущего за периферией сознания, — как бывает, что во сне слышишь лукавую, грозную повесть, потому что шуршит ветка по стеклу, или видишь себя проваливающимся в снег, потому что сползает одеяло. Но как я боюсь проснуться! («Приглашение на казнь», глава 8)

РЕАЛИЗМ СНОВИДЕНИЙ

■ *Фантастические образы, представляющиеся обманчиво реальными и вполне правдоподобными. Набоков нередко говорил о режиссере этих гротескных сновидений (причем напрашивается аналогия с постановкой художественных вымыслов).*

Смуров, в замечательной черной дохе с дамским воротом, сидит на ступенях лестницы. Вдруг к нему спускается Хрущов, тоже в дохе, и садится с ним рядом. Смурову очень трудно начать, но времени мало, надо решиться. Он высвобождает тонкую белую руку с переливающимися

перстнями — все рубины, рубины — из мехового рукава и, пригладив пробор, говорит: «Я хочу кое-что вам напомнить, Филипп Иннокентьевич. Пожалуйста, слушайте внимательно». Хрущов кивает, сморкается, — у него сильный насморк от постоянного сидения на лестнице, — кивает опять, шевеля опухшим носом. Смуров продолжает: «Я буду говорить о небольшом инциденте, происшедшем недавно. Пожалуйста, слушайте внимательно». — «Я к вашим услугам», — отвечает Хрущов. «Мне трудно начать, — говорит Смуров. — Я могу выдать себя неосторожным словом. Слушайте внимательно. Слушайте меня, пожалуйста. Мне важно, чтобы вы поняли, что я возвращаюсь к этому инциденту без всякой задней мысли. Мне и в голову не может прийти, что вы считаете меня вором. Согласитесь сами, что знать это я не могу, ведь я чужих писем не читаю. Я хочу, чтобы вы поняли, что наш разговор совершенно случаен... Вы слушаете?» — «Продолжайте», — говорит Хрущов, кутаясь в доху. «Итак, Филипп Иннокентьевич, давайте вспомним. Вспомним, как вы мне дали табакерку. Вы меня просили ее показать Вайнштоку. Слушайте внимательно, Филипп Иннокентьевич. Уходя от вас, я держал ее в руках. Нет, нет, пожалуйста, не читайте азбуки, я могу говорить и без азбуки... И вот — я клянусь, клянусь Ваней, клянусь всеми женщинами, которых любил, клянусь, что каждое слово того, чье имя я произнести не могу, — иначе вы подумаете, что я читаю чужие письма, а потому способен и на воровство, — клянусь, что каждое его слово — ложь, — я действительно ее потерял. Я пришел к себе, и ее не было, я не виноват, я только очень рассеян, и я так люблю ее». Но Хрущов не верит, он качает головой, и напрасно Смуров клянется, напрасно заламывает белые, сверкающие руки, — все равно, нет таких слов, чтобы убедить Хрущова. (И тут мой сон растратил свой небольшой запас логики: лестница, на которой

происходил разговор, уже высилась сама по себе, среди открытой местности, и внизу были сады террасами, туманный дым цветущих деревьев, и террасы уходили вдаль, и там был, кажется, портик, в котором горело сквозной синевой море). «Да-да, — с угрозой в голосе тяжело говорит Хрущов, — в табакерке кое-что было, и потому она незаменима. В ней была Ваня, — да, да, это иногда бывает с девушками, — очень редкое явление, — но это бывает, это бывает...»

Я проснулся («Соглядатай», глава 6).

Ему, изошренному сновидцу (ибо видеть сны — тоже искусство), чаще всего снилось следующее: он собирает в пачечку сданные ему пять карт (что за лоснистая, ярко-красная у них рубашка), смотрит первую — шут в колпаке с бубенчиками, волшебный джокер; затем осторожным и легким давлением большого пальца обнажает край, только край, следующей — в уголку буква «А» и малиновое сердечко; затем — край следующей, опять «А» и черный клеверный листик (брелан обеспечен); затем — та же буква и малиновый ромбик (однако, однако); в пятый раз, наконец, выдвигается карта напором пальца — Боже мой! туз пик... Это было волшебное мгновение. Он поднимал голову, начинались крупные ставки, он спокойно выпихивал на середину стола холодную кучу разноцветных фишек и с покерным, невозмутимым лицом просыпался («Камера обскура», глава 17).

Вчера я пригласил к себе в гости несколько человек, друг с другом не знакомых, но связанных между собой одним и тем же священным делом, так преобразившим их, что можно было даже заметить неопределенное между ними сходство, какое встречается, скажем, между пожилыми масонами. Это были люди разных профессий — портной, массажист, врач, цирюльник, пекарь, — но у всех была

одна и та же вздутость осанки, одна и та же бережность размеренных движений. Еще бы! Один шил для него платье и, значит, снимал мерку с его нежирного, а все же бокастого тела, со странными, женскими бедрами и круглой спиной; значит — трогал его, почтительно лез под мышки, и вместе с ним смотрел в зеркало, увиденное золотым плющом; второй и третий проникли еще дальше: видели его голым, мяли ему мышцы и слушали его сердце, по ритму которого у нас, говорят, скоро будут поставлены часы, т. е. в самом буквальном смысле его пульс будет взят за единицу времени; четвертый его брил, с шорохом вода вниз по щекам и вверх по шее нестерпимо для меня соблазнительным лезвием; пятый, наконец, пек для него хлеб, — по привычке, по глупости, кладя в его любимую булку изюм вместо яда. Мне хотелось дотронуться до этих людей, чтобы хоть как-нибудь сопричаститься их таинственных, их дьявольских манипуляций; мне сдавалось, что их руки пропахли им, что через них он тоже присутствует... Все было очень хорошо, очень чопорно. Мы говорили о вещах, к нему не относящихся, и я знал, что если имя его упомяну, у каждого из них в глазах промелькнет одна и та же жреческая тревога. И когда вдруг оказалось, что на мне костюм, сшитый моим соседом справа, и что ем я сдобный пирожок, запивая его особой водой, прописанной соседом слева, то мной овладело ужасное, чем-то во сне многозначительное чувство, от которого я сразу проснулся — в моей нищей комнате, с нищей луной в незанавешенном окне.

Все же я признателен ночи и за такой сон: последнее время изнываю от бессонницы («Истребление тиранов», § 10).

И сон, который я видел: будто этот чесночный доктор (он же не то Фальтер, не то Александр Васильевич) необыкновенно охотно отвечал, что да, как же, это бывает, и таких (т. е. посмертно рожденных) зовут трупсиками.

Ты-то мне еще ни разу с тех пор не приснилась, цензура, что ли, не пропускает, или сама уклоняешься от этих тюремных со мной свиданий («Ultima Thule»).

<...> Помню, как однажды она снилась мне: будто моя старшая девочка прибежала сказать, что у швейцара несчастье, и когда я к нему спустился, то увидел, что там, в проходе, на сундуке, подложив свернутую рогожку под голову, бледная и замотанная в платок, мертвым сном спит Нина, как спят нищие переселенцы на Богом забытых вокзалах («Весна в Фиальте»).

Теперь он бежал (ночью, балда? Ага, ночью, ребята) вроде как по рельсам, через длинный мокрый туннель (постановщики сна воспользовались первым попавшимся под руку понятием «туннеля», не убрав ни рельс, ни рублиновых фонарей, горевших через ровные промежутки на каменных черных запотевших стенах) («Под знаком незаконнорожденных», глава 5).

Накануне дня, назначенного Квистом, он [Круг] очутился на мосту: он настороженно осматривался, потому что ему пришло в голову, что встречаться тут не безопасно из-за солдат; но солдаты давно ушли, мост опустел — Квист мог прийти когда угодно. У Круга была только одна перчатка, и он забыл взять очки, и потому не мог перечитать подробной записки, которую дал ему Квист, со всеми паролями и адресами, и наброском карты, и ключом к шифру всей жизни Круга. Однако это не имело значения. Прямо над головой небо было покрыто сизым волнующимся толстым облаком; очень крупные, сероватые, полупрозрачные, неровные снежинки опускались медленно и отвесно; и когда они касались темных вод Кура, то плыли по течению, а не таяли тотчас, и это было странно. Далее, за краем облака: внезапная нагота небес и реки улыбались наблюдателю — пленнику

моста, и перламутровое освещение подкрашивало очертания далеких гор, и было источником и реки, и улыбающейся грусти, и первых вечерних огней в окнах домов вдоль берега. Глядя на снежинки на темной и красивой воде, Круг рассуждал, что либо снежинки настоящие, а вода нет, либо вода настоящая, а снежинки сделаны из какого-то особого нерастворимого вещества. Чтобы разрешить этот вопрос, он бросил осиротевшую перчатку с моста; но ничего необычного не случилось: перчатка просто пробила рифленую поверхность воды торчащим указательным пальцем, нырнула и исчезла.

На южном берегу (с которого он пришел) вверх по течению можно было видеть розовый дворец Падука и бронзовый купол собора, и безлистые деревья городского сада. На другой стороне реки стояли старые доходные дома, за которыми (невидимый, но пульсирующий) находился госпиталь, где она умерла. Он задумался, сидя боком на каменной скамье и глядя на реку, а в дали показалась баржа на буксире и одновременно одна из последних снежинок (облако над головой теперь словно растворялось в раскрасневшемся небе) задела его нижнюю губу: обыкновенная мягкая, мокрая снежинка, подумал он, но, может быть, те, что падали на воду, были другие. Буксир медленно приближался. Перед тем как он прошел под мостом, двое мужчин оттянули назад канатом большую черную трубу, опоясанную алым, скалясь от напряжения; один из них был китаец, как и большинство живших при реке и городских прачечных. На барже сушились разноцветные рубашки, и на корме было несколько горшков с геранью, и очень толстая Ольга в желтой кофте, которой он не любил, подбоченясь, смотрела на Круга, пока баржа гладко поглощалась аркой моста.

Он проснулся (развалившийся в кожаном кресле) и тотчас понял, что произошло нечто чрезвычайное. Это не имело отношения к его сну или к ничем не вызванному довольно забавному физическому неудобству,

которое он испытывал (пучило живот), или к чему-нибудь относившемуся к тому, как выглядела его комната (неопрятная и пыльная в неопрятном и пыльном свете), или ко времени дня (четверть девятого вечера; он уснул после раннего ужина). Случилось же вот что: он знал, что снова может писать («Под знаком незаконно-рожденных», глава 16).

Он наконец заснул, несмотря на ломоту в спине, и в продолжение одного из тех снов, которые преследуют русских беженцев даже спустя треть столетия после побега от большевиков, Пнин увидел себя в немыслимом плаще, убегающим по огромным чернильным лужам, под луной, перечеркнутой тучей, из какого-то фантастического дворца, и потом вышагивающим взад и вперед по пустынной отмели со своим покойным другом Ильей Исидоровичем Полянским, ожидая прибытия из-за безнадежного моря некоего таинственного избавителя в тархтящей лодке. <...> На песчаном пляже, по которому Пнин все еще шагал (его встревоженный друг ушел домой за картой), перед ним появилась вереница приближавшихся к нему следов, и он, ахнув, проснулся («Пнин», глава 4).

Что за приятное возбуждение вызывает сознание недавно обретенной привилегии! Его тень, кажется, накрыла и последнюю часть увиденного сна, в которой он рассказывал Бланш, что обучился левитации и что эта его способность с волшебной легкостью ступать по воздуху, в нескольких вершках от земли, позволит ему побить все рекорды по прыжкам в длину, он сможет, как бы прогуливаясь, одолеть расстояние, скажем, в десять или одиннадцать метров (чтобы не вызывать подозрений слишком большой протяженностью): трибуны ревут, а пораженный Замбовский из Замбии глядит, разинув рот, глазам своим не веря («Ада», часть первая, глава 20).

■ *Видеть во сне умершего отца — тема особенно острая в сочинениях Набокова.*

В эту ночь Марку приснился неприятный сон. Он увидел покойного отца. Отец подошел, со странной улыбкой на бледном, потном лице, и, схватив Марка под руки, стал молча и сильно щекотать его — не отпуская.

Только уже придя в магазин, вспомнил он этот сон, вспомнил оттого, что приятель, веселый Адольф, пальцем ткнул его в ребра. На миг в душе распахнулось что-то, удивленно застыло и захлопнулось опять («Катастрофа»).

■ *Довольно чистый образец «Даннова» сна.*

Интересно и поучительно сравнить нижеследующий отрывок с анализом записи в дневнике Набокова после убийства его отца (запись приведена в биографии Набокова, написанной Брайаном Бойдом).

Он <Федор> лег и под шепот дождя начал засыпать. Как всегда, на грани сознания и сна всякий словесный брак, блестя и звеня, вылез наружу: хрустальный хруст той ночи христианской под хризолитовой звездой... — и прислушавшаяся на мгновение мысль, в стремлении прибрать и использовать, от себя стала добавлять: и умер исполин яснополянский, и умер Пушкин молодой... — а так как это было ужасно, то побежала дальше рябь рифмы: и умер врач зубной Шполянский, астраханский, ханский, сломал наш Ганский... Ветер переменился, и пошло на «зе»: изобразили и бриз из Бразилии, изобразили и ризу грозы... тут был опять кончик, доделанный мыслью, которая опускалась все ниже в ад аллигаторских аллитераций, в адские кооперативы слов, не «благо», а «blague»¹³⁴.

¹³⁴ Шутка, розыгрыш (фр.).

Сквозь этот бессмысленный разговор в щеку кругло ткнулась пуговица наволочки, он перевалился на другой бок, и по темному фону побежали голые в груневальдскую воду, и какое-то пятно света в вензельном образе инфузории поплыло наискось в верхний угол подвечного зрения. За некой прикрытой дверцей в мозгу, держась за ее ручку и отворотясь, мысль принялась обсуждать с кем-то сложную важную тайну, но когда на минуту дверца отворилась, то оказалось, что речь идет просто о каких-то стульях, столах, атоллах. Вдруг, среди сгушающейся мглы, у последней заставы разума, серебром ударил телефонный звонок, и Федор Константинович перевалился ничком, падая... Звон остался в пальцах, как если бы он острекался. В прихожей, уже опустив трубку обратно в черный футляр, стояла Зина, — она казалась испуганной. «Это звонили тебе, — сказала она вполголоса. — Твоя бывшая хозяйка, Egda Stoboy. Просит, чтоб ты немедленно приехал. Там кто-то тебя ждет. Поторопись». Он натянул фланелевые штаны и пошел, задыхаясь, по улице. В это время года в Берлине бывает подобие белых ночей: воздух был прозрачно-сер, и мыльным маревом плыли туманные дома. Какие-то ночные рабочие разворотили мостовую на углу, и нужно было пролезть через узкие бревенчатые коридоры, причем у входа всякому давалось по фонарику, которые оставлялись у выхода, на крюках, вбитых в столб, или просто на панели, рядом с бутылками из-под молока. Оставив и свою бутылку, он побежал дальше по матовым улицам, и предчувствие чего-то невероятного, невозможного, нечеловечески изумительного обдавало ему сердце какой-то смежной смесью счастья и ужаса. В серой мгле из здания гимназии вышли парами и прошли мимо слепые дети в темных очках, которые учатся ночью (в экономно-темных школах, днем полных детей зрячих), и пастор, сопровождавший их, был похож на лешинского сельского учителя

Бычкова. Прислонившись к фонарю, опустив лохматую голову, расставя ножницами ноги в узких панталонах со штрипками и заложив в карманы руки, стоял худощавый пьяница, словно сошедший со страницы старинной «Стрекозы». В русском книжном магазине был еще свет, там выдавали книжки ночным шоферам, и сквозь желтоватую муть стекла он заметил силуэт Миши Березовского, протягивавший кому-то черный атлас Петри. Тяжело, должно быть, так работать по ночам! Волнение опять захлестнуло его, как только он попал в район, где жил прежде. Было трудно дышать от бега, свернутый плед оттягивал руку, — надо было спешить, а между тем он запомнил расположение улиц, пепельная ночь спутала все, переменяя, как на негативе, взаимную связь темных и бледных мест, и некого было спросить, все спали. Вдруг вырос тополь, и за ним — высокая кирка, с фиолетово-красным окном в арлекиновых ромбах света: внутри шла ночная служба, и спешила подняться по ступенькам траурная старушка, с ваткой под седельцем очков. Он нашел свою улицу, но у ее начала столб с нарисованной рукой в перчатке с раструбом указывал, что надо проникать в нее с другого конца, где почта, так как с этого свалены флаги для завтрашних торжеств. Но он боялся потерять ее во время обхода, а к тому же почта — это будет потом, — если только матери уже не отправлена телеграмма. Он перелез через доски, ящики, куклу гренадера в буклях и увидел знакомый дом, и там рабочие уже протянули от порога через панель красную полосу ковра, как бывало перед особняком на Набережной в бальную ночь. Он взбежал по лестнице, фрау Стобой сразу отворила ему. Лицо у нее горело, на ней был белый госпитальный халат, — она прежде занималась медициной. «Только не волноваться, — сказала она. — Идите к себе в комнату и ждите там. Вы должны быть готовы ко всему», — добавила она со звоном

в голосе и втолкнула его в ту комнату, в которую он думал, что никогда в жизни больше не войдет. Он схватил ее за локоть, теряя власть над собой, но она его стряхнула. «К вам кто-то приехал, – сказала Стобой, – он отдыхает... Обождите пару минут». Дверь захлопнулась. В комнате было совершенно так, как если б он до сих пор в ней жил: те же лебеди и лилии на обоях, тот же тибетскими бабочками (вот, напр., *Thecla bieti*) дивно разрисованный потолок. Ожидание, страх, мороз счастья, напор рыданий – все смешалось в одно ослепительное волнение, и он стоял посреди комнаты, не в силах двинуться, прислушиваясь и глядя на дверь. Он знал, кто войдет сейчас, и теперь мысль о том, как он прежде сомневался в этом возвращении, удивляла его: это сомнение казалось ему теперь тупым упрямством полоумного, недоверием варвара, самодовольством невежды. У него разрывалось сердце, как у человека перед казнью, но вместе с тем эта казнь была такой радостью, перед которой меркнет жизнь, и ему было непонятно отращение, которое он, бывало, испытывал, когда в наспех построенных снах ему мерещилось то, что совершалось теперь наяву. Вдруг, за *вздвогнувшей* дверью (где-то далеко отворилась другая), послышалась знакомая поступь, домашний сафьяновый шаг, дверь бесшумно, но со страшной силой открылась, и на пороге остановился отец. Он был в золотой тубетейке, в черной шевиотовой куртке, с карманами на груди для портсигара и лупы; коричневые щеки в резком разбеге парных борозд были особенно чисто выбриты; в темной бороде блестела, как соль, седина; глаза тепло и мохнато смеялись из сети морщин; – а Федор стоял и не мог ступить шага. Отец произнес что-то, но так тихо, что разобрать было нельзя, хотя как-то зналось: это относится к тому, что вернулся он невредимым, целым, человечески настоящим. И все-таки было страшно приблизиться, – так страшно,

что Федору казалось — он умрет, если вошедший к нему двинется. Где-то в задних комнатах раздался предостерегающе-счастливый смех матери, а отец тихо почмокал, почти не раскрывая рта, как делал, когда решался на что-нибудь или искал чего-нибудь на странице... потом опять заговорил, — и это опять значило, что все хорошо и просто, что это и есть воскресение, что иначе быть не могло, и еще: что он доволен, доволен, — охотой, возвращением, книгой сына о нем, — и тогда наконец все полегчало, прорвался свет, и отец уверенно-радостно раскрыл объятия. Застонав, всхлипнув, Федор шагнул к нему, и в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усовросло блаженно-счастливое, живое, не перестающее расти, огромное, как рай, тепло, в котором его ледяное сердце растаяло и растворилось.

Сначала нагромождение чего-то на чем-то и бледная дышащая полоса, идущая вверх, были совершенно непонятны, как слова на забытом языке или части разобранной машины, — и от этой бессмысленной путаницы панический трепет побежал по душе: проснулся в гробу, на луне, в темнице вялого небытия. Но что-то в мозгу повернулось, мысль осела, поспешила замазать правду, — и он понял, что смотрит на занавеску полураскрытого окна, на стол перед окном: таков договор с рассудком, — театр земной привычки, мундир временного естества. Он опустил голову на подушку и попытался нагнать теплое, дивное, все объясняющее, — но уже теперь приснилось что-то бесталанно-компилятивное, кое-как сшитое из обрезков дневного житья и подогнанное под него («Дар», глава 5).

БЕЗСОННИЦА

И вот, в тот страшный день, когда, опустошенный бессонницей, я вышел на улицу в случайном городе и увидел дома, деревья, автомобили, людей, — душа моя внезапно отказалась воспринимать их как нечто привычное, человеческое. Моя связь с миром порвалась, я был сам по себе, и мир был сам по себе, — и в этом мире смысла не было («Ужас»).

Голова у меня была прозрачна после бессонной ночи; я все понимал: свист дрозда в миндальном саду за часовней, и мирную тесноту этих жилых развалин вместо домов, и далекое, за вуалью воздуха, дух переводящее море, и ревнивый блеск взъерошенных бутылочных осколков по верху стены (за ней штукатурная гордость местного богатея), и объявление цирка, на эту стену наклеенное: пернатый индеец, на всем скаку выбросив лассо, окрутил невозможную зебру, а на тумбах, испещренных звездами, сидят одураченные слоны («Весна в Фиальте»).

February 16

Thaw, snow almost gone except for
strange, bird-like, penguin-like remnants
(~~just~~ due to ^{the irregular} action of snowplow blades
~~except~~ ~~at~~ ~~the~~ ~~edge~~ ~~of~~ ~~the~~ ~~road~~ ~~on~~ ~~the~~ ~~side~~ ~~of~~ ~~the~~ ~~road~~)
lined up, greenish with dark heads
along curbs, on the ^{road} side walk side.

From the point of view of evolutionary
dialectics the hereafter finds its beautiful
proof in the following series:

1. Time without consciousness (the
lower animal world)
2. Time with consciousness (man =
Zerobek = Conscious Time)
3. Consciousness without Time
(the future of the immortal soul)

~~series~~
The last term is ~~conclusion~~ really
the thesis of a new series.

ВОЗВРАТНЫЙ ВЕТЕР

1. ТРИ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА¹³⁵

*...И тут, когда смотришь через перила
на бурно текущую пену, такое бывает
чувство, точно плывешь все назад
да назад, стоя на самой корме времени.
«Другие берега»*

Как известно, многократное прочитывание есть необходимое условие понимания эстетики Набокова и, в некотором смысле, ее основание. Перечитывать значит волей-неволей подражать, хоть и пассивно, деятельности автора, многократно переписывавшего свое сочинение. Конечно, по мере напряженности чтение не идет ни в какое сравнение с сочинительством — состоянием, которое поэт удачно назвал душевным стеснением, ищущим исхода. Разделение этого общего труда далеко не равное: этимологически европейский «писец» (греческий «грамматей», римский «скриба», германский «шрайбер», британский «райтер» и т. д.) скребет, царапает острым инструментом более или менее уступчивую поверхность, тогда как чтец — только анагност, коллектор, то есть распознаватель и сортировщик осмысленных сочетаний, условных знаков, писателем для него начертанных. Тут,

¹³⁵ Первый вариант этой части книги был опубликован в журнале «Звезда» (2012. № 8).

правда, есть некая количественная компенсация: читатель перечитывает оконченное произведение гораздо чаще, чем его автор — чем, во всяком случае, Набоков, который, окончив книгу, перечитывал ее разве что для нового издания или перевода на другие языки.

Как уже не раз сказано, Набоков настаивал на том, что книга, достойная чтения, должна быть перечитана; это кардинальный элемент его эстетики. Принцип перечитывания заключает в себе понятие возвратного чтения, то есть движения от следствия к причине, от конца к началу — главы, или части, или всего романа.

Перечитывание предполагает также невольное пассивное подражание многократному переписыванию автором своего текста. Чтение, разумеется, не может приблизиться к сочинению в интенсивности и чистом восторге, которое доставляет сочинительство.

Если посмотреть с другой точки зрения, перечитывание можно уподобить пространственному возвращению времени, чрезвычайно важной проблеме, над которой тщетно бьются наиболее глубокомысленные герои Набокова (Ван Вин, Вадим Вадимыч N.). Вообще, перечитывая романы, написанные в Монтрё, открываешь новые слои заложенных, но пропущенных при первом чтении сведений, которые можно обнаружить только двигаясь назад во времени. Читатель второй половины такого романа находится как бы в состоянии постоянных приливов (чтения) и отливов (перечитывания), все время возвращаясь к первым главам, чтобы не потерять тематического следа. Следует помнить, что тема у Набокова — регулярное повторение, возвращение некоторых положений и образов на пространстве всего романа или его части. «Темы я приручил, они привыкли к моему перу; с улыбкой даю им удалиться: развиваясь, они лишь описывают круг, как бумеранг или сокол, чтобы затем снова вернуться к моей руке» («Дар»).

С третьей стороны, перечитывание дает интересный образ попятного движения времени в пространственных терминах. Формальная модель реверсивности времени в прозе дана в его раннем (американского периода), несколько неуклюжем английском рассказе с натянутым названием «Time and Ebb», для которого не подберешь равносильного русского перевода, потому что «время и отлив» (и любые варианты с родительным падежом) не передает простой игры слов, основанной на замене одной согласной («tide» значит «прилив»¹³⁶).

В хорошем романе время подвергается обычным деформациям — сжимается, растягивается, коробится, а в этом рассказе оно накладывается на самое себя, как волна прибоя. Повествователь (будто бы ровесник сына Набокова) разглядывает привычную читателю действительность — Нью-Йорк в 1944 году — посредством необычного, доведенного до крайности приема остранения самого понятия *современности*. На поверхности сюжета в поразительных подробностях дается ясное до слезоточивой резкости описание прекрасного, героического, несовершенного, давно прошедшего времени, вспоминаемого из пункта, чрезвычайно удаленного во времени (из XXI века), для просвещения молодых современников повествователя, для которых Америка сороковых годов — баснословное место и время. Но с точки зрения читателя рассказа дело обстоит наоборот: пучок света посылается в отдаленное будущее с тем, чтобы, вернувшись назад, в мир сочинителя (а не повествователя и его подразумеваемых читателей), осветить этим отраженным

---

¹³⁶ В издании английских рассказов Набокова в своем переводе я переложил это название как «Быль и убыль», по частным обстоятельствам, которые упоминаю в моей книге «Сочинение Набокова». У Шекспира в «Юлии Цезаре» есть «the tide of times», прилив и отлив времен (Акт III, сцена I).

светом вещи и положения, отлично известные читателям «Нью-Йоркера», где впервые появился этот рассказ, но словно увиденные теперь впервые. «Покрытые латуной и стеклом поверхности» и «трескот и переливчатое мрение заключенного в клетку пропеллера» вентилятора в молочном баре аптеки; закат «оранжерейного дня» в Центральном парке с его «старомодными, лиловатыми, акварельными небоскребами» и «негритятами, тихо сидящими на искусственных валунах»; этим первым читателям преподносится как нечто диковинное (с точки зрения воображаемых читателей нового века) обычай просовывать множество маленьких пуговиц, одну за другой, в тесные прорези в одежде, чтобы она не распахивалась. Время, таким образом, течет как бы по ободу ленты Мёбиуса, взад и вперед, в зависимости от того, с какого наблюдательного пункта смотришь, хотя в конце концов оказывается, что ты не сходил с места. Незадолго до «Time and Ebb» Набоков пользуется похожим приемом в конце «Дара», где Годунов воображает, что напишет когда-нибудь ту самую книгу, героем которой (но отнюдь не автором) он является и которая подошла теперь к концу, и в написанном вскоре после «Дара» первом своем английском романе Набоков применяет сходную стратегию уже на всем протяжении фабулы, которая движется против течения времени от несомненного факта смерти героя к зыбкому началу его сомнительной жизни, отраженной в хронологической серии его художественных вымыслов. Кажется, что между 1937 и 1944 годом Набоков испытывал сложную технику поступательного сочинения отступательного, так сказать, повествования.

Он вообще имел склонность к реверсивности, и в словесности (любил, например, анаграммы и палиндромы, и однажды написал единственное, по-видимому, рифмованное русское четверостишие, читаемое в обоих

направлениях, под названием «Казак»¹³⁷ в альбом приятельницы с двойной фамилией, своей и по мужу, *Ноэль Леон!*), и в шахматах (особенный вид задачи, называемой ретроградным анализом), и пользовался обоими видами на уровне текста и повествования. Можно, пожалуй, сказать, что ретроградный анализ — самый удачный термин для обозначения аксиомы Набокова о правильном чтении романа. В шахматной *игре*, как и в жизни, правила не позволяют брать ходов назад; но в шахматной *задаче* ретроградного типа брать ходы назад не только дозволено, но именно требуется, причем последовательно, один за другим, вплоть до ключевой и даже исходной позиции. Чем не подходящая метафора для попятного чтения книги! А если книга не стоит того, чтобы ее перечитывали, то ее не стоило читать и единожды. Быть может, главный образ движения в набоковском представлении о прозе как художественном способе воспроизведения мира — челночный: вперед (деятельность воображения) и назад (возбуждение памяти), и это взаимодействие памяти и воображения — сперва сочинителя, потом, посредством конвективной теплопередачи, и читателя — и есть движущая сила всякого настоящего художественного произведения, создающая иллюзию правды и жизненности. Но для того чтобы иллюзия эта обрела силу, необходимо, чтобы читатель в максимально доступной мере обладал и богатым воображением, и восприимчивой памятью.

---

¹³⁷ Я ел мясо лоск, млея...

Рвал Эол алоэ, лавр...

Те ему: «Ого! Умеет

рвать!» Он им: «Я — Минотавр!» (1939, февраль).

Всю свою сознательную жизнь Набоков обдумывал основное условие земного существования – время. Смерть, отграниченная бледным огнем нетварного света, за которым времени больше не будет¹³⁸, была тайной, притягательный холод которой он ощущал почти от «колыбели, качавшейся над бездной»¹³⁹. Можно даже рассматривать всю его художественную прозу как единый настойчивый эксперимент, ставящий своей целью тщательно исследовать условия времени и пространства. Роман принципиально отличается от других жанров художественной прозы, например рассказа, не размером, а тем, что его структура зависит от умелого обращения с феноменом времени. Но для того чтобы показать движение времени, нужно соответствующее пространство – а не наоборот. То есть основное отличие рассказа от романа не то, что роман длиннее, но то, что для того, чтобы воспроизвести ход времени правдоподобно, требуется большее пространство. В художественной прозе движение времени не есть простая хронология, за которой нужен глаз да глаз. Скорее, это очень трудное и сознательное словесное воспроизведение эффекта всем знакомого поведения времени: время проходит, бежит, скачет, летит, ползет, сжимается, раздваивается, пятится; его проводят, теряют, тянут, убивают. Все это и более того мы испытываем в течение нашей жизни, но никогда не можем вполне привыкнуть. Термин «роман» крайне неудачен; скорее этот род искусства можно назвать *хронопоейей* – укрощение времени в словесной форме.

Все романы Набокова мастерски построены на хронопоейке. Он исследовал в подробностях, высоко ценил

¹³⁸ См.: Откр 10, 6.

¹³⁹ См. первое предложение воспоминаний Набокова «Другие берега».

и преподавал своим корнелльским студентам именно этого рода мастерство у Пруста, который чрезвычайно умело обращался с приливами и отливами времени; у Толстого, который умудрялся синхронизировать свой тридцатипятишестичасовой хронометр с обыкновенными часами своего зачарованного читателя; у Джойса, который разбивает двадцать часов одного дня на тысячу двести растяжимых минут. И, как уже сказано, романы Набокова можно изучать как продолжительный и очень специальный эксперимент со временем, конечная цель которого если не раскрыть, то, по крайней мере, коснуться тайны смерти — доставляющее высокое удовольствие средство для достижения заведомо недостижимой цели.

Четырнадцатого февраля 1951 года он записал в дневнике:

Пространство, время — две главные тайны. Превращение ничего в нечто не может быть постигнуто человеческим умом.

Через восемь лет, перечитав эту запись, он прибавляет:

Поток времени — всего лишь поэтическая традиция: время не течет. Время стоит на месте. Мы чувствуем, что оно движется, только оттого, что вокруг нас происходит рост и перемена или наоборот остановка, вроде станции.

Два дня спустя он набрасывает четкую схему, которую пробовал в менее отчетливых формах в ранних своих сочинениях и которая легла в основу его трех последних романов.

С точки зрения эволюционной диалектики загробное существование находит прекрасное себе доказательство в следующей серии:

1. Время вне сознания (низший мир животных)
  2. Время с сознанием (человек = сознательное время)
  3. Сознание вне времени (будущее бессмертной души)
- Последний термин является тезисом новой серии.

Можно сказать, что до «эксперимента со временем» по инструкциям Данна взгляды Набокова на место времени в искусстве были несколько проще. Он полагал, что искусство состоит в «идеальном сплаве прошедшего и настоящего», но «вдохновение гения добавляет третий ингредиент: прошедшее, настоящее и будущее (ваша книга) соединяются внезапной вспышкой; а это то же, что сказать, что времени больше не существует»¹⁴⁰. Эти положения к шестидесятым годам углубились, особенно после эксперимента, а может быть, как следствие его.

---

¹⁴⁰ Из эссе Набокова «Искусство литературы и здравый смысл». *Ред.*

3. ПРОЗРАЧНАЯ АРЛЕКИНАДА

Все повести сводятся к одной, если их правильно читать.

Кормак Маккарти

Все, что Набоков сочинил после своего эксперимента — три опубликованных романа и один неоконченный ко времени его смерти, написано в швейцарском отеле в Монтрё, где он прожил последние пятнадцать лет, и романы эти во многих отношениях отличаются от предыдущих. Самое значительное отличие в том, что он по-новому обращается с измерением времени, которое Ван Вин называет «спинным хребтом сознания» и, таким образом, спинным хребтом всякого художественного произведения, симулирующего действительность. Путешествие во времени становится более продолжительным, чем прежде, обнимая все повествовательное пространство «Ады», а также большую часть двух других романов.

Лепка времени приобретает все более сложные формы. Смерть как личный конец времени становится доминирующей темой. Во всех этих романах Набоков как будто испытывает идею Данна о том, что время не умолимая, необратимая Гераклитова река, в которую нельзя войти дважды, но скорее переменный электрический ток, который пульсирует в обоих направлениях. Перемену можно переменить.

Карточки с черновиком «Ады», первого романа, написанного после эксперимента, находятся в том же альбоме, что и записи сновидений. Перерыв в семь лет между этой книгой и предыдущей, «Бледным огнем», был самым долгим¹⁴¹, и книга оказалась в два раза толще его более

---

¹⁴¹ Между «Под знаком незаконнорожденных» и «Лолитой» прошло около восьми лет, но как раз посередине он написал книгу мемуаров, невымышленный роман.

ранней большой книги «Дар». Как и этот роман, «Ада» состоит из пяти частей; но в отличие от него, части эти подчеркнута разной длины. Корпус сюжета — четвертая часть: она в основном представляет собою эссе Вана Вина «Ткань времени». Его основной постулат краток: понятие времени нельзя смешивать с понятием пространства; они должны быть расцеплены раз и навсегда. Однако внутри романа это положение встречается с любопытной антиномией: Ван обдумывает эту теорию, едуци на большой скорости на встречу с Адой в Монт Ру, не обращая внимания на тот непреложный факт, что скорость есть расстояние, поделенное на время¹⁴². В «Даре» один персонаж лежит в постели в занавешенной комнате, думая о смерти, слышит «плеск и журчанье» воды за окном и приходит к выводу, что по смерти «конечно, ничего потом нет... ничего нет. Это так же ясно, как то, что идет дождь. А между тем за окном играло на черепицах крыш весеннее солнце, небо было задумчиво и безоблачно, и верхняя квартирантка поливала цветы по краю своего балкона, и вода с журчаньем стекала вниз» (глава 5). Не сходным ли образом ошибается Ван в своем утверждении, что время и пространство должны быть разведены? Любопытно, что на утро после его судорожного путешествия в пространстве, в лихорадочной попытке обогнать время, он видит против ожидания Аду, стоящую на балконе этажом ниже.

Набоков, однажды сказавший, что не разделяет всех взглядов Вана на время, здесь как будто опровергает кардинальный пункт теории Вана, сопоставляя временное измерение с пространственным. Пять частей «Ады» по размеру находятся в обратной пропорции к периоду времени, который они описывают. В первом издании

---

¹⁴² Ван мчится на огромной скорости, но дважды не туда поворачивает, и Набоков не замечает пропуски одного дня в своих расчетах.

романа первая часть состоит из сорока трех глав и занимает триста двадцать пять страниц, то есть много больше половины книги, и описывает события менее чем четырех лет: с 1884 до 1888 года (если исключить экскурсии в прошлое, необходимые для того, чтобы объяснить общую генеалогию Вана и Ады); вторая часть состоит всего из одиннадцати глав на сто двадцати страницах и продвигает повествование до 1893 года. Третья часть имеет восемь глав и девяносто три страницы и покрывает двадцать девять лет, с 1893 по 1922 год. Основная, четвертая часть – одна глава, двадцать восемь страниц, описывает три (или четыре) дня в середине июля 1922 года. (Это единственная часть, где Ада не вмешивается в повествование, и тем не менее ей принадлежит последнее слово: «Мы можем знать конкретное время, мы можем знать абстрактное время, но мы никогда не можем знать настоящего времени. Наши органы чувств просто не предназначены для его восприятия. Это как — — Вероятно, это произнесенное слово «смерть», или состояние по смерти.) Ван Вин покрывает большое разстояние в сравнительно короткое время, чтобы нагнать его и поспеть «вовремя», «одновременно» пытаться отъединить время от «Сиамского Пространства» и обличить ложность будущего — которое мчится навстречу ему в последней части, длиной всего в двадцать две страницы, шесть глав которых заканчивают хронологию книги на огромном пространстве в сорок пять лет. Есть какая-то ладная стабильность в этой убывающей пропорции: соотношение размеров частей через одну I — III, II — IV, III — V, примерно одно и то же: четыре к одному. В известном смысле это пропорциональное пространственное сокращение напоминает явление обратной перспективы, изучавшейся Флоренским в 1919–1924 годах.

Другими словами, у Набокова уходит около тридцати тысяч слов на описание одного года для первых четырех

лет повествования (включая предварительную генеалогию); около девяти тысяч слов — на каждый год из последних пяти; приблизительно тысяча двести слов в среднем на год для следующих двадцати девяти; и он уделяет только примерно четыреста слов на год для остающихся сорока пяти лет повествования, считая четвертую и пятую часть вместе. «Время — только память в процессе воспоминания», — говорит Ван, и его хроника призвана подтвердить это положение, ибо первые четыре года ее более насыщены, гораздо ярче сохранены, гораздо лучше восстановлены, иными словами, гораздо живее и правдоподобнее, чем остальные восемьдесят, бледнее по мере того, как Ван и Ада стареют — каждый по-своему.

Его следующий роман, «Сквозняк из прошлого», — в половину объема одной только первой части «Ады». Его замысловатый диегетический прием освобождает безтелесных умерших повествователей от земных условий существования и помещает этих духов в безвременную область, откуда они рассказывают историю Хью Персона¹⁴³. Они говорят в унисон, подобно хору в греческой трагедии, они знают прошедшее всех человеков и вещей в глубину и их настоящее в ширину, а будущее для них, по-видимому, равно настоящему. Прием этот до того труден, что когда Набоков понял, что даже самые искусственные его читатели не совсем его разгадали, то пошел на беспрецедентный для себя шаг, выдумав интервью с самим собой, в котором он объясняет воображаемому вопрошателю настоящий замысел книги. Следует отметить, что название романа — «Transparent Things» («Прозрачные вещи») — заключает в себе обоюдный смысл: повествователи прозрачны (невидимы) для живых, и в то же время все вещи прозрачны (известны) для

---

¹⁴³ Непередаваемая в переводе игра слов в имени героя: Hugh Person созвучно фразе, которую можно перевести как «Ты личность».

них, призраков. Заметим: вследствие того что оба эти аспекта нельзя передать по-русски (потому что семантический диапазон русского слова «вещи» уже английского и потому лишает фразу его первого значения), Набоков privately называл эту тоненькую, но важную книгу по-русски «Сквозняк из прошлого» – строчкой из своего стихотворения «Будущему читателю» (1930) о потусторонности¹⁴⁴. Такое устройство существенно отличается от того, как духи Данте видят время как четвертое измерение: прошлое и будущее прозрачно для них, но «зрети настоящего не могут»¹⁴⁵.

Подобно Вану Вину, Вадим Вадимыч Н., повествователь последнего романа Набокова, скорее ощущает, чем подозревает со-существование иного мира, недостижимого, но пронизываемого, в котором обитает его более счастливый создатель. Можно ли назвать мир героя нескончаемым сновидением? Один из важных пунктов теории Данна тот, что видеть предсказательные сны – нормальное человеческое свойство, которого почти никто не замечает, потому что мы невнимательны. Герой романа мучится мыслью, что он страдает редким душевным недугом, который является, быть может, знаком приближающегося сумасшествия: он не может мысленно повернуть назад, чтобы увидеть в обратном порядке предметы, которые он только что миновал. Как бы подтверждая теорию Вана о том, что Пространство должно быть отделено от времени, удивительно конгениальная герою последняя его жена разрешает эту загадку, объясняя, что он принимает воображаемое поступательное движение в пространстве за временное: повернуть время вспять чрезвычайно трудно. Однако память не обращает его вспять: она делает прошлое настоящим.

---

¹⁴⁴ Сообщено автору вдовой Набокова в частном разговоре.

¹⁴⁵ Ср.: Данте. «Ад». X, 99.

4. БУМЕРАНГ ВРЕМЕНИ

*...Это странно, я как будто помню свои будущие вещи,
хотя даже не знаю, о чем будут они.*

«Дар»

Определения времени обыкновенно имеют тенденцию к коротким замыканиям. В миметическом художественном произведении персонажу может быть позволено воспринимать время как ритм или как память в процессе припоминания, но он лишен привилегии вообразить мир, трансцедентный его миру, в котором время может быть растянуто, сжато или обращено вспять, если нужно, то есть — мир, в котором, с его точки зрения, времени нет. Ван Вин мог бы чувствовать себя своим в компании так называемых «detensers» (отрицателей категории времени), таких как Дж. М. Мактаггарт и, в меньшей степени, его молодой кембриджский коллега и оппонент Бертран Рассел, которые пытались отъединить время не только от пространства, но и от самого себя, низводя это измерение до фигуры речи. Они говорили, что если время есть аллегория изменения, то самое изменение можно свести к тому, что вещи и явления имеют разные свойства в разное время.

Маловероятно, но не невозможно, что Набокову попало на глаза интересное письмо в журнале «Философия» (1935), издаваемом кембриджским университетом, касательно теории времени Данна. Автор письма, Джошуа Грегори, довольно известный британский философ и младший коллега Мактаггарта и Рассела, признавая, «что мы многим обязаны Данну», в то же время приходит к заключению, очень напоминающему вывод Вана Вина: «Предположение о бесконечном регрессе времени ошибочно основано на незаконнорожденной пространственности» и указывает на «по-видимому, изначально

допущенную ошибку – попытку превратить время в некое пространство». И со всем тем основная единица измерения в астрофизике есть световой год, то есть расстояние, которое свет проходит за год, – образцовый пример сочетания пространства и времени.

Современная физическая наука настолько отчуждена от метафизики, да и от всякой идеалистической философии, что попытки установить соотношение между квантовой механикой и теорией гравитации ведут к таким нелепостям, потому что, по словам Давида Папино, современного английского философа, «они полностью уничтожают время как категорию измерения, так что мы не можем ничего признать нормальной переменной», таким образом, безнадежно смешивая условия метафизические с физическими, но не признавая этого факта. Гипотеза гравитационных волн как вывода из общей теории относительности, предложенной Эйнштейном в 1916 году, как будто нашла подтверждение ровно через сто лет, когда обоим детекторам LIGO (Laser Interferometer Gravitational-Wave Observatory), расположенным в штатах Луизиана и Вашингтон, удалось «измерить складки на ткани пространства-времени – гравитационные волны»¹⁴⁶. Эта метафора зыблемой ткани прекрасно подходит к любимому Набоковым тропу складывающегося ковра, когда повторяющиеся элементы узора накладываются сами на себя. Более того, можно сказать, что его рассказ «Быль и убыль» построен на том предположении, что гравитационные волны могут искажать пространство-время. В этом рассказе набегающее, как волны, время приливает и отливает, как бы падая на самое себя. Весь рассказ, в сущности, представляет собой растянутое *déjà vu*, иллюстрирующее известную поговорку: «время в детстве коснит, в старости летит».

---

¹⁴⁶ Physical Review Letters 116. № 6. 2016.

5. ЯСНОВИДЕНИЕ

1.

Некоторые места... звучат пророчески, притом даже вдвойне: предвидя не только атомистицизм позднейшего периода, но и пародию этой темы еще более позднего времени: своего мрачноватого рода рекофд.

Предисловие к английскому переводу
«Изобретения Вальса»

Ясновидение есть безусловно термин религиозного и происхождения и значения; он предполагает не столько предвидение будущего, сколько видение будущего, как если бы оно было текущим настоящим. В рассказе «Быль и убыль» не очень удачно поставлен эксперимент, в котором предпринята попытка исследовать именно такое предположение, но наоборот: только действительный читатель, а не воображаемый повествователь знает, что именно прожектируется, откуда и куда.

Частота явления, для которого я не могу подобрать более подходящего описания, чем до странного точное предсказание события, еще не происшедшего, у Набокова возмутительно высока. Когда число случаев, еще вполне допустимое в своей вероятности, уже превзойдено, а потом удвоено, а потом утроено — немного как в прологе «Розенкранца и Гильденстерна» Стоппарда, — тогда не знаешь, как это понимать и что с этим делать. Это одна из таких вещей, которые неудобно произнести вслух и в то же время жалко утаить. Это — ошеломительное нагромождение случайностей, противостоящее еще менее вероятной альтернативе случайностей. Точка их схода — воздержание от всякого суждения: апория.

Случаи эти стоят в ряду от нелепых до научных и до мистических. Для примера первых годится мощный автомобиль Чарльза Кинбота («Бледный огонь»), который

называется «Крамлер», — скорей всего, портмонто из «Крайслера» и «Даймлера-Бенца». В 1998 году обе компании слились, и их официальное корпоративное название стало «Крайслер-Даймлер». (Они снова разошлись через девять лет.) В том же романе Набоков ввел термин «модем», другое удачное портмонто, которое с 1958 года употреблялось только в американской военно-воздушной обороне для обозначения «модулятора-демодулятора». У Набокова модемы — новые («модерные») демократы, забавное предвидение задним числом. Тут отчего-то вспоминается Гермиона из Шекспировой «Зимней сказки», которая восклицает с сдержанной гордостью: «Отец мой был Российский император» — за сто лет до первого русского императора.

«Я часто думаю, — сказал однажды Набоков, — что хорошо бы завести особенный типографский значок для улыбки — какая-нибудь вогнутая черточка, лежащая скобка...» Теперь, как все знают, эта ухмылка во все круглое лицо предупреждает нас с экранов о мирных намерениях пишущего.

Как он предсказывал, «деноминации времени» в конце XX и XXI века показались бы людям начала двадцатого столетия «телефонными номерами» («Быль и убыль»). Когда цифровые часы в 1980-х годах вытеснили собою описательные «половины пятого» чрезмерно и часто ненужно пунктуальными «4.32» или даже в военном стиле «16 часов 32 минуты», уступив ненадолго место «аналоговым» подделкам настоящих механизмов, сохраняя однако сверхточное время цифровых, а затем сдав ответ на вопрос «который-теперь-час» электронным приборам и еще позже вычислительным машинкам, имитирующим наручные часы.

И хотя на Антитерре нет электричества, а все приводится в движение гидравлическою силою, тамошний «дорофон» нисколько не напоминает нынешний

телефон — но зато там есть новый *инстантограм*, предваряющий Инстаграм на полвека, даже по фантастическому отсчету времени «Ады».

Вот несколько более сложный, хотя столь же абсурдный, «чудно странный», по выражению Горацио, случай. Следовать за шахматными ходами и именами в «Истинной жизни Севастьяна Найта» значит пускаться в увлекательное путешествие, заводящее в тупик. Еще до публикации романа Набоков сказал Вильсону, прочитавшему книгу в рукописи и написавшему курьезное объявление для обложки, что «кроме слегка набросанной в одной главе игры, в развитии всей книги „шахматной идеи“ нет. Звучит привлекательно, но чего нет, того нет»¹⁴⁷. Мать Севастьяна умирает в городке Рокебрюн. Он приезжает туда, чувствует ее призрачное присутствие в саду пансиона, но потом узнает, что она провела последние месяцы в другом Рокебрюне, в департаменте Вар, а не Кап-Мартэн. Вполне возможно, что Набоков выбрал именно это место из-за слегка шахматного привкуса названия (*goquer* значит рокировать, т. е. перескочить ладьей через короля). В 1992 году, семьдесят лет после того как Севастьян сидел на садовой скамье в пансионе «Фиалки», голландский богач Йооп ван Остером устроил в этом самом городе первый из двадцати шахматных турниров, названных «Melody Amber» (по имени своей новорожденной дочери), куда специально приглашались лучшие игроки. Этот первый турнир выиграл украинец Иванчук.

Еще один забавный пример прозрачной догадки, граничащей с авгурством. Бывшая жена Пнина Лиза Винд посещает его во второй главе, одной из самых тяжелых в романе. «„Я, пожалуй, прилягу на твою девственную

---

¹⁴⁷ The Nabokov – Wilson Letters: 1941–1970 / Ed. S. Karlinsky. New York, 1979. P. 183.

постель, Тимофей, и почитаю стихи. Послушай мое последнее“, — сказала она, вытянув руки по швам, лежа навзничь и ритмически читая нараспев протяжным густым голосом...» Через сорок пять лет после того как это было написано, Эмма Герштейн, приятельница Ахматовой, служившей Лизе образцом в поэзии и позе, опубликовала свои довольно скандальные мемуары, где имеется следующее описание одного эпизода 1941 года: «Анна Андреевна почти все время лежит и, не приподнимаясь даже с подушки, читает мне, почти бормочет новое стихотворение...»¹⁴⁸

В рассказе «Лицемерие» («Double Talk»), для Набокова нехарактерно злободневном и оттого неловко сшитом (позже переименованном в «Жанровую картину 1945 г.»), повествователь встречает замшелого русского полковника из эмигрантов на гнусном собрании сочувствующих Германии американских дам. Это человек того типа, который Набоков особенно презирал: «красный монархист» и советский послевоенный патриот. Повествователь не разслышал его имени, когда их познакомили: «...полковник Маликов или Мельников...» Шестьдесят лет спустя в Российской Федерации явилось множество тех самых гротескных идеологических сочетаний, которые почти дословно следуют формулам старого полковника: «Великий русский народ пробудился, и мое отечество снова сделалось великим. У нас было три великих вождя: был Иван, которого враги прозвали Грозным, потом был Петр Великий, а теперь Иосиф Сталин. Сам я белоэмигрант и служил в императорской гвардии, но я еще и русский патриот и русский христианин. Сегодня в каждом слове, которое исходит из России, чувствуется мощь, чувствуется величие древней матушки-Руси» («Жанровая картина»). Кроме всего прочего, двух

---

¹⁴⁸ Герштейн Э. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. С. 264.

известных транссоветских критиков Набокова зовут, как это ни странно, Маликова и Мельников.

В резко ускоренном темпе второй, топонимической части «Лолиты», вчерне написанной, когда Набоковы путешествовали по всей стране от Нью-Йорка до Колорадо и дальше, Набоков приводит перечень мест главных размолвок и ссор Гумберта и Лолиты. «Между нами происходили скандалы, большие и маленькие. Самые крупные произошли в следующих местах: Ажурные Коттеджи, Виргиния; Парковый Проспект, Литль Рок, возле школы...» Сами Набоковы проезжали Литль Рок в Арканзасе еще в первое свое автомобильное путешествие в 1941 году, а быть может и позже, несколько раз. В начале 1957 учебного года, то есть через четыре года после того как «Лолита» была окончена, девять чернокожих студентов записались в Центральную гимназию в Литль Рок, в которую негров не принимали по расовым законам в Южных штатах Америки. Это привело к кризису, потребовавшему вмешательства президента Эйзенхауэра. Гимназия эта – на Парковом проспекте. В одном квартале оттуда улица Скиллера (выйдя замуж, Лолита стала г-жой Скиллер)¹⁴⁹.

Среди забавно-нелепых сближений этого рода выделяется один эпизод, который Набоков описывает с большими подробностями в одном из своих интервью, не имея возможности предвидеть настоящей пуанты этой истории. В феврале 1937 года в Париже его попросили прочитать лекцию о Пушкине, заменив в последнюю минуту Йоланду Фёльдеш, венгерскую писательницу, автора «La rue du chat que pêche», ходкого и довольно ничемного романа, населенного фарсовыми псевдорусскими персонажами с голливудскими именами («...», она любит

---

¹⁴⁹ Это совпадение замечено Иеремией Л. Монком, студентом Вестлейского университета.

Фьодора, не Васью“, — сказал Тухачевский Бардичинову»). Когда Набоков вошел в Salle Chopin, к нему подбежал венгерский консул, чтобы выразить свое сочувствие, приняв его за мужа внезапно заболевшей писательницы. Имя этого мужа, которое он имел в виду произнести, протягивая руку удивленному лектору, было Кларан (Clagent), французский омофон названия кладбища (Clagens), где спустя сорок лет Набоков будет похоронен.

По серьезным философским причинам Набоков отрицал популярную научную фантастику, однако сам не был чужд предсказательной фантазии в столь различных областях, как геополитика, психология, космология, и, конечно, в его специальности — биологии. В рассказе «Ланс», написанном за десять лет до того, как Землю можно было увидеть из космоса, и за семнадцать лет до того, как в каталоге Стюарта Бранда были опубликованы фотографические изображения земного шара в лазерном тумане с прорывами, Набоков воображает, как Земля будет выглядеть с другой планеты:

...когда в первую же ночь моему молодому потомку, вышедшему наружу в мыслимой тишине, откроется вид немыслимого мира, он увидит поверхность земного шара сквозь толщу его атмосферы, и значит, будет тут пыль и снующие туда-сюда блики отражений, и дымка, и разные оптические обманы, и потому материка, если их вообще можно будет разглядеть сквозь переменную облачность, будут проскальзывать в странных обличьях, с необъяснимыми цветными проблесками и неузнаваемыми очертаниями («Ланс»).

Сегодня молодые потомки глядят без всякого волнения на эти изображения, иные из которых напоминают набоковское описание с поразительной точностью.

Несколько лет тому назад один потрясенный ученый опубликовал статью, в которой путем микрогенетического анализа доказывалось, что Набоков не только был прав, предположив теоретически, около времени написания рассказа «Быль и убыль» (1944), что некоторые виды бабочек-голубянок (его энтомологическая специальность) мигрировали в Новый Свет из Азии, но что они переселялись именно пятью волнами. «Он правильно предсказал каждый <из этих пяти последовательных этапов миграции>», — сказала д-р Наоми Пирс, куратор того самого отдела чешуекрылых в Гарвардском музее зоологии, где в сороковые годы Набоков по восемь часов в день глядел в микроскоп и записывал увиденное. «Я не могла прийти в себя, я была в полном смятении», — говорила она репортеру «Нью-Йорк таймс»¹⁵⁰. Мало того, маршрут через Берингов пролив, который предложил Набоков и который в то время казался невероятным из-за низких температур, имеет теперь серьезные доводы в свою пользу. В «Убедительном доказательстве» мемуарист мысленно следует за первой своей бабочкой — пойманным было, но выпорхнувшим махаоном, который пускается в сорокалетнее странствие по весям и взгорьям, от Выры к Вологде, оттуда к Вятке и Перми, потом над густонаселенными пунктами к Верхнеколымску (где он «потерял одну шпору» над безмолвным краем истребительных лагерей, а оттуда через Берингов пролив (как иначе?) на Аляску, чтобы в конце концов снова быть пойману в Колорадо.

В стихотворении, сочиненном незадолго перед «Былью и убылью», Набоков говорит, что больше всего желал бы, чтобы его помнили как первооткрывателя нового вида бабочек. Но и в научном мире биологии его слава зашла дальше этого, введя его имя в избранное

---

¹⁵⁰ 11 января 2011 г.

общество смертных, пытавшихся под недоверчивые усмешки современников реконструировать непроницаемое по своей отдаленности прошлое и не доживших до того времени, когда удивленное потомство пришло к выводу, что их гипотезы оказались задним числом верны.

Имеется несколько записанных случаев, когда Набоков то в шутку, то полушутя, почти всегда до странного подробно, воображает свою посмертную известность.

«Открываю газету за 2063 год и среди книжных обзоров нахожу: „Никто больше не читает Набокова и Фультмерфорда“. И задаешься ужасным вопросом: кто же этот несчастный Фультмерфорд?»

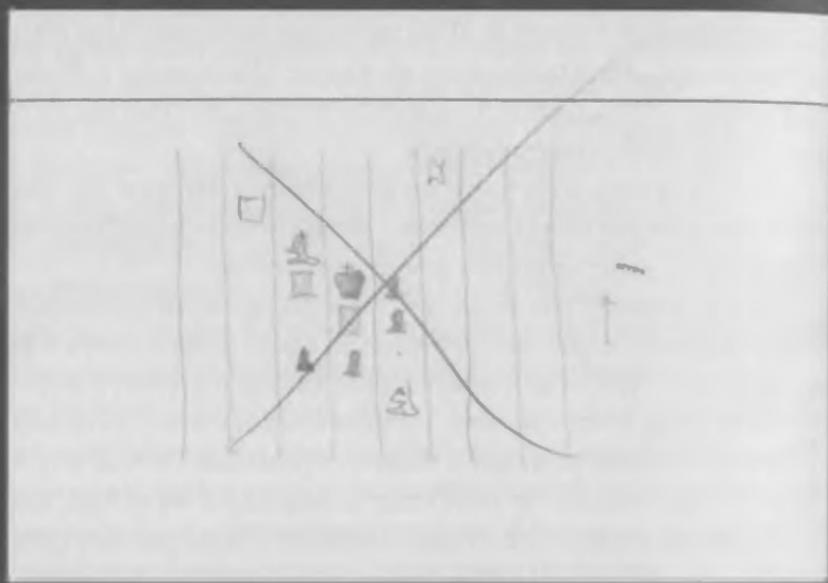
Это Набоков отвечает на глупейший вопрос американского журнала «Плейбой». Ясно, что год выбран не случайно — через сто лет после интервью.

Среди множества ненапечатанных записей семидесятих годов есть карточка со стихами, где Набоков пытается вообразить «небосвод искусства», каким он будет в апреле 1999 года (ему сто лет; низкая облачность, осадки).

Но вот более ранний и более странный случай отраженной проекции. В 1941 году в письме к жене он, подобно повествователю «Были и убыли», воображает себя в своем настоящем, с большого расстояния, времени:

...или написать одну *штучку по-русски* — и потом перевести? «Живя в Уэлзлейском университете, среди дубов и вечерних зорь мирной Новой Англии, он мечтал променять свою американскую самопишущую ручку на собственное несравненное русское перо (из «Владимир Сирин и его эпоха», 2074 г., Москва)».

Отчего именно этот год? Какая тут зацепка для памяти? Сто семьдесят пятая годовщина рождения? Отчего не взять круглое двухсотлетие? Как бы то ни было, это «и его эпоха», точка настоящего, зримая с недостижимого отстояния, — имеет прямое отношение к нашей теме.

Илл. 19. набросок шахматной задачи, возможно, мат в три хода, на обороте карточки с записью сна, датированного 24 ноября 1964 года.

В этих попытках возвратного предвидения поражает иногда чрезмерно объективный, выпуклый реализм, свойственный сновидениям. Читатели книги воспоминаний Набокова помнят, как он мальчиком, выздоровевшая после долгой болезни, видел «со сверхчувственной ясностью», в Вермееровых подробностях, как мать его едет в магазин на Невском и возвращается с карандашом ему в подарок — рекламным гигантом с витрины, вровень его тогдашнему росту. В другой раз семнадцатилетний Набоков увидел во сне своего дядю Василия, умершего незадолго перед тем и оставившего ему в наследство колоссальное состояние, уже через год отнятое и разграбленное. В том сне дядя произнес нелепую и неуклюжую фразу, полную, как казалось во сне, какого-то важного значения, но обернувшуюся, как это обычно бывает, бессмыслицей по пробуждении: «Я вернусь к тебе как Гарри и Кувыркин». Набоков записал ее. Через много лет эта фраза вдруг вспыхнула фантастическим ретроспективным смыслом, переведясь на язык наших понятий: голливудская студия Гарриса и Кубрика предложила Набокову купить у него за огромную по тем временам сумму право снимать фильм по «Лолите», возместив таким образом половину потерянного наследства, спустя почти полвека, на другой половине света. Это самый поразительный из известных мне примеров того загадочного явления, которое, в подражание смелому предположению Флоренского (из вступительной главы «Иконостаса», где описывается этиология подобных сновидений), можно бы назвать возвратной перспективой временного пространства, то есть такой, в которой причинность реверсивна, такой, где старый сон Набокова оказывается *следствием* позднейшей истории с Кубриком.

Удивительна и всесторонняя функциональность этого очень словесного сновидения; если бы оно не было

записано им в дневник, то трудно было бы поверить, что это не заготовка для будущей художественной обработки. Ведь мало того, что тут имеется редчайшее тройное совмещение общего смысла и звучания *обоих* имен; мало того, что *кувырок* дает вышеназванному явлению удобное и простое наименование; но тут имеется еще и дополнительный лингвистический нюанс для специалистов (а дядя Василий Иванович был полиглот и «мастер разгадывать шифры на пяти языках»): трансформация Кувыркина в Кубрика (или, вернее, наоборот!) следует исторически правильной замене византийского — а значит и церковнославянского — «В» на латинскую билабиальную бету (Барбара — варвар, базилика — Василий, и т. д.).

2.

Я уже останавливался на двух сновидениях Набокова, граничащих с ясновидением. Оба как будто взяты из книги Данна¹⁵¹. Как бы Данн объяснил следующий эпизод: в 1957 году приятель Набокова Роман Гринберг прислал ему первый том «Словаря языка Пушкина», только что вышедший в Москве, и в ответ Набоков пишет из Итаки в мае того же года: «Дорогой Роман, спасибо за подарок и надпись. Ты мне второй том подаришь в 1960, а последний в 1977»¹⁵². Это была, скорее всего, просто шутка: он, вероятно, имел в виду, что такие издания в совдепии могли тянуться годами (на самом деле последний том вышел в 1961-м). Но случайно или не случайно помянутый Набоковым 1977 год через двадцать лет появится на граните его надгробного памятника.

¹⁵¹ *Dunne J. W. An Experiment with Time. P. 22–23.*

¹⁵² Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967). Публ. Р. Янгирова. Диаспора: новые материалы. Париж; СПб.: 2001. С. 522.

В июле 1975 года Набоков оступился и упал («пролетел 150 футов», записал он в дневнике) в горах недалеко от Давоса, почти буквально с «небесной бабочкой в сетке», — это из маленького, задним числом кажущегося до содрогания провидческим стихотворения о возможном месте и образе своей смерти¹⁵³. Это вариация известного стихотворения Гумилева «Я и Вы», написанного ровно за шестьдесят лет перед тем, в роковом июле 1917-го: «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще». Сачок выскочил из руки упавшего на склоне горы Набокова и, подпрыгнув, застрял довольно высоко на ветке дерева, «вроде Овидиевой лиры», и так там и остался. Набоков же умер не на «вершине дикой горы», а на больничной постели, не от жары, а от сквозняка, в отсутствие врача, но в присутствии жены и сына. Брайан Бойд находит в этом альпийском происшествии отголосок темы предпоследнего романа «Сквозняк из прошлого». Мне же кажется, что Набокову, лежащему навзничь на склоне холма, глядящему, как над ним меж облаков безшумно проплывает фуникулер с развеселыми машущими руками инопланетянами, мог прийти в голову пассаж из его последней книги, только что вышедшей, с удивительно предугаданным описанием воздушной эвакуации, для которой это падение было, может быть, отправным пунктом:

Представьте себе что я <пишет повествователь и главный герой романа Вадим Вадимыч N.>, пожилой господин, почтенный писатель, быстро скольжу по воздуху на спине, раскинутыми мертвыми ногами вперед, сперва через вон тот проем в граните, потом над

¹⁵³ «И умру я не в летней беседке / от обжорства и от жары, / а с небесной бабочкой в сетке . на вершине дикой горы». Написано 22 июля 1972 года в Куреджии (Лугано).

сосновым бором, потом вдоль покрытых туманом поемных лугов, а потом прямо в прорывы тумана, все дальше и дальше, вы только вообразите себе это зрелище!

Не все воспоминательные предсказания или наоборот — «прогностические» воспоминания повествователя «Были и убыли» сбылись. «Настоящая природа» электричества не была «случайно» открыта в семидесятые годы; «большие летательные аппараты» все еще летают, но взамен библиотечных каталожных карточек пришли каталоги неосязаемые; «великая Южно-Американская война» покуда не состоялась; мы все еще «протискиваем... пуговицы в такое же количество петель» и «едим за большими столами» в «сидячем положении», во всяком случае, большинство из нас; и Россия и Франция не только не имеют общей границы (мечта русского германо-ненавистника¹⁵⁴), но и отделены теперь друг от друга Украиной и Российской Федерацией.

Летом 1926 года, через год после женитьбы, Вера Набокова по нездоровью два месяца провела в шварцвальдской санатории, и каждый день неукоснительно муж писал ей по длинному письму с описаниями дневных происшествий, рисунками, крестословицами, анаграммами и т. д. Она отвечала ему гораздо реже, за что он ей шуточно пенял. Пишет однажды: «Если бы мы издали книжечку — сборник твоих и моих писем, — то в ней было бы не больше двадцати процентов твоего труда, my love... советую тебе наверстать — еще есть время...» Времени оставалось ровно пятьдесят один год, с точностью

---

¹⁵⁴ «Как я счастлив, что мы разделились наконец с Германией. Никогда, никогда, никогда я туда не вернусь. Будь она проклята — вся эта холодная сволочь. Никогда» (из письма к жене 10 мая 1937 г. в день рождения их сына: *Набоков В. Письма к Вере*. С. 346).

до дня: письмо это написано второго июля, и это число появилось на его надгробном камне. Когда его письма к жене были напечатаны, «книжечка» оказалась двухфунтовым томом в пятьсот страниц, где вклад Веры Набоковой равняется нулю (она скорее всего уничтожила свою часть корреспонденции). Любопытно, что «Бледный огонь» начат *второго июля* 1959 года и что в этот именно день Градусу поручают совершить царевбийство. В своих подробнейших комментариях к «Евгению Онегину» Набоков упоминает неотвязное *temento mori* Пушкина, особенно его попытки предсказать «роковое число», записывая и потом тщательно исследуя цифры выглядящих правдоподобно годов. Здесь же мы видим нечто обратное: произвольное придание мнемонической ценности дате, которая окажется второй на его надгробии.

Как будто наугад выбранная дата для нужд художественного произведения; мимоходом упомянутый год в письме к другу; оговорка во сне на второй день эксперимента; забавное недоразумение в парижском лекционном зале — разрозненные случайности, каждая в отдельности — пустяковая, но приобретающие странную значительность в сумме, ибо все они указывают на время смерти Набокова и места его кремации и захоронения. Если бы он заметил это, он восхитился бы тематическим узором, который встречается в каждом из его романов — если бы не стал сам частью этого узора.

3.

Петлистые проекции Набокова в будущее имеют тайный, хотя и не бесспорный план. Он как будто подстраивает катастрофические положения в художественных вымыслах, чтобы обезвредить самую их возможность в жизни. Конечно, нет ничего нового в той идее, что жизнь сопротивляется предсказуемости, но редко кто пытается предотвратить несчастья в жизни, примеривая

эту идею в искусстве. И тут Набоков, конечно же, держал в памяти пример Пушкина, два стихотворения которого 1829 года содержат этого рода прививку от грозящей опасности: «Брожу ли я...», с его «и где мне смерть пошлет судьбина — в бою ли, в странствиях, в волнах?»¹⁵⁵ и в «Дорожных жалобах» — длинном перечне более или менее невероятных вариантов смерти на дороге («иль мне в лоб шлагбаум влепит / Непроворный инвалид»).

Его профилактические исследования наиболее вероятных несчастий касались больше жены и сына, чем его самого. В продолжении «Дара» жена Годунова-Чердынцева погибает на улице под колесами автобуса; иначе овдовевший Синеусов в последнем русском неоконченном романе «Solus Rex» до безумия хочет верить, что с духом покойной жены возможно сообщение; его отчаянная идея состоит в том, чтобы попытаться повернуть время вспять и реставрировать прошлое в воображаемом мире романа, но даже в этом вымысле внутри вымысла она все-таки в конце концов погибает. Тема какой-то ужасной опасности, угрожающей — всегда единственному — сыну или дочери, часто возраста, близкого к возрасту единственного сына Набокова, проходит через все его ранние романы и рассказы, написанные в Америке. Давид Круг («Под знаком незаконнорожденных») замучен насмерть brutальной коллективной социалистической тиранией; талантливый мономаньяк умыкает Долорес Гейз («Лолита»); Ланцелот Бок («Ланс») покидает во второй и, по-видимому, в последний раз своих пожилых, души в нем не чающих стоических родителей, чтобы исследовать таящие опасность глубины космического пространства. В «Пнине», самом не катастрофическом (в классическом смысле слова) романе

---

¹⁵⁵ Набоков цитирует эти строки в третьей главе «Пнина» и в рассказе «Облако, озеро, башня» (1937).

Набокова, чрезвычайно одаренному Виктору Винду удастся счастливо избежать вреда, который его пустоголовые, Фрейдом нашпигованные родители могли бы причинить ему, в то время как Пнин, его «настоящий» отец, едва выпутывается из сетей холодного повествователя. В 1942 году Набоков написал маленькое стихотворение — проекцию того предупредительного типа, о котором тут речь, и опубликовал только однажды. Привожу его здесь в своем переложении.

В младенчестве, бывало, на пол
упав, он продолжал лежать
плашмя, не шевелясь, как будто
не зная, плакать или встать.

Холма на склоне, после боя,
плашмя лежит он в мураве,
и ничего решать не нужно:
теперь ни встать, ни зареветь.

В «Знаках и символах», самом коротком и грустном из его английских рассказов, безымянная пожилая чета живет в постоянном страхе, что их единственный сын, юноша, страдающий, по-видимому, врожденным душевным недугом, может покончить с собой после нескольких неудавшихся попыток. Конец рассказа открыт, вроде люка, приглашая равно спуститься в него или обойти. Немного раньше мать перебирает старые фотографии в семейном альбоме: «В четыре года, в парке: пасмурный, застенчивый, с насупленным лбом, отворачивающийся от общительной белки, как отворачивался от всякого незнакомца». Мы узнаем, что парк этот был в Лейпциге, где они в то время жили. В июне 1936 года жена и сын Набокова провели месяц в Лейпциге, и в одном из писем к ней из Берлина Набоков отвечает на какие-то ее

слова в предыдущем письме: «Странно, что он боится белок». Не будь этого рассказа, эта мимоходом написанная фраза не была бы особенно примечательна. Но она приобретает особенное значение, когда читаешь записи Веры Набоковой о детских годах Дмитрия, сделанные по просьбе Набокова. На них во многом построена пятнадцатая глава его воспоминаний:

Помню, однажды он ужасно испугался. Это было первое его путешествие (в Лейпциг) и первая его прогулка в городском парке, где животные были под охраной — настолько, насколько это возможно в довольно большом городе. Голуби, обычные и огромные вяхири (вяхири ли?), белки, утки, все такие ручные, что кружились под ногами, ожидая крошек, и несчетное число маленьких птиц, до того нахальных, что поминутно пытались клюнуть бутерброд, пока ты доставал его из корзинки. Иногда один или два зайца играли посреди большой поляны (не такие ручные — улепетывали, если подойти поближе). Эта встреча с природой имела неожиданный результат. Малыш, который любил бегать (а бегал он быстро), вдруг стал проситься на руки. Он отказывался ступить и шагу, он отказывался идти на руки к знакомым и симпатичным людям (тетке, дяде), но в отчаянии прижимался ко мне и кричал, когда я пыталась хоть на минуту спустить его (а он был крупный, тяжелый ребенок)¹⁵⁶.

---

¹⁵⁶ Неопубликованная недатированная машинопись, хранящаяся в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Я благодарен профессору Ольге Ворониной, указавшей этот источник.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Настоящему писателю должно наплевать
на всех читателей, кроме одного: будущего, — который
в свою очередь лишь отражение автора во времени.*

«Дар»

В конце главы о бабочках в «Убедительном доказательстве» есть любопытное признание без объяснения, которое можно перевести так: «Признаюсь, я не верю в существование [или, вернее, «в реальность»] времени». Парадокс этой решительной фразы особенно ярок в мягком освещении книги воспоминаний о давно прошедшем времени, и вот в «Других берегах» Набоков ее смягчает, прилагая несколько объяснительных атрибутов: «Признаюсь, я не верю в мимолетность времени — легкого, плавного, персидского времени!» Техническая тонкость тут в том еще, что последнее прилагательное подготавливает легкий и плавный переход к метафоре волшебного ковра с краем, завернувшимся так, «чтобы один узор приходился на другой», то есть чтобы время обратилось на себя и прошлое сделалось непрошедшим. Впрочем, в известном смысле сухая английская формула сильнее, ибо верить в поступательность хода времени все равно что не принимать самое понятие времени, потому что проясняющий синоним времени есть именно *изменение*, и стало быть фраза «мимолетность времени» избыточна.

Последняя глава книги мемуаров «Другие берега» открывается переложенной на звуковой лад известной строкой из Горация: «О, как гаснут — по-степи, по-степи, удаляясь, годы!» В английском оригинале Горациево печальное двойное обращение к другу («Postume, Postume») передано другим звуковым подражанием: «posthaste,

posthaste», то есть годы несутся с курьерской скоростью — и уже из следующего за тем предложения становится ясно, что не только эта глава, но и вся книга написана во втором лице и обращена к «тебе», к «моему другу», к жене. Время, стоявшее, казалось, без движения, у берегов, на стрежне, мчится с ускорением кустью книги, тайное назначение которой — поставить ему запруду и обратить его поток вспять. Кстати, латинское имя друга Горация «Postumus», которое значило «позднорожденный», «последыш», получило значение «посмертный» («posthumous» по-английски).

Есть в «Других берегах» еще одно место, которого нет в английском оригинале книги, в начале последнего абзаца шестой главы: «Далеко я забрел, — однако бывшее у меня все под боком, и частица грядущего тоже со мной». К слову, о частицах. Несколько лет тому назад самый мощный в мире ускоритель элементарных частиц, находящийся в Швейцарии, на другом берегу от того места, где за сорок лет перед тем был написан «Сквозняк из прошлого», разогнал и запустил пучок нейтрино — самых призрачных фундаментальных «частичек», которые свободно проходят насквозь любую материальную плотность, из пункта «А» в Женеве в пункт «Б» в Гран-Сассо в Италии, отстоящий на 684 версты (что, между прочим, в точности равно расстоянию между Красной площадью и Сенатской). К великому изумлению ученых, скорость этого потока превысила предельную скорость света, обогнав его на огромную для такого опыта дистанцию восемь с половиной саженей (больше восемнадцати метров)¹⁵⁷.

---

¹⁵⁷ Вскоре другая группа ученых поставила новый эксперимент, который не подтвердил результатов первого; но и данные этого нового опыта оспорены другими учеными, и, вероятно, были сделаны новые опровержения новых опытов. в полном соответствии

Curious features of my dreams:

- 1) very exact clock time awareness but hazy passing-of-time feeling
- 2) many perfect strangers - some in almost every dream.
- 3) Verbal details
- 4) Fairly sustained, fairly clear, fairly logical (within special limits) cogitation.
- 5) Great difficulty in recalling a complete dream, even in outline

6) Recalling type & name

Илл. 20. Эта карточка, «Заниятные особенности моих снов», появляется среди записей снов в ноябре 1964 года.

Предел скорости света, как известно, заложен в фундаменте не только всей нынешней физики, но и сделавшейся ее служанкой современной философии, а именно теории мироздания, с ее образом выражения величин прошедшего времени посредством длинной звеньевой цепочки, нулей после целого числа. С этой точки зрения, при скорости, превышающей скорость света, объект делается, как писал один озадаченный результатом опыта физик, «легче, чем ничто, имеет отрицательные размеры, и время для него движется вспять».

Среди черновых заметок к «Детали орнамента», виргуозном рассказе, опубликованном Набоковым под названием «Круг» (1934), есть одно компактное предложение, не относящееся к рассказу, содержащее удивительное и оригинальное, хотя и не прямое объяснение для чего он сочиняет художественные произведения и почему он пишет именно таким образом: «Как мне не нежить, не пестовать, не украшать моей земной жизни, которая в царстве будущего века будет служить прелестной забавой, дороною игрушкой для моей бессмертной души»¹⁵⁸.

Нежить, пестовать, украшать жизнь в воображаемой реконструкции данности, доступной, во-первых, чувствам, во-вторых, психологическому сочувствию и, в третьих, метафизической интуиции, и было художественным заданием всей жизни Набокова. Его непрерывные попытки исследовать художественными средствами загадку человеческого существования между бездной забвения, которую в «Бледном огне» он называет «бесконечным

с теорией Карла Поппера о необходимой безысходности эмпирической науки.

¹⁵⁸ Коллекция Бергов, Нью-Йоркская публичная библиотека, папка в коробке рукописей «Деталь орнамента».

пред-временем», и той, к которой мы движемся. Эти поиски вели его к разрешению загадки смерти и посмертной жизни, и естественно поэтому, что книги Набокова можно рассматривать как серию опытов, поставленных, чтобы исследовать разные возможности от почти православной догматики, сформулированной Дандилио в «Трагедии господина Морна» (1924), через полуфарсовую формулу зятя Цинцинната («Смерть мила – это тайна») из «Приглашения на казнь» (1935) до отчаянной попытки самоистребления в том, что осталось от его последнего, неоконченного романа.

Набоков, как никто из известных мне писателей – то есть людей, обученных записывать свои наблюдения, ощущения, предположения и умозаключения, – чувствовал и «сквозняк из прошлого», и дуновение будущего: в одном стихотворном наброске 1970-х годов он говорит, что хочет «еще прожить бы десять лет», ощущая «сквозняк из рая». Тут легкое завихрение: теплый ветер из прошлого встречается с гораздо более легким ветром из не сбывшегося еще, но предчувствуемого будущего, дующий «между воспоминаньем и надеждой, / сей памятью о будущем», если вспомнить формулу Ходасевича. В стихотворении 1930 года «Будущему читателю» (откуда строка «сквозняк из прошлого») поэт в своем настоящем предвидит, как он сам или его будущий читатель ощутит когда-нибудь на своем челе этот ветер, который можно назвать возвратным, *vent de retour* метеорологов.

«Я ясно вижу, что происходило в тот или другой месяц 1944 и 1945 года», – пишет повествователь «Были и убыли» в свои девяносто с чем-то лет, оглядываясь из своего настоящего (будто бы) времени двадцатых годов XXI века. «Но когда я мысленно останавливаюсь на 1997 или 2012 – времена года делаются безнадежно туманными». Когда Набоков писал это (в 1944-м и 1945-м,

напомню), он, конечно, никоим образом не мог предположить, что его сын — по тайному замыслу ровесник повествователя, — умрет в 2012 году, не дожив до девяноста, не дожив всего полугода до предельного возраста своего отца. И, однако, в своеобразной религиозной системе позднего Набокова эти будто бы произвольно взятые годы словно веют фогвиндом¹⁵⁹ неведомого, навсегда остановленного настоящего времени автора рассказа, в безвозвратной перспективе пространства без протяженности и времени без перемены.

---

¹⁵⁹ Англ. fogwind — ветер, сопровождающийся туманом или плотной дымкой. *Ред.*

ИСТОЧНИКИ РУКОПИСЕЙ

Коллекция английской и американской литературы

Гекри и Альберта Бергов

в Нью-Йоркской публичной библиотеке

Записи снов в эксперименте 1964 года: коробка рукописей
«Заметки для текущей работы»

Выдержки из дневников: коробка с рукописями «Дневники
1943–1973»

Заметка для неидефицированной неоконченной прозы:
коробка рукописей «Деталь орнамента».

Выдержки из воспоминаний Веры Евсеевны Набоковой: ко-
робка рукописей «Биографические и генеалогические за-
метки».

Частный электронный архив Дмитрия Набокова

Расшифровка записи снов 1964 года (несовершенный, но по-
лезный источник, когда прочтение оригинала вызывает
затруднения).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. Н. Анастасьева. СПб.: Алетейя, 1999.
- Барабтарло Г. А. Сверкающий обруч: о движущей силе у Набокова. СПб.: Гиперион, 2003.
- Барабтарло Г. А. Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011.
- Бергсон А. Творческая эволюция; Материя и память / Пер. с фр. Минск: Харвест, 1999.
- Бойд Б. «Ада» Набокова: место сознания / Пер. с англ. Г. Креймера. СПб.: Симпозиум, 2012.
- Бойд Б. «Бледный огонь» Владимира Набокова: волшебство художественного открытия / Пер. с англ. Ст. Швабрина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
- Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы: биография / Пер. с англ. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2010.
- Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы: биография / Пер. с англ. М. Бирдвуд-Хеджес и др. СПб.: Симпозиум, 2010.
- Бойд Б. По следам Набокова / Пер. с англ. Г. Креймера. СПб.: Симпозиум, 2020.
- Герштейн Э. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998.
- Флоренский П. Сочинения: В 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева) и др. М.: Мысль, 1994–2004.
- Шифф С. Вера (Миссис Владимир Набоков): биография / Пер. с англ. О. Кириченко. М.: Издательство «Независимая газета», 2002.

- Aserinsky E. and Kleitman N. "Regularly Occurring Periods of Eye Motility and Concomitant Phenomena, during Sleep" // *Science*. 118 (3062). (September 1953): 273-74.
- Barabtarlo G. *Aerial View: Essays on Nabokov's Art and Metaphysics*. New York: Peter Lang, 1993.
- "Nabokov's Trinity: On the Movement of a Nabokov Theme". In *Nabokov and His Fiction*. Ed. Julian Connolly. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Bergson H. *Duration and Simultaneity: Bergson and the Einsteinian Universe*. Ed. Robin Durie. Manchester: Clinamen Press, 1999.
- Blackwell St. *The Quill and the Scalpel: Nabokov's Art and the World of Science*. Columbus: Ohio State University Press, 2009.
- Borges J. L. *Selected Non-Fictions*. Ed. Eliot Weinberger. New York: Viking, 1999.
- Boyd B. and Pyle R.M, eds. *Nabokov's Butterflies*. Boston: Beacon Press, 2000.
- De la Mare W. *Behold, This Dreamer!* New York: Alfred A. Knopf, 1939.
- Dement W., Kleitman N. "The Relation of Eye Movements during Sleep to Dream Activity" // *Journal of Experimental Psychology* 53 (5) (1957): 89-97.
- Dunne J. W. *An Experiment with Time*. 4th ed. London: Faber & Faber, 1944.
- Einstein A. *Relativity: The Special and General Theory*. Trans. Robert W. Lawson. New York: Pi Press, 2005.
- Garfield S. *Timekeepers: How the World Became Obsessed with Time*. Edinburgh: Canongate, 2016.
- Gleick J. *Time Travel: A History*. New York: Pantheon, 2016.
- Hildebrandt F. W. *Der Traum und seine Verwertung für Leben*. Leipzig, 1875.
- Jolas E. *Man from Babel*. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
- Levy E. P. *Detaining Time*. New York: Bloomsbury, 2016.
- Maury A. *Le sommeil et les rêves*. Paris, 1878.
- McCarthy C. *The Crossing*. New York: Alfred A. Knopf, 1994.
- Michotte A. *The Perception of Causality*. London: Methuen, 1963.
- Miyake A., Shah P., eds. *Models of Working Memory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

- Pitzer A. *The Secret History of Vladimir Nabokov*. New York: Pegasus, 2013.
- Roper R. *Nabokov in America: On the Road to Lolita*. New York: Bloomsbury, 2015.
- Schredl M., D. Atanasova, K. Hormann, J. T. Maurer, T. Hummel, and B. A. Stuck. "Information Processing during Sleep: The Effect of Olfactory Stimuli on Dream Content and Dream Emotions." *Journal of Sleep Research* 18 (3) (2009): 285-90.
- Smolin L. *Time Reborn*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
- Tammi P. *Problems of Nabokov's Poetics*. Helsinki: Suomal. Tiedakatemia, 1985.
- Unger Roberto, Smolin L. *The Singular Universe and the Reality of Time: A Proposal in Natural Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Wood M. *The Magician's Doubts: Nabokov and the Risks of Fiction*. London: Chatto & Windus, 1994.
- Wulff O. "Die umgekehrte Perspektive und die starke Niedersicht". In *Kunstwis- senschaftliche Beitrage*. Leipzig, 1907.1-40.
- Zimmer D. E. "What Happened to Sergey Nabokov?" January 2, 2017; <http://dezimmer.net>.
- Zunzhine L. *Why We Read Fiction: Theory of Mind and the Novel*. Columbus: Ohio State University Press, 2006.

- Августин Блаженный 6
 Алданов, Марк 40
 Ахматова, Анна 203

 Бабиков, Андрей 136, 141,
     151, 159, 166
 Барнс, Лидси 11
 Берберова, Нина 103, 108
 Берг, Альберт 11, 13, 220, 223
 Берг, Генри 11, 13, 220, 223
 Бергсон, Анри 18, 224
 Бёрджесс, Энтони 112
 Бойд, Брайан 11, 178, 211, 224
 Бриали, Жан-Клод 58,
 Бромберг, Елена 102,

 Вайли, Эндрю 11
 Вермеер, Ян 209
 Воронина, Ольга 216
 Вильсон, Эдмунд 17, 61, 100,
     137, 202

 Гаррис, Мик 39, 209
 Гевирц, Исаак 11,
 Герштейн, Эмма 203, 224
 Гессен, Георгий 121,
 Гитлер, Адольф 51
 Глушанок, Галина 40,
 Гофельд, Евгения 114

 Гораций 217, 218
 Грегори, Джошуа 198,
 Гринберг, Роман 17, 210
 Гумилев, Николай 211

 Данн, Дж. У. 10, 13, 18, 19,
     20–29, 31–36, 38, 39–41,
     46, 49, 50, 51, 53, 55, 59,
     68, 69, 101, 104, 111, 132,
     137, 155, 158, 178, 192,
     193, 197, 198, 210
 Данте Алигьери 197,
 Де ла Мар, Вальтер 19, 29,
 Державин, Гаврила 111
 Джойс, Джеймс 19, 191
 Добужинский, Мстислав 83
 Достоевский, Федор 51

 Жоля, Эжен 19

 Зак, Александр 122
 Зензинов, Владимир 40

 Иван IV Васильевич
     (Грозный) 203

 Калашников, Михаил 60
 Карпович, Михаил 102, 115
 Карпович, Гатьяна 102

- Керенский, Александр 120
 Корф, Мария фон,
 баронесса 114
 Кросс, Сэмюэль Хаззард 17
 Кубрик, Стэнли 39, 209, 210
- Ледковская, Марина 100
 Леон, Ноэль 189
- Маккеун, Джошуа 11
 Маккарти, Кормак 193
 Мактаггарт, Дж. М. 198
 Маркевич, Топазия 79
 Масальская, Елена,
 княгиня 99
 Милюков, Павел 92
 Монк, Иеремия 204
 Мостель, Самуэль 105
- Маликова, Мария 204
 Мельников, Николай 204
 Моцарт, В. А. 14, 115
 Мэйсон, А. Е. В. 49, 51
- Набокова, Вера 10, 13, 15,
 19, 37, 39, 41, 47, 49, 51,
 53, 54, 56, 58, 59, 60, 62,
 64, 65, 68, 75, 77, 78, 79,
 80, 83, 84, 87, 88, 89, 90,
 91, 94, 95, 98, 99, 100, 101,
 102, 103, 104, 105, 106,
 107, 112, 113, 115, 122,
 123, 124, 207, 211, 212,
 213, 214, 215, 218
 Набоков, В. Д. 14, 38, 75, 91,
 92, 94, 96, 98, 106, 114,
 115, 118, 121, 133, 137,
 178, 222
- Набоков, Дмитрий 5, 15, 19,
 52, 57, 58, 68, 70, 78, 79,
 81, 84, 90, 94, 95, 96, 99,
 102, 107, 121, 187, 211,
 212, 214, 215, 221
 Набокова, Елена 65, 66, 70,
 71, 73, 75, 91, 106, 113,
 114, 209
 Набоков, Кирилл 106
 Набоков, Сергей 40, 65
- Остером, Йооп Ван 202
- Папино, Давид 199
 Петкевич, Ольга 103
 Петр I Алексеевич
 (Великий) 203
 Пирс, Наоми 206
 Планк, Макс 18
 Полан, Жан 85
 Пристли, Дж. Б. 19
 Пруст, Марсель 22, 191
 Пушкин, Александр 121,
 178, 204, 210, 213, 214
- Рассел, Бертран 198
 Рауш фон Траубенберг 69,
 Георгий (Юрий), барон
 Рольф, Анна Филиппа 90,
 108
 Рукавишников, Василий 66
- Селивоник, Татьяна 100
 Сикорская, Елена 76, 77
 Сикорская, Нилли 50
 Сикорский, Владимир 76, 94
 Слоним, София 65
 Солнцев, Константин 114

Сталин, Иосиф 203
Стоппард, Том, сэр 200

Толстой, Лев 102, 191
Тургенев, Иван 14, 118

Устинов, Петер 88, 94
Устинов, Сюзанна 88, 94
Уэллс, Герберт 18

Фазольт, Софья 100
Фейгина, Анна 37, 84, 113
Фёльдеш, Йоланда 204
Флобер, Густав 118
Флоренский, Павел 10, 26,
27, 28, 29, 30, 31, 39, 92,
93, 195, 209, 224

Фондаминский, Илья 39
Фрейд, Зигмунд 18, 28, 29,
32, 34, 215

Фэрбанкс, Гордон 17

Хаксли, Олдос 19
Хайдеггер, Мартин 18
Хинтон, Ч. Х. 18
Ходасевич, Владислав 39,
103, 125, 221

Чайковский, Петр 96,

Шекспир, Уильям 187, 201
Шклявер, Жорж (Георгий)
103, 104

Шпулер, доктор 87

Эйзенхауэр, Д. Д. 204
Янгиров, Рашит 210

De la Mare, W.,
см. Де ла Мар, Вальтер
Dunne, J.W., см. Данн

Jolas, John George Eugene
19, 225

Я СНОВИДЕНИЯ НАБΟКОВА

16+

Выпускающий редактор *И. Г. Крайцова*
Корректор *Л. А. Самойлова*
Компьютерная верстка *С. А. Бондаренко*

Подписано к печати 21.12.2020. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №7590 / 20.

Издательство Ивана Лимбаха.
197348, Санкт-Петербург, Коломяжский пр., 18,
офис № 4-089 (бизнес-центр «Норд Хаус»)
Тел. 676-50-37, +7 (931) 001-31-08
E-mail: limbakh@limbakh.ru
WWW.LIMBAKH.RU

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боролеево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Все пять частей изящно написанной и составленной книги нацелены на одно: показать, насколько сильным было желание Набокова заглянуть за пределы физически доступного нам мира и разгадать загадку смерти. Сны были для него трюшками в непознаваемое, как и размышления о природе времени, проныкнуть в которую позволяет искусство, единственно способное отразить связь между сновидениями и вечностью.

Ольга Каренина, Санкт-Петербург

Поразительные записи снов бесценны. Они показывают нам уязвимого, незащищенного и подлинного Набокова.

Тина Тейлор

Пеннингтон, штат Пенсильвания, Пеннингтон

Кому нужны выдумки фантастов, когда можно нырнуть в сияющий мир сновидений Набокова с Геннадием Барабтарло в роли мудрого спутника и гида?

Дэвид Гилл

Оксфордский университет

978-5-89059-403-7

